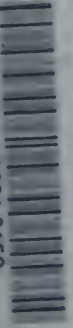

3 1761 03521 0152

I

СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ

О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ.

skazaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve

В. Ключевского.

МОСКОВСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТЪ

ТЕХНИКУМЪ

№ 85.

ПЕТРОГРАД

1918

Сочинения В. О. Ключевского монополизированы
Российской Федеративной Советской Республикой на
пять лет, по 31 декабря 1922 г.

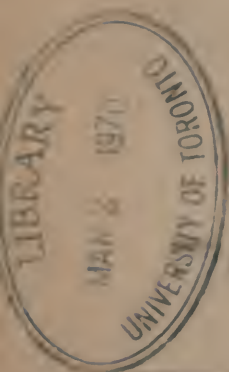
Настоящее издание перепечатано без всяких изме-
нений с издания, выпущенного в Москве в 1916 году.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена
не может быть повышена под страхом ответственно-
сти перед законом страны.

Правительственный Комиссар

Литер.-Изд. Отдела *И. И. Лебедев-Полянский.*

Петроградь,
13/III 1918 г.

DK
21
K55
1918

Первая Государственная Типография.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Введение	5
I. Пределы Русского племени и Московской государственной области	24
II. Прием иностранных послов в Москве	41
III. Государь и его двор	73
IV. Войско.	87
V. Управление и судопроизводство	123
VI. Доходы казны	159
VII. Вид страны и ее климат	174
VIII. Почва и произведения	178
IX. Народонаселение	192
X. Города	212
XI. Торговля.	252
XII. Монета	302
Приложение.	309
I. Библиографические дополнения къ примечаниям	314
II. Указатель географических названий	325
III. Указатель собственных имен	330

В отношениях западно-европейского мира к древней России есть две черты, повидимому, исключаящие одна другую и одновременно существовавшие рядом, благодаря особым условиям, в которых находилась древняя Россия. С одной стороны, вследствие отчуждения между западно-Европою и Россией, продолжавшегося до самого XVIII века, западно-европейское общество оставалось почти в совершенном неведении о положении и судьбах России; вследствие этого неведения в нем распространились и укоренились странные представления об этой стране. В начале XVIII столетия русский резидент при одном из западно-европейских дворов, подыскивая деловых людей для Петра, жаловался на то, что эти люди боятся ехать в Россию, думая, что ехать туда — значит ехать «в край света», что эта страна «с Индиями граничит»¹⁾. Между тем, в то самое время, как в западной Европе господствовали такие представления о России, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из западной Европы, как отдаленная лесная Московия. Нетрудно найти некоторую связь между этими противоречащими явлениями: чем первобытнее и малоизвестнее для путешественника страна, в которую он понал, чем более представляет она новых для него особенностей, тем сильнее затрагивает она его любопытство и тем легче дается наблюдающему

¹⁾ Поэтому Мейерсъ имел полное право сказать, что образованная Европа в начале XVI века знала о России гораздо меньше, нежели о Новой Голландии в конце XVIII века. «Vergleichung des Alterthums und neuern Russlands», Ч. 1, стр. 2.

глазу. Но не один простой интерес дикой, неведомой страны, с которым описывают Новую Голландию или центральную Африку, привлекал внимание западно-европейских путешественников к Московскому государству: в их описаниях сказывается иногда другой, высший интерес, руководивший их наблюдениями; у немногих из них, но за то наиболее безпристрастных и основательных, изредка встречаются намеки на то, что они чувствовали в древнерусском обществе под его азиатской формой присутствие начал, родственных с теми, которыми жила западная Европа, и среди множества явлений, неприятно поражавших европейца, умели подметить и такие, к которым после строгой оценки не могли не отнестись с сочувствием.

Разсмотрим качества того материала, который представляют записки этих путешественников о Московском государстве. Какой интерес могут представить для изучения отечественной истории заметки иностранца о чужой для него стране, о чужом народе? Чем шире развивается народная жизнь, тем доступнее становится она для изучения, оставляя более следов после себя; вместе с тем, в такой же мере развивается народное самосознание, выражаясь в известных органах. Так с двух сторон являются обильные и притом свои источники для исторического изучения. Тогда заметки приезжего иностранца, более или менее беглые и поверхностные, могут быть любопытны, но и только. Совсем другое значение получают они, когда относятся к более ранним эпохам истории народа, когда застают его на той ступени развития, на какой стояло, например, Московское государство в XV—XVII веке. Известно, как трудно развивается и в человеке и в народе способность оглядки на себя, на пройденное и сделанное, как вообще трудно отрешиться

на время от окружающего, стать в стороне от него, чтобы окинуть его спокойным взглядом постороннего наблюдателя. Много говорят о русской привычке думать и действовать толпой, миромъ: правда ли это и, если правда, составляет ли это постоянную, или временную особенность национального характера, все равно: и в том, и в другом случае это условие очень неблагоприятствует появлению в обществе людей, которые «приходят на житейский рынок не для купли и продажи, а для того, чтобы посмотреть, как другие продают и покупают». Мы знаем также, как много помогает обсуждению себя и своего положения возможность сравнения, возможность видеть, как живут и действуют другие. Наконец, для того, чтобы возникла в обществе потребность обсудить свое прошедшее и настоящее, разобраться в груди всего, что сделано в продолжение веков, надобно, чтобы эта гряда достигла значительных размеров и само общество имело настолько спокойствия и устоя, чтоб можно было приняться за такую разборку. Ни того, ни другого, ни третьего не имели наши предки XV—XVII века: в своих лесах, окруженные враждебными соседями, разобщенные с другими народами, они были слишком заняты, чтобы иметь возможность и охоту приняться за подобную разборку²⁾. Такие эпохи не благоприятствуют появлению

²⁾ Только от второй половины XVII века имеем мы довольно живую, хотя далеко не полную картину состояния Московского государства, начертанную русским человеком; но и этот человек прежде, чем принялся за такой труд, бежал из отечества, порвал всякие, даже религиозные связи с ним и имел случай узнать обычаи и порядки других стран, непохожие на то, что он видел у себя дома: сравнение родило в нем первую мысль описать состояние своего отечества. См. Котошихин, вид 2 е, предисловие стр. XI.

литературных памятников, которые изображали бы с некоторой полнотой обычное течение народной жизни, и тут особенно дорого может быть слово иностранца, наблюдению которого доступно преимущественно это обычное течение жизни; а в древней России именно эта сторона должна была резко броситься в глаза западному европейцу, представляя во всем любопытные для него оригинальные черты. В этом отношении иностранные известия могут быть очень важным материалом для изучения прошедшей жизни народа. Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, привыкшие к ним, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя; незнакомый или мало знакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам, иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже безпристрастно оценить их; но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривыкшего к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них с своей домашней, условной точки зрения. С этой стороны записки иностранца могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам.

Всем сказанным выше о характере и значении иностранных известий определяется и то, что в них представляет больший и что меньший интерес для изучения. Внешние явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальная сторона—вот что с наибольшею полнотой и верною мог описать посторонний наблюдатель. Напротив, известия о домашней жизни, о нравственном

состоянии общества не могли быть в такой же степени верны и полны: эта сторона жизни менее открыта для постороннего глаза, и притом к ней менее, нежели к другим сторонам народной жизни, приложима чужая мерка. Беглые наблюдения, сделанные в короткое время, не могут уловить наиболее характеристических черт нравственной жизни народа; для оценки ее путешественник мог иметь пред собой только отдельные, случайно попавшиеся ему на глаза явления, а нравственная жизнь народа всего менее может быть определена по отдельным, случайным фактам и явлениям. Наконец, в большей части случаев западно-европейский путешественник не мог даже верно оценить и отрывочные явления этой жизни: нравственный быт и характер русских людей описываемого времени должен был казаться ему слишком странным, слишком несходным с основными его понятиями и привычками, чтобы он мог отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не с своей личной точки зрения, а со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагался этот быт и характер. Оттого иностранные известия о нравственном состоянии русского общества очень отрывочны и бедны положительными указаниями, так что по ним невозможно составить сколько-нибудь цельный очерк ни одной из сторон нравственной жизни описываемого ими общества; зато в этих известиях дано слишком много места личным, произвольным мнениям и взглядам самих писателей, часто бросающим ложный свет на описываемые явления. Вот как, например, один из иностранцев XVII века, принадлежащий к числу наиболее спокойных и основательных иностранных писателей о России, изображает празднование Пасхи в Москве: В продолжение пасхальной де-

дела все, и богатые, и бедные и мужчины, и женщины предаются такой веселости, что, подумаешь, они теряют на это время здравый разумок. Работы прекращаются, лавки запираются, одни кабаки и другие увеселительные места остаются открытыми; суд умолкает, но за то воздух оглашается беспорядочными криками. Знакомые, при первой встрече, приветствуют друг друга словами «Христос воскрес», «воистину воскрес», целуют и дарят друг друга куриными или деревянными раскрашенными яйцами. Духовные, в сопровождении мальчиков, несущих образ или распятие, в самом дорогом облачении бегают по улицам и перекресткам, посещая своих родственников и друзей, с которыми пьют до опьянения. Куда ни помотришь, везде видишь столько пьяных мужчин и женщин, что всей строгостью своего поста они наверное не могли заслужить от Бога столько милости, сколько навлекают гнева своим необузданным разгулом и нарушением законов трезвости ³⁾». В этом описании мало неточностей; но мы составили бы себе слишком узкое, одностороннее понятие о древне-русском празднике, если бы стали представлять его в подобных поверхностных чертах: а таковы почти все изображаемые иностранцами картины древне-русского быта. Поэтому в настоящем обзоре мы ограничимся иностранными известиями только о тех сторонах древней России, изображение которых наименее могло потерпеть от произвола личных суждений писателей: таковы их географические сведения об области Московского государства, описание некоторых сторон и явлений государственной жизни, известия о материальных средствах

³⁾ Mayerberg, «Voyage en Moscovie», в «Bibliothèque russe et polonaise», t. I. p. 75—76.

страны и т. п. И в этой области остается еще много неточных, обичайных показаний, по крайней мере здесь эти показания отличаются большою полнотою и мы имеем больше возможности проверить их известиями из других источников.

Московское государство долго не обращало на себя внимания западной Европы, не имевшей с ним никаких общих интересов. Только со второй половины XV века, т. е. с того времени, когда окончилось образование государства, начинает оно завязывать слабые, часто прерывавшиеся сношения с некоторыми западно-европейскими государствами. Потому от XV века мы имеем немногие краткие заметки о нем от иностранцев, случайно появившихся в Россию и остававшихся в ней очень недолго. Но скоро разные исторические обстоятельства подали повод к более близким и частым сношениям между Москвою и некоторыми западно-европейскими дворами,—и, начиная со времени княжения Василия Иоанновича, идет длинный ряд более или менее подробных описаний Московского государства, составленных или по непосредственным наблюдениям, людьми, приезжавшими в Московское государство с разными целями, преимущественно в качестве послов,—или по рассказам других путешественников. Описания, которыми мы пользовались, относятся к трем столетиям; XV-му, XVI-му и XVII-му; вот их перечень в хронологическом порядке, в каком приводит их Адзелунг¹⁾.

¹⁾ Цифры, поставленные пред каждым писателем в списке Адзелунга и приводимые здесь с некоторыми изменениями, означают время пребывания писателя в России, если же писатель не был сам в России, то поставленная пред ним цифра означает год издания его сочинения. В список Адзелунга не вошли из приводимых нами писателей только Лавина и Михалов.

Век XV.

1412 и 1421. *Voyages et ambassades de Guillebert de Lennoy. Mons, 1840.* * Фламандский рыцарь, служивший в Пруссии и Ливонии (род. 1386, † 1452). В 1413 посетил Новгород. Издан Лелевелем в 1844 г. с комментариями*.

1436. Иоасафа Барбаро, дворянина венецианского, путешествие к Дону (в Азов)⁵).

1476. Путешествие Амвросия Контарини, посла Венецианской республики, к Уссун-Гассану, царю персидскому, в 1473 ⁶).

Век XVI.

1517. *Mathiae a Michovia: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis* ⁷).

⁵) Барбаро в 1436 году предпринял путешествие к Дону, где прожил 16 лет; потом ездил в Персию. Неизвестно, когда именно был он в Москве; известно только, что сочинение свое писал он после издания сочинения Контарини, о котором не раз упоминает.

⁶) Сочинения Барбаро и Контарини помещены в русском переводе, с приложением итальянских подлинников, в «Библиотеке иностранных писателей о России», В. Семенова, 1836.

⁷) Отрывки из сочинения Меховского, касающиеся собственно Московского государства, помещены в латинском подлиннике стр. 206—209 сборника «*Regum Moscoviticarum auctores arii*» (Francfurti, MDC) и в русском переводе, в третьей статье «Библиографических отрывков» (Отеч. Зап. 1854 г., № 12, отдел. II, стр. 142—153). Мейнерс отказывается определять, когда явилось в свет сочинение Меховского (см. «*Verlehnung*» etc. I, 4), Аделунг ошибочно относит первое издание его книги к 1521 г.: это было уже третье издание.

* Эти и другие, отмеченные знаком *, вставки воспроизведены из авторского экземпляра книги (прим. изд.).

1517 и 1526. *Rerum Moscoviticarum commentarii*, Sigismundo Libero Barone in Herberstein. Neuperg et Guetenhug auctore. 1549 ⁸⁾).

1523. Письмо Альберто Кампензе о делах московских к папе Клименту VII ⁹⁾).

1525. Павла Новия Новокомского сочинение о низкомъстве Василія, великого князи московского, к папе Клименту VII ¹⁰⁾).

1525. *Moscovitarum juxta Mare Glaciale religio*, a D. Ioanne Fabri edita ¹¹⁾).

1553. The booke of the great and mighty Emperor of Russia and Duke of Muscovia, and of the dominions, orders and commodities thereunto belonging, drawn by Richard Chancelour ¹²⁾. Известия, изложенные Ченслером в этой записке, повторены с некоторыми добавлениями Климентом Адамом в латинской статье «*Anglorum navigatio ad Moscovitas*» ¹³⁾).

⁸⁾ Помещено в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*» (стр. 1—117), с присоединением статьи о генеалогии великих князей московских; к сочинению приложены две географические карты Московского государства, план города Москвы и несколько рисунков.

⁹⁾ Помещено в Библиотеке В. Семенова в подлиннике и в русском переводе.

¹⁰⁾ Там же.

¹¹⁾ Помещено в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*» (стр. 130—141).

¹²⁾ Помещено в Hakluyt's «*Collection of the early voyages*» etc. a new edition, vol. I. London, 1809 (стр. 263—270).

¹³⁾ Подлинник не помещен в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», р. 142—183; но в сборнике Гаклюйта, вслед за сочинением Ченслера, помещен английский перевод латински Климента (стр. 270—274).* Журн. М. Н. II. 1838 гет.*

1557. The first voyage made by Master Antony Jenkinson from the City of London toward the land of Russia ¹⁴⁾.

1560. *Alexandri Guagnini Veronensis: Omnium regionum Moscoviae Monarchae subjectarum Tartarorumque caespitium etc. sufficiens et vera descriptio* ¹⁵⁾.

1568. The ambassage of the right worshipfull Master Thomas Randolfe to the Emperour of Russia, briefly written by himselve ¹⁶⁾.

1575. *Nobilissimi Equitis Dani Iacobi Ulfeldii etc.: Legatio Moscovitica sive Hodopoericon Ruthenicum*. Francofurti, 1627. * См. Попова, Прав. Обзор. 1878, 2, стр. 300.*

1576. Письмо о Московии, Кобенцеля ¹⁷⁾.

1576—1578. *Moscoviae Ortus et Progressus*. Auctore Daniele Printz a Buchau, August. Imper. Maximiliani et Rubolphi consiliario, nec non bis ad Iohannem Basilidem, Magnum Ducem Moscoviae legato extraordinario. Gubenaе anno 1679.

1581 и 1582. *Antonii Possevini Societatis Jesu. Moscovia*. Antverpiae, 1587.

1583. A briefe discourse of the voyage of Sir Jerome Bowes knight, her Majesties ambassadour to Ivan Vasilivich the Emperour of Muscovia ¹⁸⁾.

¹⁴⁾ *Hakluyt*, vol. I, 346—363. См. также описания других путешествий Дженкинсона в Россию, помещенные у Гаклюйта на стр. 362—375 и 452—463.

¹⁵⁾ «*Rerum Moscoviticarum auctores variis*», p. 154—206.

¹⁶⁾ *Hakluyt*, vol. I, 422—432.

¹⁷⁾ Русский перевод, сделанный проф. Домбровским, помещен в Журн. Мин. Народн. Просв. 1842 г., № 9.

¹⁸⁾ *Hakluyt*, vol. I, 517—523.

1584—1590. Сокращенный рассказ или меморьял путешествий сэра Джерома Горсея ¹⁹⁾.

1588 и 1589. Дж. Флетчер: О государстве Русском или образ правления русского царя. Лондон. 1591.

1590. Iehann David Wundersee: Reisen nach Danmark, Russland und Schweden 1589 und 1590 ²⁰⁾.

В е к X V I I.

1601—1611. Состояние Российской державы и великого княжества Московского. Сочинение капитана Маржерета ²¹⁾.

1606—1608. Описание путешествия Ганса Георга Паерле, уроженца аугсбургского, из Кракова в Москву и из Москвы в Краков ²²⁾.

1609—1612. Дневник Самуила Маскевича с 1594 по 1621 год ²³⁾.

1608—1611. Petri Petreji: Historien und Bericht von d. Grossfürst Muschkow etc. ²⁴⁾.

1634 и 1636. Relation du voyage d' Adam Olearius en Moscovie, Tartarie et Perse etc. Traduit de l'Allemand par A. de Wicquefort. Tome premier, seconde édition. Paris. MDCLXXIX.

¹⁹⁾ Перевод начат, но не кончен в «Библиотеке для Чтения» 1865 г., № 4 и 6.

²⁰⁾ «Frankfurtisches Archiv für ältere deutsche Litteratur und Geschichte», herausgeb. von Richard. Frankf. a. M., 1811. II B., S. 169—255.

²¹⁾ «Сказания современников о Дмитрия Самозванце», ч. III

²²⁾ Там же, ч. II.

²³⁾ Там же, ч. V.

²⁴⁾ «Rerum Rossicarum scriptores exteri», a Collegio Archeographico editi, t. I

1661. Relation d'un voyage en Moscovie, écrite par Augustin Baron de Mayerberg. 2 vol. Paris, 1858 ²⁵).

1663. La relation de trois ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle etc. vers Alexey Michailowitz, czar et grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suède, et Frederic III, roi de Dannemark et de Norvège. Amsterdam. MDCLXI.

1659—1667. Нынешнее состояние России, описанное одним англичанином (Самуилом Коллинсом), который 9 лет прожил при дворе Великого царя русского ²⁶).

1668—1670. Les voyages de Jean Struysen Moscovie, en Tartarie etc. Amsterdam, MDDLXXXI * P. Арх. 880, 1°.

1671—1673. Якова Рейтенфельса: О состоянии России при царе Алексее Михайловиче ²⁷).

1675. Relatio eorum quae circa Sacr. Caesar. Majestat. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Annib. Francisc. de Bottoni et Jann Carol. Terlingerenum de Guzmann gesta sunt, strictim recensita per Ad. Lyseck, dictae legationis secretarium. Salisburgi, 1676.

1678. Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam potentiss. Poloniae Regis ac Republicae mandato et consensu, anno 1678 feliciter suscepta, nunc breviter sed accurate quoad singula notabilia descripta a teste oculato B. L. Tannero Bœmo Pragense, Dn. Legati principis camerario germanico. Norimbergae, anno 1689.

1686. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine, par Ph. Avril (Societatis Jesu). Paris, 1691 * Col. 14,67°.

²⁵) «Bibliothèque russe et polonaise», vol. I et II.

²⁶) «Русский Вестник» 1841 г., №№ 7 и 9; «Чтения Импер. Общ. Истории и Древн. Российских» 1846 г., № 1.

²⁷) «Журнал Мин. Нар. Просвещ.» 1839 г., № 7.

1689. *Relation curieuse et nouvelle de Moscovie*, par Neuville. A la Haye, 1696.

1698 и 1699. *Diarium itineris in Moscoviam etc., descriptum a I. G. Korb, secretario ablegationis Caesareae. Viennae Austriae, 1700* ²³⁾. Устр. Пет. II. 4, 82.*

Перечисленные выше сочинения писаны с разными целями, по разным случаям и представляют материал, довольно разнообразный по форме и по содержанию. Путешественники XV века Ланнуа, Барбаро и Контарини, попавшие в Московию случайно и пробывшие в ней недолго, сообщают немногие беглые заметки о том, что они видели и слышали проездом; такие же беглые заметки путешественников, бывших в Московском государстве проездом, имеем мы и от позднейшего времени: таковы путевые заметки Вундерера, Штрауса и Авриля. Эти заметки любопытны для географии страны по непосредственным, иногда метким наблюдениям над местностью, по которой проезжал путешественник.

²³⁾ Библиографическое и библиографическое подробнее об указанных писателях см. у Мейнера, I, 1—32, у Аделунга и в «Библиографических отрывках». Кроме приведенных сочинений, мы указывались известиями Михалова Литвина (см. Извлечения из сочинения Михалова Литвина о нравах татар, литовцев и москвитян, в переводе С. Шустакова, «Арх. ист.-юрд. сведений, II Назанова, книги 2-ой половина 2-ая), также некоторыми статьями в «Historia Romiae Imperialis» и особенно письмами и записками Мюнкессей экипажем английских купцов, напечатанными в 1-м томе «Обзорки» Гаклюйта; указываем здесь страницы, на которых помещены они в изданиях 1699 года: записка Гасса, 293 и сл.; путешествие Ст. Верроу к Оби, 306 и сл.; заметки Джонсона, 316 и сл.; письма поморани, 331 и 311; письма ее агентов, 293, 307—341; записка Лева, 345; путешествие Суутама и Спарка, 409 и след.; начало записки о путешествиях в Персию, 471 и инк. друг.

Религиозное движение XVI века заставило римских первосвященников обратить заботливые взоры на восточную Европу, с целью вознаградить себя там новыми религиозными завоеваниями за огромные потери, причиненные римской церкви протестантизмом; этому обязаны мы несколькими записками о Московии, составленными с целью уяснить, какими путями можно было бы провести в Московское государство католическую пропаганду и каких выгод могла ждать римская церковь от успеха в этом деле. Согласно с такой целью, составители упомянутых записок преимущественно говорят о нравственном и религиозном состоянии жителей Московского государства, о церковной иерархии и т. п. Таковы записки Кампензе, Ювия, Фабри и знаменитого иезуита—Антония Поссевина. Достоверного они сообщают мало, ибо писали по чужим рассказам, за исключением Поссевина, который сам два раза был в Москве и посвятил весь свой первый комментарий описанию религиозного состояния Московского государства и изложению планов и средств касательно распространения в нем католичества. Отличительная черта этих записок состоит в том, что составители их, не исключая даже и мрачного Поссевина, особенно выгодно отзываются о религиозном чувстве и набожности русских, только жалеют, что такая теплая вера и истинно-христианское благочестие пропадают без пользы, за границу римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия²⁹⁾.

²⁹⁾ Сказав о виденных им святых Новгорода Великого и о благоговении, с которым чтут их жители, Поссевин продолжает: *Abeuntes miseram gentis conditionem commiserati eo amplius sumus, quod tanta erga ejusmodi res pietate ferretur, ut si catholici essent, nihil ad summam religionem eo in genere videri possit desiderandum.* «Supplementum ad Historica Russiae Monumenta» № CLXII, p. 398.

В половине XVI века в Англии обнаружилось сильное движение к открытию новых стран и торговых путей: соперничая с Испанцами и Португальцами, английские купцы пытались открыть новый северовосточный проход в Тихий океан. Прохода не открыли, но открыли на север-восточном краю Европы неизвестную страну, которая потом оказалась Московией; вследствие этого, несмотря на неблагоприятное начало, завязались деятельные торговые сношения Англии с Московским государством: в Лондоне составилась Московская компания английских купцов (the Moscovie company of the merchants adventurers), которой мы обязаны множеством записок, сообщаящих известия о Московском государстве XVI века и напечатанных в первом томе «Сборника» Гавлюята. Сюда вошли описания путешествий английских послов, ездивших в Москву по делам компании, письма и другие деловые бумаги ее агентов. Содержание и характер этих описаний и бумаг определяется теми практическими целями, которыми руководились их составители: здесь заключается довольно богатый материал для географии Московского государства, преимущественно северного его края, для истории торговли, промышленности и вообще материального состояния страны. Деловому содержанию этих записок соответствует и их изложение, резко отличающееся от прочих иностранных сочинений о Московии: не вдаваясь много в рассуждения об особенностях страны и ее жителей, послы и агенты сообщают в на-скоро писанных, большей частью кратких записках, письмах и отчетах почти одни голые, сухие факты и наблюдения. Зато по достоверности и обилию подробностей эти записки можно отнести к

лучшим иностранным сочинениям о Московском государстве⁸⁹⁾.

Смутному времени мы обязаны несколькими любопытными записками иностранцев о шумных событиях этой эпохи. Некоторые из этих писателей, именно Маржерет, Паерле, Маскевич и Петрей приложили к запискам о событиях того времени более или менее подробные описания внутреннего состояния Московского государства, не лишённые некоторых любопытных известий; из них особенно можно указать на сочинение Маржерета, который довольно долго жил в России, служа капитаном отряда иноземных телохранителей при Борисе Годунове и первом самозванце, и в сочинении своем сообщает любопытные подробности о московском войске.

Самый значительный по числу и объёму сочинений отдел из выписанных выше материалов составляют описания посольств, приезжавших в Москву из разных государств западной Европы, преимущественно из Австрии. К этому отделу принадлежит большая часть и наиболее объёмистых иностранных сочинений о Московском государстве. Некоторые из них имеют вид путевых записок, в которых заметки набросаны без строгого порядка: таковы сочинения Ульфельда и Мейерберга; другие, как, наприм., сочинение Флетчера, представляют систе

⁸⁹⁾ О возникновении компании и первом прибытии англичан в Белое море см. «Anglorum navig. ad Moscovitas» в «Rerum Moscoviticarum auctores varii». Об открытиях англичан на северо-востоке и об их торговых сношениях с Московским государством с 1553 г. см. письмо Лена у Гаклюйта, I, 523 и сл. и «Историю Московии» Мильтона, гл. 5 (в переводе Е. Карновича в «Отч. Зап.», т. СXXXI).

материальное описание разных сторон государственного устройства, общественной и частной жизни; третьи, наконец, в описанию путешествия и пребывания в Москве присоединяют более или менее подробные очерки истории государства и его современного состояния: таковы сочинения Герберштейна, Олеария, Корба и др. У Герберштейна, Олеария и Мейерберга, кроме заметок о местностях, по которым они проезжали, находим довольно подробно и любопытные географические описания всего Московского государства. Но главный интерес восточных описаний заключается в известиях о тех сторонах жизни Московского государства, с которыми послы приходили в непосредственное соприкосновение: таковы особенно их известия о городе Москве, о московском дворе и его дипломатических обычаях.

Главным источником, из которого черпали иностранцы путешественники описываемого времени свои сведения о Московском государстве, служило, разумеется, их непосредственное наблюдение: мы видели, в какой области оно наиболее любопытно и надежно. Немногие из иностранцев знали русский язык и пользовались для изучения истории и современного им состояния Московии туземными литературными памятниками: таков был Герберштейн, хорошо знавший русский язык; в своем сочинении о Московии он поместил в переводе значительные отрывки из русских летописей, из правил митрополита Иова, из «вопросания» Кирика, из Судебника Иоанна III и других русских сочинений, какия ему удалось достать в Москве. Кажется, знали по-русски, хотя немного, Флетнер, Маржерет и Мейерберг; первый часто ссылается на русские-хришки и даже приходо-расходные книги приказов. Затем для иностранцев оставался

еще один обильный, но довольно мутный источник, из которого они могли почерпнуть сведения о Московском государстве: это — изустные рассказы самих русских. Известно, с какой подозрительностью смотрели люди Московского государства на заезжого иностранца; в его старании узнать положение их страны они всегда подозревали какие-нибудь коварные замыслы, а не простую любознательность. Многие иностранные писатели сильно жадуются на это и сознаются, что от самих русских немного можно добиться верных сведений об их отечестве. Русские сановники, замечает Рейтенфельс, посещая иноземных послов, охотно беседуют с ними о разных предметах, но если разговор коснется их отечества, они с таким умением преувеличивают все в хорошую сторону, что возвратившиеся иностранцы по совести не могут похвалиться знанием настоящего положения дел в Московии²¹⁾. Для большей части иностранцев, писавших о России в XVII и даже во второй половине XVI века, самым обильным источником служили сочинения прежних путешественников, ездивших в Московию. Особенно много встречается заимствований из Герберштейна и Олеария: компиляторы выписывали из их сочинений известия целыми страницами без всякого разбора, не обращая внимания на время, к которому относились заимствуемые известия; у Гваньино даже все описание Московии есть не более, как почти дословное повторение известий Герберштейна, только расположенных в другом порядке; изредка попадаются скудные дополнения самого составителя. При этом нельзя по

²¹⁾ Рейтенфельс, 31.

указать на Олеария, который совершенно иначе воспользовался своим близким знакомством с сочинившим о Московии прежних путешественников: говоря о той или другой стороне жизни Московского государства, он не забывает упомянуть, как описывали ту же сторону прежние писатели, попрашивает их, где находит у них неточности или ошибки, указывает, в чем изменилось состояние Московии в его время сравнительно с прежним: эти указания дают Олеарию преимущество перед большою частью других иностранных писателей о Московском государстве, у которых не только не находим ничего подобного, но часто встречаем повторение и даже развитие ошибочных показаний, сделанных предшественниками. Герберштейн первый пустил в ход известие, что русские женщины упрекают в холодности мужей, если те не бьют их; это известие он подтверждает коротким рассказом о немце, женатом на русской, которую он забил до смерти, чтобы дать ей требуемое доказательство своей любви. У Петрея из этого рассказа вышла целая история, украшенная курьезными подробностями.

Понятно, как разборчиво и осторожно надобно пользоваться известиями иностранцев о Московском государстве: за немногими исключениями, они писали наугад, во слухам, делали общие выводы по исключительным, случайным явлениям, а публика, которая читала их сочинения, не могла ни возражать им, ни поверить их показаниям: вдаром один из иностранных же писателей еще в начале XVIII века принужден был сказать, что русский народ в продолжение многих веков имел то несчастие, что каждый свободно мог распускать о нем

по свету всевозможные нелепости, не опасаясь встретить возражения ⁸²⁾.

I.

Пределы русского племени и московской государственной области.

Как только западный путешественник XV или XVI века, направляясь из Германии к востоку, заезжал за Одер и вступал в Польские владения, он уже начинал чувствовать переход в другой мир, отличный от того, который он оставлял позади себя. Вместо красивых селений, каменных городов и замков с удобными гостиницами, он чем далее, тем реже встречал малевькие деревянные города и села с плохими постоялыми дворами ⁸³⁾. Этот переход чувствовался все резче, по мере приближения к восточным пределам польских владений. Количество вод и лесов увеличивалось; жилие места встречались реже, а вместе с этим увеличивалась глушь и неизвестность страны. Если, перешедши Вислу в среднем ее течении, путешественник еще имел перед собой, по направлению к юго-востоку и по юго-восточным берегам Балтийского моря, страны, несколько известные по связям их с Польшей и Ливонским орденом, то далее к востоку слабели и исторические, и географические связи. С какого бы пункта, в котором северо-восточная Европа соприкасалась с западною, ни двинулся путешественник,

⁸¹⁾ «Библиографические отрывки» в «Отч. Записках», т. XCV, отд. II, стр. 155.

⁸²⁾ Барбаро, в «Библиотеке иностранных писателей о России», стр. 63; Контарини, там же, стр. 17.

чтобы пробраться в эти страны, он встречал обширные лесные или степные пустынные пространства, где ему часто приходилось ночевать под открытым небом. Литва, по выражению де-Ланноа, большей частью пустынная страна, наполненная озерами и лесами³¹⁾. Пробираясь через владения Ливонских рыцарей в Новгород Великий, он должен был проехать значительное пустынное пространство «без всяких следов человеческого жилья»; так же пустыни встретили его на верховьях Днестра и не оставляли потом до самой Кафы³²⁾.

При таких условиях северо-восточная Европа не могла иметь живых сношений с западною; потому и на западе не могло быть точных и подробных сведений о ней. Писатель первой четверти XVI века, приступая к описанию Московии, должен был сознаться, что западные космографы и географы его времени без стыда и совести рассказывают о северо-восточной Европе всякие небылицы, показывающие, что их сведения о ней недалеко ушли от сказаний древних греческих и римских географов³³⁾. Но и самому Кампензе не много верных сведений могли сообщить его соотечественники купцы, долго жившие в этих странах: тем менее можно ожидать таких сведений от путешественников XV века. Сводя иностранные известия за XV и первую четверть XVI века, мы находим в них следующие географические представления о северо-восточной Европе.

³¹⁾ «Voyages et observations de Guillebert de Lannoy, р. 24.

³²⁾ Ibid., р. 17, 35.

³³⁾ Кампензе, в «Библиотеке иностранных писателей о России», стр. 29.

За Польшей на восток и северо-восток лежит обширная страна, ровная, обильная лесами, озерами и реками, во многих местах пустынная и вообще менее населенная, нежели Польша ³⁷⁾). Более известную часть этой страны, ближайшую к Польше и Литве и подвластную им, составляют Красная и Нижняя Россия ³⁸⁾; далее на северо-восток, до самых границ Азии, простирается также Россия, называемая Белой Россией или Московией, но независимая, вовсе неизвестная западным космографам и историографам ³⁹⁾ и составляющая как бы другую часть света; в первой четверти XVI века можно было еще сказать, что имя этой страны недавно стало известно западной Европе ⁴⁰⁾. На западе Московия соприкасается с Литвой и Ливонией, от которой отделяется рекой Нарвой и Чудским озером. На юг от Московии, тотчас за Рязанью, тянутся обширные степи, по которым кочуют Татары. К востоку, выходя своими владениями за пределы Европы, Московия соприкасается с Скифией или Азиатской Сарматией, которая за Доном или Таиансом, древней границей Европы и Азии, тянется длиною и широкою полосой по Волге на север до самого океана и населена также Татарами. На севере не указывается определенной границы; говорится только, что с этой стороны Московия простирается до Ледовитого океана под самый север; на этих пространствах живут безчисленные племена в безграничных лесах, которые, не прерываясь тянутся, на северо-восток до Гиперборейской Скифии и никому неизвестно Скифского океана, на расстоянии трех месяцев пути, по

³⁷⁾ Барбаро, 62.

³⁸⁾ G. de Lanno, p. 36.

³⁹⁾ Кампензе, 12.

⁴⁰⁾ Иовий в «Библиотеке иностранных писателей о России», 22.

показанию Русских, от которых заимствовал сведения о Московии П. Новий. В Московии живут Москвитяне и многие другие племена, недавно покоренные ими. На окраинах северо-восточной Европы наших географов оставляют всякие достоверные сведения: по их представлениям, эти страны покрыты не только мраком неизвестности, но и действительным мраком, в котором живут дикие Лапландцы и щебечущие по птичьему пигмеи, неизвестные даже самим Москвитянам. Западные космографы знают, что Москвитяне говорят тем же языком и исповедуют ту же веру, как и Русские, подвластные Польше; но историческая связь тем и другим представляется им уже смутно. Кампензо остается даже в каком-то недоумении, говоря, что весьма многие и доселе считают Русских или Рутенов, подвластных польскому королю, за одно с Москвитянами, основываясь на одинаковости их языка и вероисповедания ⁴¹⁾. Имя Москвитян сближается с разными именами у Плиния, Итоломея и других древних географов, а Татары и другие племена, окружающие Московию с севера и северо-востока, отождествляются с Скифами. Любопытно это постоянное заимствование географических и этнографических названий у древних писателей. Во многих случаях к этому заставляла прибегать необходимость: не знали современных местных названий. Но даже там, где известны были современные туземные названия, видим старания поставить рядом с ними классические, или из последних вывести и объяснить первые. Видно, что исторические воспоминания о северо-восточной Европе, основанные на сказаниях древних, прерывались для западного географа XV или начала XVI в. там, где оставляли его эти руководители, и, описывая современную

⁴¹⁾ Кампензо, 20.

Россию, он ничем лучше не надеялся уяснить своим читателям собственные известия, как обличая их с классическими сказаниями. Действительно, у известных нам иностранных писателей о России до второй четверти XVI века мы находим самые скудные и смутные исторические сведения об этой стране. Они помнят, что между Борисфеном, Танаисом и Меотийскими болотами было когда-то царство Россов, столицей которого был Киев: это царство с своей столицей было завоевано татарским героем Батыем ¹²⁾; они помнят и другого татарского героя-завоевателя Тамерлана, которого называют сыном Батыя. Этим почти и ограничиваются их сведения по истории России до XV века.

Герберштейн первый делает довольно точное определение главного народа, живущего в северо-восточной Европе за Польшей, и довольно подробно обозначает пределы занимаемой ими области. Русскими, говорит он, называются вообще все народы, говорящие по-славянски и исповедующие христианскую веру по обряду греческому; они так размножились, что вытеснили все жившие между ними чуждые племена или распространили между ними свои обычаи. Область этих Русских простирается от Сарматских гор ¹³⁾, недалеко от Кракова, по Днестру

¹²⁾ Кампешзе, 17, 19.

¹³⁾ Иоанн Ласский так определяет Европейскую Сарматю: Terra Sarmatica procedit a Polonia minori ex parte Occidentis versus Orientem per fluvium Borysthenem magnum ac per totam Sarmatiam Europaeam inclusive usque ad Tanaim et ad insulam Taoricam. Страна по ту сторону Дона известна была под названием Азиатской Сарматии, которую Ласский называет еще Скифией: Tanais Scythiam et Sarmatiam dividit. - *Histor. Russ. Momun.*, I, № CXXIII. Так же определяет границы Сарматии и М. Меховский «Библиографические отрывки», статья 3-я, «Отеч. Зап.», т. ХСVII отд. II, стр. 141.

до Днестра и Прита Эвкенискаго; только с недавнего времени на низовьях Днестра и Днепра утвердились Турки и Татары и, благодаря их нападениям на Днепровскую область, христианско-русское население не идет вниз по Днепру далее города Черкас. От городка Черкас граница русского племени идет вверх по Днепру до Киева, потом за Днепр по Северной области и отсюда прямо на восток к верховьям Дона, потом к впадению Оки в Волгу, где можно положить границу распространения христианства с этой стороны; ибо за этим пунктом на восток и юг живут дикие племена магометанской веры, между которыми еще много язычников. Определяя точнее границу государства в этом пункте, Герберштейн полагает ее на р. Суры, отделяющей владения Московские от Казанских; но при этом надо разуметь только нижнее течение Суры, при впадении которой в Волгу великий князь Василий Иванович построил Васильсурск (Basilgorod). От Нижнего вверх по Волге граница идет прямой чертой до северного Океана, оттуда через северные племена, подвластные королю шведскому и государю московскому, по пределам Финляндии, чрез Финский залив (Sinus Livonicus), по восточным краям Ливонии, Самогитии, Мазовии и, наконец, Польши, где пограничная черта возвращается к Сарматским горам (по р. Сису). В Самогитии и Литве Русские перемешаны с чуждыми иноязычными и иноверными племенами; однакож первые и здесь преобладают. Политически эта область Русского племени принадлежит двум государствам: большая часть ее составляет Московское государство, меньшая принадлежит Литве с Польшей. Пограничная черта Литвы и Московии шла в первой половине XVI века по Днепру; правый берег принадлежал

Литве, левый Москве, кроме городов Дубровны и Мстиславля, входивших также в состав Польско-Литовских владений. Определяя точнее эту границу, Герберштейн говорит, что она начиналась в 12 милях от Смоленска со стороны Дубровны, от которой считалось до нее 8 миль. На северо-западе граница Московского государства шла по пустынным болотистым пространствам, лежащим по течению реки Великой; потому Герберштейн, проезжая этой стороной в Москву, не мог с точностью рассмотреть и определить здесь пограничную черту; он говорит только, что эта черта проходит западнее Корсулы, не доезжая Опочки. Далее на север пограничная черта с Швецией шла по р. Польне, в Корельской стране. О Корелах Герберштейн говорит, что они, находясь между Шведским и Московским государствами, платят дань и тому и другому. В конце века тоже говорит Флетчер о Лопарях, живших севернее Корелы: они подвластны русскому царю и королям датскому и шведскому, которые все берут с них подать; но русский царь имеет здесь самое значительное влияние и получает гораздо более доходов, нежели прочие. На северо-востоке граница не могла быть точно определена вследствие постоянного движения завоеваний и колонизации в этой стране. В русском описании пути к Оби Герберштейн прочитал, что князья тюменские и югорские, племена по Оби и даже далее в глубь Сибири подчинены московскому государю и платят ему дань; но и сам Герберштейн усомнился в вероятности этого, соображая, что эти данники не так еще давно нанесли много вреда Московскому государству своими набегами на его восточные области⁴⁴⁾. В первой половине XVI в.

⁴⁴⁾ Herberstein. «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 1, 2, 60, 77, 76, 86, 90, 103.—Флетчер «О государствѣ Русском», гл. 20-я.

это показание действительно было неверно, но зато верно выражало постоянное стремление государства, которого исторические условия принуждали двигать свое население все далее и далее на северо-восток, занимая и колонизируя пустынные пространства северо-восточного угла Европы и Северной Азии. Такой же неопределенностью должна была отличаться граница государства и на юго-востоке, потому что эти страны носили отчасти тот же характер и представляли государству ту же задачу, как и страны на северо-восток от него, и если к концу XVI в. северо-восточное движение терялось в безпредельных пустынях Сибири, то на юго-востоке оно несколько раньше достигло, наконец, по крайней мере, въ одном пункте, своего естественного предела.

Позднейшие писатели сообщают нам об окраинах Московского государства более подробные, хотя далеко не полные известия, которые позволяют в общих чертах следить за постепенным его распространением на юг, юго-восток и восток. Во время Герберштейна, Тула была самым крайним городом Московского государства со стороны южных степей, представлявших привольное и просторное пространство для подвигов крымских Татар. Этот степной край обозначается у писателей XVI и XVII в. общим именем Малой Татарии или Европейской Сарматии. В начале XVII столетия пределы государства с этой стороны простирались уже до Борисова, Белгорода и Царева города⁴³⁾. Впрочемъ по прямому направлению къ югу государство вместе с земледельческим населением двигалось медлен-

⁴³⁾ Царев-город находился в 8 верстах от нынешнего Илова. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», часть 3-я, примеч. 15.

нее, нежели по направлению к юго-востоку, где помогал этому прямой и открытый водный путь, шедший изъ среднии государства до моря. В первой половине XVII в. граница государства по правому берегу Волги настолько уже отодвинулась от устья Суры к югу и настолько была безопасна, что в Васильеурске, имевшем первоначальным своим назначением отражение татарских набеговъ, можно было не доржать гарнизона ⁴⁶⁾. В конце XVI в. правый берег Волги от того пункта, где с другой стороны впадает в нее Кама, до Астрахани, назывался «крымским берегомъ» (the Krim Side of Volga), который составлял восточный предел области крымских Татар, простиравшейся на запад до Днепра и далее, между южными пределами Московского государства и берегами Черного и Азовского морей. В XVII в. мы уже не встречаем этого названія, а встречаем по Волгѣ ряд московских городов, возникших в конце XVI в. ⁴⁷⁾. В XVII в. граница государства значительно углублялась в юго-восточный угол, в горную область между Каспійским и Черным морем. Герберштейн знает Черкас (Circassi seu Ciki), обитавших в горах за Кубанью (Сура), смелых пиратов, которые по рекамъ, текущим с этих гор, выезжали в Черное море и грабили купеческие корабли, плывшие изъ Кафы в Константинополь и обратно. Эти Черкасы не подчинились ни Туркамъ, ни Татарамъ; в России сказывали Герберштейну, что эти горцы христиане, в религиозных обрядах сходны с Греками и отправляют богослужение на славянском языкѣ, который есть вместе и разговорный их язык ⁴⁸⁾. Въ XVII в.

⁴⁶⁾ Olearius 282.

⁴⁷⁾ Hakluyt's Collection, I, 472

⁴⁸⁾ Herberstein 74.

обитатели этих гор сохранили прежнюю имя, были уже магнетитами. Под именем Черкас известны были также полумагометаллически и полуязыческие обитатели страны, простиравшейся къ северу от закубских горцев, между берегами Каспийского моря и Кавказским хребтом. Здесь с конца XVI в. стало утверждаться чрез Астрахань влияние Московского государства, сосредоточивавшееся в Терском городе ¹⁹⁾, который Олварий называет крайним пунктом зимовисах кидний. С того же времени влиянию Московского государства открывался путь и далее, на Закавказье, но это влияние не могло утвердиться там прочно по отдаленности этих стран, хотя имена некоторых из них еще в конце XVI в. вошли в титул Московского государя.

Прочнее и быстрее распространились пределы государства на востоке. Страна на восток от Волги обозначается у иностранцев общим, неопрделенным именем Татарии или Азиатской Сарматии. Часть ея к югу от бывшего Казанского царства, от Камы до Каспийского моря, между Волгой и Яи-вом, составляла степную страну игаев или мангат ²⁰⁾. Главным пунктом этой страны были Астрахань. Любопытно, что некоторые иностранцы въ XVII веке, при описании этого края, удерживают одно географическое название, хотя предмета, им обозначившагося, давно уже не существовало: на левой стороне Волги они указывают место древнего Болгарского царства и довольно обстоятельно определяют границы

¹⁹⁾ Труд, под 42° 20' с. ш., на определению Олвария, на маленькой реке Тумане, руслом большей реки Волги (стр. 30).

²⁰⁾ Олварий, 315 — Нелбулт I, 665 — А. Джавкаев, несколько раз упомянул въ Волге в Персам и Бузарю, говорит, что пределы Погайской области простирались в зго-востоку до Туркменити.

его области: по их словам, это царство находилось между царством Казанским и Астраханским, простираясь между р. Камой и Самарой, от Волги до Яика. Столицей его был большой город Болгары, на левом берегу Волги, в XVII веке он был уже селом и имел смешанное население, состоявшее из Калмыков, Мордвы и Русских ⁸¹). В северной полосе Ногайской страны обитали Черемисы; южная, большая половина ея, была местом кочеванья ногайских орд. Сюда же, в прикаспийские степи на восток от Астрахани, повременам приходили из-за Яика Калмыки, тревожа своими разбоями Черемис и Ногаев ⁸²). Нельзя, разумеется, ожидать от иностранца точности и определенности в показаниях о расселении этих бродячих племен, чему мешал самый образ жизни последних. Герберштейн неопределенно говорит, что за Волгой живут Татары, называемые Калмыками; но в его время Калмыки еще не успели перебраться из-за Яика всей массой и появлялись здесь отдельными толпами; преобладающим кочевым племенем на этих пространствах и в XVII веке долго оставались Ногаи, которые потом уступили приволжские степи Калмыкам, удалившись на запад, к низовьям Днепра. Из слов Штрауса можно заключить, что Калмыки во второй половине XVII века не появлялись севернее Саратова и постоянно враждовали с Ногаями ⁸³). Еще более смутны показания о племенах,

⁸¹) Olearius, 292.—Mayerberg, II, 79—80.—Struys, 150. На карте, приложенной к книге Авреля, Болгары помещены между Казанью и Самарой. На этой карте стоит надпись: tirée de l'original de la chancellerie de Moscou.

⁸²) Avril, 90.—Struys, 164.

⁸³) Struys, 162: C'est en ce lieu (около Саратова) qu'on commence à voir de ces derniers (Calmuques).

обитавших на север и северо-восток от Ногайской страны. Герберштейну сказывали в Москве, что за Вяткой и Казанью, в соседстве с Пермью, живут Татары тюменские, шибанские и казацкие; из них тюменские обитают в лесной стране, простирающейся прямо к востоку от Перми ³¹⁾.

Кроме тюменских Татар, в Москве известны были в первой половине XVI в. по ту сторону среднего Урала имена Обдорской и Кондийской земли, которые скоро включены были в титул государя. В русском описании пути к Оби Герберштейн читал, что в области Иртыша, кроме Тюмени, есть город Iegom. По реке Сосве (Iossa) и к северу от нея по Оби живут Вогуличи и Угричи; в области первых есть город Ierip. В том же описании сообщаются смутные, перемешанные с сказочными подробностями известия о других сибирских племенах, живших далее к востоку, в области верхней Оби и Енисея. На расстоянии двух месяцев пути от устья Иртыша находится город Грустиня; здесь живет народ Грустинцы;

³¹⁾ Herberstein, 74: Ultra Wislakam et Kazan, ad Periniae viciniam Tartari habitant, qui Tunenski, Schibanski et Casatzki vocantur.— Миллерс («Vergleichung», I, 74) понимает под шибанскими Татарами Татар хивинских; но соседство с Пермью, в которое ставит Герберштейн шибанских и казацких Татар, показывает, что не следует искать первых так далеко. Тем же самыми пределами охватывает он область, которую называет Сибирью, помещая ее на карте и в описании страны в области верхнего Яка, по южной стороне Южных Уральских гор, т. е. в нынешней Оренбургской губернии, а тем край, который был в первой половине XVII в. известен был в Москве под именем Башкирии. В таком случае не будет затруднения признать в Татарах казацких Киргизо-кай-скаев орды, живших в ближайшем соседстве с Башкирами.

от их города до озера Китайского, по реке Оби, вытекающей из этого озера, более трех месяцев пути. В Лукомории, горной и лесной стране, лежащей за Обью подле Ледовитого Океана, есть город Серпонов, где живет другой народ Серпоновцы; с Грустинцами и Серпоновцами везут немой торг черные люди, лишены дара слова человеческого, которые приходят от озера Китайского с разными товарами, преимущественно с жемчугом и драгоценными камнями. В Лукомории живут другие дикие люди, с одним очень странным и баснословным свойством; рассказывают, что каждый год в ноябре они умирают или засыпают, а на следующую весну, в апреле, оживают, подобно лягушкам или ласточкам. Грустинцы и Серпоновцы торгуют и с ними, но особенным образом. Когда настает урочное время зимнего засыпания, Лукоморцы кладут в известном месте свои товары и скрываются; Грустинцы и Серпоновцы приходят и берут эти товары, оставляя взамен их свои, в соразмерном количестве. Если же Лукоморцы, проснувшись, найдут, что их обманули, что оставленное ими не стоит взятого, они требуют назад свои товары; от этого происходят у них частые ссоры и войны с Грустинцами и Серпоновцами ⁵³). С гор Лукомории течет большая река Cossin, при устье которой стоит город того же имени. Оттуда же вытекает другая река Cassima, которая впадает в большую реку Tachnin; за этой последней, как рассказывают, живут также необыкновенные люди, из которых одни по-

⁵³) Подобную немую торговлю еще недавно вела одна отшельница Тупгусов, обитающая в северных частях Енисейской губернии в Якутской области. О значении Грустинцев и Серпоновцев см. «Географ. извест. о древн. России» в «Отеч. Зап.» 1853. № 6.

крыты шерстью, как звери, у других собачьи головы, у некоторых лавос нет ни головы, ни шеи, лицо помещается на груди; ног также нет, а есть длинные руки ⁵⁶).

Такие представления существовали в Москве в первой половине XVI века о стране, куда скоро должна была направиться русская колонизация. Подобные же представления о северной Азии издавна распространены были и в остальной Европе. Если Герберштейн, относясь к ним с недоверием, не находит однакож возможности совершенно отвергнуть их, то писатели XVII века пытаются уже по возможности объяснить эти баснословные рассказы. В Новгородском приказе, в Москве, Олеарий говорил с двумя Самоедами, понимавшими по-русски, которых соплеменники их послали к царю московскому с подарками: эти Самоеды передали Олеарию подробности об образе жизни своего племени, и ими он объясняет некоторые баснословные рассказы о северных странах. Рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью и т. п., по его мнению, произошли от того, что жители берегов Ледовитого Океана носят особенного рода верхнюю одежду из звериных шкур, обращенных шерстью наружу; она закрывает тело с головы до ног и имеет один разрез около шеи; рукавицы пришиваются к рукавам, так что когда в зимнее время дикарь наденет эту одежду, у него видно только лицо из отверстия около шеи ⁵⁷). Подобным образом объясняет Олеарий и басню о северных жителях, умирающих на зиму, применяя объяснение к образу жизни ближайшего и более известного ему племени Самоедов. Они живут в шалашах, построенных на

⁵⁶ Герберштейн, 60—61.

⁵⁷ Олеарий, 127.

половину в земле, с отверстием сверху, которое служит им трубой, а в продолжение зимы и дверью, ибо снег совсем засыпает обыкновенный выход. Тогда Самоеды скрываются в своих шалашах, редко вылезая на открытый воздух, и сообщаются между собой подземными ходами, которые они прокапывают от одного шалаша до другого. Такую подземную жизнь они переносят тем легче, что в их стране зимой несколько месяцев продолжается непрерывная ночь. Эта особенность, заключает Олеарий, и послужила основанием басни о народах, умирающих на зиму и оживающих весной ⁵⁸). Во второй половине XVII века подобные рассказы считались уже сказками старух, по выражению Мейерберга. Между тем тот же Мейерберг называет Самоедов людьми, которые едят друг друга, хотя Олеарий, на которого он при этом ссылается, говорит об этом, как о прошедшем, не решаясь признать, чтобы так было и в его время ⁵⁹).

Жилища Самоедов простирались от р. Печоры до Каменного или Земного пояса (Северного Урала), Вайгачского пролива и Татарского моря ⁶⁰), далее за Урал, по обеим сторонам р. Оби, т. е. занимали две области, Югорию,—между Печорой и устьем Кары, и Обдорию, по Оби ⁶¹). В Печорской области, кроме Самоедов, живут Папины, около Папинова города. Весь приморский край

⁵⁸) Ibid, 125—126.

⁵⁹) Mayarberg II, 99.—Olearius, 125 ils (Русские) vouloient marquer par là (названием Самоѣдов) que ces les estoient anthropophages; parcequ'en effet ils mangeoient de la chair humaine, et mesmes celle de leurs amis trespassez, qu'ils méloient et mangeoient avec la venaisien.

⁶⁰) Такъ называетъ Олеарій, вероятно, Карское море.

⁶¹) Herberstein, 60.—Olearius, loc. cit.—Наклуыт, I, 317.

от Урала до границ Норвегии, с находящимися к северу островами Ледовитого океана, сделался достоянием географии только со второй половины XVI века, благодаря экспедициям, предпринятым компанией английских купцов для открытия новых стран и рынков ⁶²). К западу от Белого моря, по Мурманскому берегу, лежит Лапландия, крайние пункты которой суть Нордкап, Святой Нос (Св.е Нос) и Каңдалакса. Обитающие на этом пространстве Лопари охотно давали дань чиновникам, посылавшимся сюда из соседних государств Датского, Шведского и Московского: этим средством Лопари надеялись приобрести себе право оставаться в покое от нападений этих государств: так прост и миролюбив этот народ, замечает один из агентов английской компании, описывая Лопарей ⁶³). В области мурманских Лапландцев главным пунктом служил Вардгуз, далее которого к западу запрещено было ходить Русским. В Лапонии, принадлежавшей московскому государю, важными в торговом отношении пунктами были Кола и Кегор ⁶⁴). К югу от Лапландии, до пределов Новгородской области простирается Карелия, несколько раз делившаяся и переходившая из рук в руки между двумя соседними госу-

⁶²) Новая земля в Балтичь впервые была открыта и описана путешественником в 1556 году Hakluyt I, 306.

⁶³) Hakluyt I, 407. — Флетчер говорит, что Русские делили Лопарей на мурманских или шведских, и диких. Ср. слова Р. Джонсона, Hakluyt, I, 316, in which lands (Lappon) be two manner of people, that is to say, the Lappians and the Scrickfinnes, which Scrickfinnes are a wilde people which neither know God nor yet good order.

⁶⁴) К северу от Колы. Hakluyt, 329.

дарствами ⁶⁵). С этой стороны граница между Швецией и Московией около половины XVII века проходила в нескольких милях к югу от Нотебурга ⁶⁶). Граница с Ливонией шла по р. Нарове, Чудскому озеру и Полюху, далее к югу пролегла по полям не далеко от Печорского монастыря (в Псковск. губери.) ⁶⁷). Граница с Польшей в XVII веке менялась неоднократно. После смутного времени она опять отодвинулась от среднего Днепра ближе к Москве, оставив за собой Смоленск и Северскую область, и только во второй половине XVII века возвратилась на Днепр, захватив сверх Смоленска с Северской областью и восточную половину Малороссии с Киевом. От стороны Смоленска она шла даже западнее Днепра, именно по небольшой речке за Шкловом ⁶⁸).

Во второй половине XVII века так обозначали пределы Московского государства. К востоку оно граничит с реками Обью и Днепром; к югу с Малой Татарией или стенами крымских Татар, от которых отделяются реками Донцом, Десною и Пселом; к западу с Литвою, Польшей, Ливонией и Швецией по Днепру и Нарове; к северу граница заходит за Полярный круг и идет по Ледовитому Океану ⁶⁹). Заключающиеся в этих пределах простран-

⁶⁵) Hakluyt, I. 31°.

⁶⁶) Olearius, II. ср. Herberstein, 56.

⁶⁷) Mayerberg, I. 63. Во второй половине XVII в. граница с этой стороны заходила на некоторое время далее Чудского озера к западу, захватывая Дерпт и некоторые другие города Ливонии.

⁶⁸) Tanner, 26.—Avril 284.—Korb, 29. Пограничным ливонским городом с этой стороны был Kaldin на реке Brzeza.

⁶⁹) Lyseck, T. Terminas habet ab ortu communis Europae fines. h. e. Obium et Tanaim fluvios. Автор описания посольств Карла XII с большей точностью передвигает древнюю границу Европы по Дону, далее к востоку, на нижнее течение Волги, où il sépare l'Europe d'avec l'Asie. P. 25.

ство известно было в западной Европе под именем Московской или Великой России, чаще же называлось Москвитией⁷⁰). Московское государство в XVII веке было самым обширным из всех Европейских государств: оно простиралось на 30 градусов или 450 немецких миль в длину и на 16 градусов или 240 миль в ширину⁷¹). * 108,000 кв. м. X*).

II.

Прием иностранныхъ пословъ в Москве.

Иностранные известия XV и XVI в. застают Московское государство в тот многознаменательный период его развития, когда оно, прочно утвердившись в своей первоначальной основной области и собрав средства и силы, обнаруживает в больших размерах стремление к распространению этой первоначальной области и быстро присоединяет к ней окрестные независимые княжества, с другой стороны, в то же время образовав сильную верховную власть, дает ей окончательную победу над враждебными ей родовыми и дружинными притязаниями, завещанными прежней историей. Таким образом два главные явления, тесно связанные между собою, характеризуют внутреннее государственное движение означенного вре-

⁷⁰) La grande Russie ou la Russie Moscovite, ordinairement nommée la Moscovie, M. у е r b e r g, II, 37.

⁷¹) Ойрагиа, III.—L y u c e k, 2. Полагает, что в начале XVII века Московское государство заключало в себе до 154,894 квадрат. миль, тогда как в половине XV века оно заключало не больше (2,000) квадрат. миль. «Сказкиа современниковъ о Дмитрии Самозванце», ч. II-я, примеч. 5.

мени: объединение северо-восточной Руси под властью московского государя и торжество самодержавия этой власти. Но прежде, нежели войдем в подробности, которые сообщают иностранцы о Московском государстве, познакомимся с порядком приема иностранных посольств, приходивших к московскому государю и потом распространивших у себя дома сведения о виденном и слышанном в Московии. Это познакомит нас с первыми впечатлениями, которые испытывали западные европейцы в Московии, и вместе укажет нам, как московские люди, особенно московское правительство относились к приезжим иностранцам, как старались держаться перед ними и в каком виде представляли им положение своей страны.

Иностранный посол из более отдаленных западноевропейских государств был в XV в. редким необыкновенным явлением в Москве; с XVI в. эти послы стали появляться здесь чаще и чаще, но и тогда появление их задавало важную работу разным служилым людям государства и занимало не одно заседание государевой думы. Приезд иноземного посла, кроме того, имел часто и важное торговое значение: часто вместе с посольством приезжал целый караван купцов с иностранными товарами.

Иностранные описания этих посольских поездок с Запада в Москву наполнены рассказами о лишениях и опасностях, которые посол встречал на своем пути. В конце XVI в., когда дорога в Москву была несколько уже проторена для западного посла, Поссевин, зная по опыту ее трудности, старается однакож ослабить господствующее о них представление и говорит, что на этом пути не приходится переезжать ни чрез моря, ни чрез высокие горы, так что посол может доехать до самой столицы Московии на том же экипаже, на котором он выехал из

Рима ¹⁷⁾; но западно-европейскому путешественнику, ехавшему в Москву, едва ли было легче от того, что ему на этом пути не приходилось пересекать через моря, а отсутствием высоких гор с избытком вознаграждалось обширными лесами и пустынями без следов дороги, где ему не раз приходилось ночевать под открытым небом.

Послы из западной континентальной Европы ехали в Москву обыкновенно через Польшу и Литву; в Кракове, если дело было зимой, ставили экипажи на сани и продолжали путь до Вильны. Отсюда открывались две большие дороги к Москве: одна более длинная, но менее трудная, шла через Ливонию на Новгород, другая кратчайшая, но сопряженная с большими трудностями, шла через Минск, Борисов, Оршу, Дубровну на Смоленск и оттуда через Дорогобуж, Вязьму и Можайск. Герберштейн в 1516 году избрал третий, средний путь—из Вильны на Полоцк и оттуда через Опочку и Новгород; но, как видно, он сильно раскаялся в этом, потому что ему пришлось ехать глухим лесным краем, пограничным между Литвой и Московией, и потому страшно разоренным набегами с обеих сторон, небезопасным от разбойников и наполненным таким множеством озер, болот и рек, что и сами туземцы, по его выражению, не знают ни их числа, ни названий. Этот путь от Вильны до Новгорода он проехал в марте в 22 дня; оттуда в апреле в неделю доехал до Москвы.—В начале второй половины XVI в. англичане впервые проехали в Москву с севера, Северным Океаном и Белым морем; но русские послы уже в конце XV в. ездили этим путем в Данию.

¹⁷⁾ А. Радзивилл: *Moscovia*, p. 24

Подъезжая к Московским пределам с запада, посол посылал в ближайший Московский город известить о себе наместника, при чем объявлялось, какого он звания, как велика его свита и каким облечен он достоинством или характером. В Москве строго различали три степени посольского достоинства: высшее достоинство принадлежало большому или великому послу, ниже было звание посланника, последнею была степень гонца. С различием этих степеней сообразовался самый прием посла. Когда пристава узнали, что Мейерберг, объявивший себя на границе цесарским посланником, в грамоте императора прописан большим послом, они не знали, как принимать его и просили вывести их из затруднения, точнее объяснив им свой характер. Наместник тотчас послал с известием о посольстве к государю, а навстречу послу отправлял более или менее значительного человека со свитой, смотря по характеру посла и по важности того государя, от которого шел он. Посланный, в свою очередь, посылал с дороги кого-нибудь из своей свиты объявить послу, что навстречу ему идет большой человек, который дождется посла в таком-то месте. Большой человек встречал посла, стоя со свитой среди дороги, и ни на шаг не сторонился, чтобы дать проехать иностранцам, которые должны были при проезде сворачивать с дороги. Зимой, когда такой объезд был не очень удобен, подле дороги расчищали снег, чтобы дать послу возможность проехать мимо, не завязнув в снегу. Сошедшись, обе стороны, прежде чем начать объяснение, должны были сойти с лошадей или экипажей, о чем послу делалось внушение заранее; отговориться от этого нельзя было ни усталостью, ни болезнью, потому что—объясняли встречавшие—ни говорить, ни слушать, что говорят от имени

государя, нельзя иначе, как стоя. При этом, оберегая честь своего государя, московский большой человек тщателью наблюдал, чтобы не сойти с лошади первым, от чего часто происходили важные недоразумения и споры с иностранным послом. Когда все спешивались, большой человек подходил к послу с открытой головой и в довольно длинной речи извещал его, что он послан наместником великого государя приводить посла до такого-то города и спросить его, благополучно ли он ехал. При этом, где случалось упоминать имя государя, сказывался его титул с перечислением главнейших княжеств. Затем посланный притягивал послу руку и, дождавшись, пока тот обнажит также голову, уже неофициально спрашивал его, благополучно ли он ехал. Наконец, сев на лошадей или в экипажи, посол с свитой отправлялся объездом мимо большого человека, который при этом справлялся об имени и роде посла и каждого из его свиты, также об именах их родителей, о месторождении, какой кто знает лямку, из какого звания, не родственник ли послу и т. д., о чем тотчас в подробности писали в Москву. За послом к его свитой двигались, на значительном от них расстоянии, посланный и его спутники, наблюдая, чтобы являсь из иностранцев не отставал от своих. Ехали обыкновенно очень медленно, в ожидании ответа из Москвы, что иногда вывело послов из терпения. Герберштейн на расстоянии 12 нем. миль от границы до Смоленска ночевал три раза, дважды под открытым небом на снегу. Проводники готовили почлег и доставляли все нужное. В больших городах, например, Смоленске, Новгородо, наместники угощали послов разными родами вип и медов и если посол был от важного государя, дружбой с которым держали, его допускали в крепость города, делая

ему честь пушечной пальбой. В Смоленске или Новгороде посла встречали обыкновенно пристава из Москвы и провожали до столицы. Если ответ из Москвы не приходил долго, то пристав под разными предложениями старались как можно долее проволочить время, не двигаясь вперед. Съестные припасы доставлялись иногда вместе с приставами из Москвы и следовали за посольским поездом, потому что в пустынной стране, по которой лежала иногда дорога, их трудно было доставать в местах стоянок. Случалось, что, благодаря дорожным приключениям, или корыстным расчетам приставов, посылы оставались на целый день без пищи; между тем приставы строго смотрели, чтобы посол ничего не покупал дорогой. Однажды это так раздражило Герберштейна, что он пригрозил разбить приставу голову, если он не будет лучше заботиться о пище, или не позволит покупать ее у местных жителей.

По обычаям московского двора, иноземное посольство, с самого вступления на почву Московского государства, освобождалось от всяких путевых издержек. Не только продовольствие посольства, но и перевозка его до столицы производилась на счет московского государя. Для последней цели по главным дорогам устроены были ямы или станции, которые ставили для посольства известное количество верховых лошадей и подвод для перевозки посольства и его багажа. Подводы состояли из телег, запряженных каждая в одну лошадь. С этими подводами приставам и посольству было не мало хлопот. Подводчики, стараясь избавиться от повинности, иногда тайком убегали от посольства, уводя с собой лошадей или даже бросая их на волю посольских служителей. Корб советует строго смотреть за ямщиками при сменах, чтоб

они часто выстаивали у посольства, потому что, замечает он, эти извозчики страшные воры. Другое затруднение происходило от дурного состояния дорог: мосты чинили иногда во время самого проезда послов, при чем происходили шумные сцены у приставов с местными поселянами⁷⁴⁾. В подумили от Москвы послу объявляли гонимы, что в таком-то месте ждут его большие люди от государя, пред которыми надо сойти с лошадей или экипажем на землю. Придворные, выезжавшие навстречу послу, старались более всего повести дело так, чтобы послы первый обнажил голову, первый вышел из экипажа, шагнул с лошади: это значило оберегать честь государя. Если посол не знал хорошо обычаев московских дипломатов, он не обращал на это внимания и много проигрывал во мнении последних. Но послы, знавшие, какое значение придавали в Москве этим формальностям, особенно полские, принимали подобные же меры с своей стороны и потому при встречах происходили безконечные, часто шумные ссоры. В ожидании посла, высланные встречать его стояли на дороге длинным рядом и когда обе стороны спешили и слонились вместе, один из больших людей от имени государя (при чем сказывался уже полный титул) справлялся о здоровье государя, от которого ехал посол; другой таким же образом извещал, что они назначены проводить посла до квартиры и заботиться о доставлении ему всего нужного. Если посол был двое или более, то с такими речами обращались к каждому отдельно. Затем первый прежним официальным образом справлялся от имени своего государя, благо-

⁷⁴⁾ Котв, III.

получно ли посол ехал; другой представлял ему обедая-ных лошадей в подарок от государя. Пока говорили эти речи и отвечали на них, обе стороны стояли с открытыми головами, потом подавали друг другу руки и неофициально повторяли взаимные приветствия. Затем обе стороны садились на лошадей или в экипажи, при чем вся ловкость московских приставов устремлялась на то, чтоб прежде посла надеть шапку, первым вскочить на лошадь или в экипаж. Чтоб вернее успеть в этом, прибегали ко всевозможным уловкам: Олеарий рассказывает, что при встрече турецкого посла в 1634 г. последнему нарочно подали горячую лошадь, на которую нельзя было сесть скоро. По переезде чрез Москву-реку поезд встречали многочисленные толпы народа, сбегавшегося из города и окрестностей. Как здесь, так и в других значительных городах при проезде иностранных послов, по приказу государя, обыкновенно собирали народ в город из окрестных селений, в праздничном наряде, чтобы этим внушить послам выгодное понятие о населенности страны и зажиточности ее обитателей. В самых городах при этом случае запирали лавки, торговцев и покупателей гнали с рынка, ремесленники прекращали свои занятия и наполняли улицы, по которым проезжало посольство.

В XVII в. еще чаще, нежели в XVI-ом, стали являться в Москву блестящие посольства из западной Европы, и в Москве старались принимать их с соответствующим великолепием и торжественностью: это был лучший случай блеснуть пред чужими людьми и внушить гостям самое выгодное понятие о хозяевах. Вследствие этого, обрядность приема усложнялась еще более. Посольство до въезда в столицу останавливалось в каком-нибудь из подмосковных сел, чтоб приготовиться к торжественному въезду. Посоль-

ство выступало в сопровождении многочисленного московского звания; при въезде английского посольства в 1664 г. ехали 200 саней, кроме посольских служителей, шедших пешком. Поезд с обеих сторон окружали пристава. — По мере приближения поезда посольского к Москве, его встречали один за другим отряды владников, в одежде разных цветов; они выстраивались по обеим сторонам дороги, по которой двигалось посольство. Последний отряд, встречавший его под самым городом, был самый замечательный: это были «жильцы», на белых лошадях, одетые все в красное платье, с особенным украшением шакала, похожим на крылья, которое некоторые иностранцы находили очень красивым ⁷¹⁾. Назначалось место, где посольство должно были встретить придворные сановники, и чтобы обе стороны могли прибыть сюда в одно время, перед посольством влад и вперед скакали гошцы из города с предказами ускорить или замедлить, а иногда вовсе остановить на несколько времени движение поезда. От этого поезд двигался очень медленно: английское посольство, вступая в Москву, 6 февраля 1664 г., с 2-х часов до ночи не могло проехать 3-х верст. Встретившись с упомянутыми сановниками и исполнив обычные формальности, поехали вместе с ковыми своими приставами перемещались в экипаж, обыкновенно высылавшийся для этого из дворца. Иностранцы подробно описывают взятые с казенного двора великолепные одежды, в которых являлись пристава и вся их свита; но особенно удивлялись множеству и богатству украшений, которыми покрыты

⁷¹⁾ Это были особенного покроя терзаны, которые надевали во время «жильцы» при торжественных придворных случаях. См. «Описание одежды и вооружения российских войск», ч. I, примеч. 166.

были лошади московских сановников и всадников. При въезде в город посольская и московская музыка, непрерывавшаяся с самого начала поезда, начинала играть громче. По обе стороны улиц, по которым проезжало посольство, стояло рядами несколько тысяч стрельцов. Такое событие, как въезд великодепного иностранного посольства, не могло не возбуждать любопытства в жителях Москвы. Они высыпали из домов, и во множестве покрывали улицы, лавки, окна и кровли домов. При въезде польского посольства 1678 г., отличавшегося особенной пышностью, между зрителями видно было даже много девиц, набеленных и парумяненных. Можно было подумать, замечает Мейерберг при описании своего въезда в Москву, что в это время ни одной души не оставалось в домах.

Западная Европа более и более привлекала к себе любопытство московских людей, а чтобы удовлетворить этому любопытству, посмотреть на ее представителей, понемногу начинали жертвовать вековыми предубеждениями, и со второй половины XVII века встречаем известия, ярко рисующие это стремление. Областные правители, при проезде иностранного посольства, начали чаще нарушать принятый обычай не видеться лично с послами; воеводы открывали им доступ в крепости, приглашали к себе на пир, отваживались даже показывать иностранцам своих жен, исполнявших при этом все обычаи, которыми сопровождалось явление хозяйки пред почетными гостями. Рассказывают об одном смоленском воеводе, который, при въезде посольства в город, переодетый вмешался в толпу крестьян, помогавших поднять опрокинувшийся экипаж посольства. То же любопытство проникало и в такую сферу, где самое общественное положение заставляло с особенной строгостью держаться в пределах принятых обычаев.

При въезде Карла в Москву в 1664 году, царь с царицей и детьми решились тайком посмотреть на блестящий поезд и для этого поместились где-то у ворот кирпичной стены, чрез которые должно было проходить посольство. Так как въезд происходил ночью, то около этого места улица была ярко освещена. Перед самыми воротами пристава выдумали какой-то предлог к остановке поезда, продолжавшейся около четверти часа, чтобы дать царю и его семейству время насмотреться на иностранцев. Царица Наталья Кирилловна упростила царя в 1675 г. назначить аудиенцию цесарскому послу де-Боттони в село Коломенском, где ей удобнее было смотреть на посольство, и, приближаясь к селу, пристава нарочно вели поезд не прямой дорогой и замедляли его движение, чтоб царица дольше могла любоваться зрелищем из дворцового сада. Впродолжение аудиенции, она, поместившись на востоке в соседней комнате, смотрела чрез отверстие в дворе на представленно посольства; но маленький Петр выдал мать, неосторожно растворив дверь прежде, чем послы успели выйти из приемной залы. Наконец в 1698 г. с той же целью решились провести посольство чрез Кремль, что случилось и иностранцев, и москвичей⁷³⁾.

В XVI веке в Москве отводили посольству квартиру в пустом здании без мебели, даже без постелей. Когда Герберштейн изложил об этом приставам, они отвечали, что у них не в обычае давать послам постели. Пристава ждала дочь приходила к послу, спрашивая, не терпит ли он в чем недостатка. Съестные припасы приносил двор, особливо для того предназначенный. В обращении с послами

⁷³⁾ Otacrine, 24 и след. — Maierberg, I, 97 — Carlisle, 120. — Luycks, 84, 48 и след. — Tanner, 43—49. — Korb, 40.

пристава наблюдали строгое различие, смотря по тому, откуда и с каким характером приезжал посол: с большим послом обращались не так, как с посланником или гонцом; с послом немецким не так, как с польским, литовским, и проч. Также строго до мелочей определено было количество всех припасов, выдававшихся послу ежедневно, хлеба, соли, мяса, перцу, овса, сена и даже дров для кухни. Если посол хотел купить что-нибудь на рынке, пристава очень сердились и всеми мерами старались не допустить до этого, говоря, что это значит нанести бесчестье государю. Спустя дня два по приезде, пристава выводывали чрез переводчиков, что намерен посол дать им в подарок, прибавляя, что они должны донести об этом государю. Поссевин сильно жалуется на их назойливость в этом случае и советует или прямо отказывать им, или обещать с условием, если будут хорошо вести себя ⁷⁶⁾).

Квартира послам обыкновенно отводилась впо Кремля; останавливаться в Кремле не дозволялось. Контарини, по ходатайству русского посла, с которым он возвращался из Персии, приехав в Москву, поселился-было в доме приятеля своего Аристотеля, недалеко от дворца, но через несколько дней получил приказ перебраться из Кремля на посад ⁷⁷⁾).

Известия XVII века подробнее описывают и помещение и содержание послов в Москве. Посольству, с которым в 1634 г. приехал в Москву Олеарий, отведено было помещение в двух обывательских домах в Белом городе, потому что случившийся перед этим пожар истре-

⁷⁶⁾ Herberstein.—Possevino.

⁷⁷⁾ Контарини, 108.

был дом, в котором обыкновенно останавливались иностранные посольства. Во время пребывания Оlearия в Москве этот дом был возобновлен. Усиление дипломатических сношений с иноземными дворами заставило подумать об устройстве для иностранных посольств помещения более просторного, более соответствовавшего достоинству государя и блеску его двора. Вследствие этого при Алексее Михайловиче построено было великолепное каменное здание, которое подробно описывает Таннер. Этот новый посольский двор находился в Китае-городе, везалева от Кремля ⁷⁵⁾. Это было обширное здание в 5 этажах, с 4 башенками по углам. Над подъездом возвышалась пятая, большая башня, вокруг которой устроены были в 3 ряда, один над другим, балконы («гульбища»), откуда открывался красивый вид на Москву. В этом здании в 1678 г. без труда поместилось с экипажами и лошадьми польское посольство, состоявшее более чем из 1.000 человек. Среди здания находился квадратный двор, с колодезем посредине. В комнатах вокруг стен шли лавки; в одной налате посредине стояли длинные столы с такими же длинными скамьями, покрытыми, как и лавки, красным сукном. Таким же сукном обита была нижняя часть стен над лавками, сколько могла захватить спина сидящего человека. В одной из внутренних комнат стены обиты были золототканными обоями, на которых изображалась история Самсона. Две обширных оной служили местом прогулки и приемными залами. Окна в здании были узки и малы, пропускали скудный

⁷⁵⁾ Меберберг замечает, что он находился недалеко от церкви Илии Пророка, куда бывал торжественный царский выход 20 июля. I, 156.

свет; в них было больше железа и камня, нежели стекла, спаружи к ним приделаны были железные ставки. При доме были три обширные кухни с кладовыми, погребами и прочими хозяйственными принадлежностями ⁷⁹).

Во все время пребывания послов в Москве их окружали самым бдительным надзором. При дверях занимаемого ими дома ставились «караульщики», особые приставники сопровождали иностранцев, когда они по каким-нибудь делам выходили со двора, что впрочем не дозволялось без уважительной причины. Никому также нельзя было, не навлекая на себя опасного подозрения, приходиться к послу и говорить с ним по частным делам; даже когда кто-нибудь из посольства заболел, к нему не допускались или редко допускались придворные лекаря из иностранцев,—единственные тогда лекаря в Москве ⁸⁰).

Все иностранцы XVI века, ездившие послами в Москву и описавшие свои поездки, с большей или меньшей горечью жалуется на дурное обращение с ними московских приставов, на стеснения, которым посол подвергался в Москве,—говорят, что с ним обращались презрительно. держали его скорее как пленника, нежели как министра иностранного государя, едва позволяли ему выходить из квартиры с провожатыми, которые зорко следили за каждым его шагом. Олеарий, всегда так аккуратно отмечающий перемены и улучшения, замеченные им в жизни современного ему Московского государства сравнительно с прежним временем, знает все неудобства, которым в былое время подвергались в Москве иностранные послы; но он оговаривается при этом, замечая, что в его время

⁷⁹) Olearius, 23, 40.—Tanner, 50 и след.

⁸⁰) Possevino, 36, 37, 93.

поведение посла в Москве много изменилось к лучшему, что послов принимали тогда с большой вежливостью, и после первой аудиенции посол и его свита без труда могли выходить из квартиры и осматривать город, даже без провожатых. Оттого европейские государи,—добавляет Олеарий,—не боятся теперь посылать в Москву послов, и некоторые даже имеют там постоянных резидентов. При Олеарии в Москве жили шведский и английский резиденты; во второй половине XVII века упоминаются, кроме них, резиденты датский, польский и персидский. Но до первой аудиенции послов держали попрежнему в самом строгом заключении. Тот же Олеарий говорит, что едва галатинское посольство разместилось на своей квартире, пристава принесли ему суточное содержание и, удаляясь, заперли ворота и приставили к ним 12 стрельцов, с приказанием никого не пускать ни со двора, ни на двор; одни только пристава приходили к послам каждый день, чтоб развлекать их и справляться, не имеют ли они в чем нужды. После первого представления государю посольство получало более свободы. Посольству, с которым Корб приехал в Москву, позволено было даже до первой аудиенции ехать к резидентам, жившим в Москве, и принимать их у себя; но это было уже в последние годы XVII века, когда многое пошло не по-старому. Устранены были некоторые жесткие формальности в обращении с послами; подозрительность к иностранцам не обнаружилась так резко, как это бывало прежде, но она не исчезла и во второй половине XVII века. С прежней жесткостью следили за тем, чтобы посольство не выходило в слишком короткое сношения с жителями Москвы, особенно с иностранцами. Послам говорили, что их могут посещать все, кому будет угодно, но на самом деле

устраивали так, что немногим удавалось проникнуть в посольский дом. Стража подвергала строгому допросу желавших видеть посла и своей бесцеремонностью у многих отбивала охоту к подобным посещениям. Если иностранец, служивший в русском войске, просил у своего начальника позволения повидаться с посольскими людьми, ему не отказывали, но внушали при этом оставить свое намерение, чтоб не возбудить подозрения при дворе. Женщинам вовсе запрещено было входить в посольский дом. Карлиль никак не мог добиться позволения английским купчихам из Немецкой слободы видаться с его женой. Из отряда стрельцов, стороживших посольский дом и ежедневно сменявшихся, несколько человек размещались по потаенным углам двора, с целью предупредить секретные посещения посольской квартиры; под каждым окном также стояло по несколько сторожей. Так же заботливо старались помешать сношениям посольств со своими дворами. Мейерберг напрасно просил у московского двора и устно и письменно позволения сообщить в Вену некоторые известия о себе. Письма, посылавшиеся из-за границы послам в Москву, вскрывались, прочитывались и потом уничтожались ⁸¹⁾.

В описаниях иностранных посольств находим несколько указаний на количество припасов, ежедневно отпускавшихся на содержание посольства во время его пребывания в Москве, равно как и на пути к ней. Английскому послу Рандольфу со свитой, состоявшей из 40 человек, в 1568 г. на пути к Москве пристава ежедневно выдавали припасов на два рубля. Гольштинскому посольству

⁸¹⁾ Olearius, 26, 184.—Mayerberg, I, 132—135; II, 138.—Carlisle, 141.—Lyseck, 89.—Korb, 49.

1534 года, свита которого состояла из 34 человек, ежедневно выдавалось на содержание по 2 руб. 5 коп., и благодаря дешевизне живичиных припасов, которую послы встречали на пути, этой суммы было совершенно достаточно для придомльствия их со свитой. По прибытии в Москву, то же посольство ежедневно получало на содержание по 62 коровай хлеба, по четверти быка, по 4 барана, по 12 кур, по 2 гуся, по одному зайцу или тетерею, по 50 яиц, по 10 коп. на свечи и по 5 на мелочные расходы по кухне, по четверти ведра испанского вина, по два ведра меда, по три четверти ведра пива и посылалось меньше водки ⁸²⁾; кроме того посольским слугам отпускаясь по бочке пива, по боченку меда и по боченку же водки. Сверх всего этого выдавали на неделю пуд масла и столько же соли, три ведра уксусу, да по воскресеньям прибавляли мяса по 2 барана и одному гусю. В день прибытия посольства в Москву, также в дни больших праздников и придворных торжеств, содержание посольства удваивалось ⁸³⁾. Иногда пристава приносили посольству уже готовые кушанья, что ставило иностранцев в большое затруднение, потому что московские блюда редко были им по вкусу, и гораздо удобнее было для них получать сырые припасы, которые они могли готовить по-своему. С XVII в. начинаем встречать известия о том, что пристава на пути к Москве предоставляли послам на

⁸²⁾ Olivier, 96 huit pots d'hydromel trois pots de bière et trois pots pots d'eau de vie. Так как в сырых припасов, выдававшихся на содержание Вуге, галле, содержащий 3 пива, приравнивается к тогдашнему московскому ведру, а свита— $\frac{1}{2}$ pot, то мы полагаем в тогдашнем ведре 4 pots. См. Hakluyt's Collection, I, 519.

⁸³⁾ Olivier, 15, 96.

выбор—получать ли содержание припасами, или брать прямо деньги, назначенные для этого из казны; послы, разумеется, охотнее соглашались на последнее, тем более, что при покупке припасов самим посольством пристава назначали таксу, чтоб продавцы не могли запрашивать слишком много за свои товары ⁶¹⁾.

В первые дни, по прибытии посольства в Москву, пока в думе наводились справки и шли разсуждения о нем, послам предоставлялось отдыхать от дороги; но иногда это отдохновение продолжалось так долго, что наскучивало им. Здесь также дело не обходилось без проволочек, подобных тем, какие испытывал посол на пути к Москве: назначают день для представления государю, потом отложат и т. д. Наконец объявляли решительный срок; накануне его пристава несколько раз приходили к послу, внушая ему приготовиться к явлению пред светлые очи государя. Утром, на другой день, те же пристава являлись к послу в богатых парчевых одеждах, которые они надевали в сенях посольского дома, и объявляли о приближении бояр, которые имели представить посла во дворец, добавляя, чтобы посол вышел к ним навстречу. Бояре, с многочисленной свитой подъехав к посольской квартире, сходили с коней, но не входили в дом, а ждали выхода посла, стараясь сделать так, чтобы посол дальше вышел к ним навстречу. Сев на коней или в экинажи, которые присылались из дворца, отправлялись в Кремль, обыкновенно чрез Спасские ворота. Поезд, как и при въезде в столицу, двигался между рядами нескольких тысяч стрельцов, с прежними замедлениями и остановками, чтоб привести послов во

⁶¹⁾ Ibid.—Korb, 34.

дворец тешен в ту минуту, когда царь садился на престол. Массы народа по-прежнему наполняли ближайшие улицы и покрывали окна и кровли домов. В Кремле поезд встречали разные служилые люди в богатом платье, которые вели посла к дворцу. В 1582 г., когда происходили беседы Поссевица с царем о вере, при проходе иезуита из двора, огромные толпы придворных служителей и народа наполняли кремлевскую площадь, ступени крыльца, сени, окна и переходы дворца. Идя на третий дворик, Поссевиц видел на площади Кремля по крайней мере тысяч пять простого народа. Далеко не доезжая до крыльца, все сходили с коней и шли далее пешком. Подле крыльца у послов и их свиты отбирали оружие, с которым никто не мог являться пред государем. С Красной площади во дворец вели три лестницы, из которых каждая имела, как объясняли Лизеку, особенное назначение в обряде приема посольств: среднюю вводили во дворец послов турецких, персидских и прочих бусурманских, правую—послов христианских, левую—тех из последних, которым хотели оказать особенную почесть^{*)}. На половине лестницы посла встречали государевы советники, которые вели его до вершины лестницы, где, передав его в помощь советникам, сами следовали позади. При входе в палаты посла встречали первостепенные бояре, которые вели его к государю. Передние палаты, которые проходил при этом посол, были наполнены князьями, боярами и другими важнейшими придворными людьми, между которыми особенное внимание иностранцев обращали на себя старшии с длинными седыми бородами, сидевшие и сто-

^{*)} О обозначении этих трех лестниц см. «Домашний быт русских царей» Н. Забелина, стр. 68.

явние вдоль стен передних палат: это были гости, или важнейшие куцы государевы, присутствовавшие здесь для того, чтоб своей почтенной наружностью придать больше важности и торжественности обстановке приема. Как на них, так и на сановниках, находившихся здесь, были богатые парчевые кафтаны и превысокие шапки, похожие на баини, по выражению Рейтенфельса ⁸⁶). Проходя мимо этих людей, Герберштейн был несколько удивлен одной замеченной в них странностью, «при нашем появлении, говорит он, никто из них не сделал нам никакого приветствия и даже приятельски-знакомые с нами, когда мы кланялись им и заговаривали с ними, оставались совершенно неподвижны и ничего не отвечали нам, как будто не замечали наших поклонов и вовсе не были с нами знакомы. При входе посла в палату, где находился сам государь, бояре, сидевшие по лавкам в шанках, вставали и снимали их. На них длинная до пят одежда (ферезь), которую иные, за неимением своей, брали на этот случай из государевых кладовых. Ченслер, представлявшийся царю в 1553 г., видел здесь бояр человек до 100, во время приема польского посольства 1678 г. Таннер насчитал их до 500, все они хранили глубокое молчание в продолжение аудиенции, пристально следя за всем движением государя ⁸⁷). Государь сидел на возвышенном месте, на престоле, по правую сторону которого на стене висел образ Спасителя, а над головой государя—образ Божией Матери. Престол помещался не посредине-

⁸⁶) Это были так-называвшиеся «горлатые» шапки. См. «Описание одежды и вооружения российских войск», т. I, рисун. №№ 13 и 14.

⁸⁷) *Miro silentio ab ore nutuque Principis pendent*, по выражению Поссевипа.

вазаты, а в углу, между двумя окнами ⁸⁸). По правую сторону на пирамидальной подставке из чеканного серебра находилась держава из массивного золота. По обеим сторонам около престола стояли четыре телохранителя (рынды «для береженія») в белых одеждах (турских кифтавах) с серебряными бердышами на плечах. На государе была также длинная до пят одежда; он сидел с открытой головой; по правую сторону около него на скамье лежала остроконечная шапка (колпак), похожая на головку сахара; в руке держал он посох с изображеніем креста на верху, унизанный довольно большими хрустальными шариками. Олсарій видел в руках у государя золотой посох, который был так тяжел, что государь для облегченія держал его попеременно то в той, то в другой руке. Здесь же на скамье стояла визолоченная лохань с рукоюишником, покрытым полотенцем. Эта лохань должна была неприятно поражать послов, ибо известно было, что и ней государь моет руки после приема иностранных послов; если верить словам Герберштейна и Мейерберга, это омовение совершалось только после приема католических послов. Посевини выходит из себя при одном воспоминании об этой лохани. Впрочем, во второй половине XVII века только один Мейерберг упоминает об этой лохани; Рейтенфельс, напротив, говорит, что обычай выставлять лохань при приеме и даже мыть в ней руки по окончании его давно уже оставлен царями.

Как только посол входил в приемную палату, думный дяк или один из первостепенных бояр докладывал о нем государю. Став против престола, посол передавал шлемы и грамоту от своего государя, при имени которого

⁸⁸) Олсарию, 30.

московский государь вставал и сходил с верхней ступени престола. Когда оканчивались первые приветствия, государь справлялся о здоровье своего брата-государя и, пока посол отвечал, садился на прежнее место; потом, по приглашению дьяка, посол подходил к престолу и целовал руку государя, который при этом спрашивал его, благополучно ли он ехал. Затем поклонившись сперва государю, потом на обе стороны князьям и боярам, во все это время стоявшим из почтения к послу, последний, по приглашению того же дьяка, садился на скамью, которую ставили против государя, между тем как свита подходила к государевой руке. Послы из Польши, Литвы, Ливонии, Швеции и проч. являлись во дворец с подарками или «поминками», которые думный дьяк или один из приставов подносил государю. Каждый из членов посольской свиты приносил особенный подарок и о каждом докладывалось особо, причем громко и внятно произносилось его имя и назывался подарок. В стороне сидел дьяк и записывал каждый подарок с именем того, кто его подносил. Герберштейн явился без поминка и, когда ему напомнили об этом, отвечал: «у насъ этого не водится». Но в XVII веке и царские послы обыкновенно приезжали с подарками. Посидев немного, посол получал от государя приглашение отведать с ним хлеба-соли. После того посла отводили в другую палату, где он излагал и обсуждал с думными людьми дела, касавшиеся его посольства. Если посол приезжал для важных и сложных переговоров, эти рассуждения тянулись несколько дней, даже месяцев, сопровождаясь многими формальностями, крайне утомлявшими иностранцев. Всякий раз, когда посол делал новое предложение, рассуждавшие с ним думные люди шли к государю за ответом, который, иногда уже

на другой день, в точности передавали послу. Когда для ответа требовалось много предварительных справок, его откладывали на несколько дней. Поссевин дивился той тщательности, с которой московские думные люди выкапывали из архивных дипломатических актов за долгое время все, что могло обратить переговоры в их пользу. Потому ответы выходили иногда очень длинные. Медленность переговоров увеличивалась еще от порядка, в каком передавались ответы. В них, где было нужно, повторялись шлона титулы обонх государей, между которыми велсь переговоры, и дословно передавались предложения посла. Наложивший таким образом на нескольких длинных листах ответ разделялся по листам между думными людьми и каждый из них поочередно прочитывал свой лист послу. Чтение это продолжалось иногда часа по 4, хотя, по замечанию Поссевина, весь ответ можно было бы передать менее, чем в час. Копия с прочитанного акта отдавалась послу.

Мейерберг описывает порядок переговоров, которые он вел в Москве с боярами. Посла с его товарищем ввели в довольно обширную (ответную) залу, в которой подле угла стоял длинный и узкий стол. Послов пригласили сесть за стол на приделанной к стене лавке; в углу, на почетном месте, поместился первый из бояр, назначенных для переговоров, кн. Алексей Никитич Грubbиной. На одной с ним лавке, но дальше от стола, поместилась двое других бояр; думный дяк сел особо, на скамье недалеко от стола. Когда все уселось, первый боярин встал, за ним поднялись и прочие присутствующие. Призвав Св. Троицу и сказав полный титул царя, он объявил послам, что государь выслушал их предложение и велел перевести письмо цесаря. Второй боярин, сделав

такое же предисловие, только сократив титул, сказал, что государь прочитал это письмо со вниманием и увидел из него, что послы имели сделать ему некоторые предложения, касающиеся общего блага обоих государств. Третий боярин тем же порядком продолжал, что в письме написано, чтобы верили предложениям, которые должны были сообщить послы, что они, бояре, готовы исполнить. Наконец, думный дьяк, еще раз повторив то же вступление, объявил, что им, думным людям, приказано от государя выслушать предложение послов. Тогда послы, встав вместе с прочими присутствующими, прочитали полные титулы сперва цесаря, потом цари; затем все опять сели, и товарищ посла прочитал по грамоте другое предложение своего государя, которое переводчик, по мере чтения, фразу за фразой, передавал по-русски. Выслушав предложение, бояре потребовали копии с него. Поговорив потом о разных делах, бояре с дьяком вышли из палаты, чтобы сообщить государю новое предложение послов; последние между тем одни оставались в палате. Четверть часа спустя, возвратился один дьяк и объявил послам, что он докладывает государю об их предложении, но что ответ на него они получают после, а теперь могут возвратиться на свое подворье.

Дипломатические приемы московских бояр часто повергали в отчаяние иностранных послов, особенно тех, которые хотели вести дело прямо и добросовестно. Они горько жалуются на двуличность и бесцеремонность московских дипломатов, на их непостоянство и легкость, с которой они давали и нарушали обещание. Чтоб не попасть в их сети, недостаточно было увериться, что они лгут; надо было еще решить, куда метит эта ложь, что о ней подумать. Если их удличали во лжи, они не

траснили и на упрям отжимали усмишкой. Как бы точно и решительно ни был определен и установлен какой-нибудь пункт переговоров, в случае нужды они всегда находили возможность, посредством разнообразных звученных толкований, ослабить его силу или даже представить его в другом, неожиданном виде. Отличаясь такими качествами, московские думные люди могли бы назваться весьма дипломатами, если бы в равной степени обладали другим необходимым для этого условием—знанием политических дел Европы. Это знание было у них крайне бедно и черпалось из скудных и мутных источников. Прусская или голландская газета, занесенная в Москву зловещим купцом, который они верят, по выражению Мейерберга, как дельфийскому оракулу, пленный солдат, готовый всего ваговорить при допросе, лишь бы вынутаться из беды, — вот почти весь круг обыкновенных источников, из которых заимствовались сведения о том, что делалось в Европе. Все это, по словам того же иностранца, до того затрудняло деятельность западных послов в Москве, что им часто приходилось раскаиваться в том, что они взяли на себя такую обязанность⁸⁷⁾.

Пока визит рассуждал в бонрамах, готовили обед. При входе послов в столовую все приглашенные, уже сидевшие по местам, прежним порядком вставали, но что посол отговаривал поклонами и садился на указанное государем место. Среди столовой стоял большой истаялец, снизу квадратный, сверху суживавшийся пирамидально, установленный ипожестием золотой и серебряной посуды, в которой любезное внимание англичан обратили на себя

⁸⁷⁾ Магюбульд, I, 115—122. То же самое говорит в Катехизисе о характере и приемах московских думных людей, которые поручались дипломатическим делам. Гл. IV, 24.

в 1553 г. четыре огромные вазы до 5 футов вышиной. Вокруг, по сторонам столовой, расставлены были столы на известном расстоянии один от другого. Англичанин в 1553 г. видел их по 4 на каждой стороне в золотой палате; эти столы стояли на помосте, возвышавшемся над полом на 3 ступени. Государь перед обедом снимал пышную одежду, в которой принимал послов, и являлся за стол в другой, обыкновенно белой, одежде, что, по объяснению Рейтенфельса, означало дружественное расположение. От стола государева до других оставляли столько пространства, сколько можно захватить распростертыми руками. Ниже государя сидели его братья или старшие сыновья, если были. На более значительном расстоянии от последних помещались важнейшие князья и бояре, по степени важности и значения у государя. За дальнейшими столами по обеим сторонам палаты садились остальные гости, приглашенные по особой милости государя; прямо против стола государева садились особо послы, а недалеко от них посольская свита. Столы покрывались чистыми, но маленькими скатертями, и устанавливались сосудами с уксусом, перцем, солью в таком порядке, что на каждых 4-х гостей приходилось по одной уксуснице, одной перочнице и одной солонке. Все эти сосуды были из чистого золота или серебра. Обыкновенно подавали столько разной посуды, что едва устанавливали ее на столах, а между тем недоставало многих необходимых принадлежностей европейского стола, что ставило иностранцев, обедавших у государя, в большое затруднение⁹⁰). Салфеток не употребляли вовсе, ножей, вилок и

⁹⁰) D. Printz a Buchau, p. 194: orbibus et quarum rerum apud nos usus est caruimus.

тарелки подавали очень мало. Бухау на царском царском обеде не нашел в своем приборе ни ножа, ни тарелки; у сидевшего подле боярина ему удалось добыть один нож для себя и своего товарища, которым они и пользовались вместе в продолжение всего обеда. На обеде у первого самозванца Пашерле видел перед столовой залой кучи серебряных сосудов, из которых некоторые были величайшей с кувалды и ведра; но на столах он не заметил ни тарелок, ни ложек, кушанья большею частью состояли из пастетов, дурно приготовленных ⁹¹⁾. Даже при Алексее Михайловиче, когда обедал у него Карлиль, каждому гостю подали только по одной тарелке на весь обед. Посуда подавалась не всегда в опрятном виде: поданная Карлилью серебряная посуда была так нечиста, что походила скорее на свинцовую. Пока расставляли посуду, в столовую входило несколько стольников в блестящих одеждах и, никому не кланяясь, не снимая даже высоких шапок, становились вокруг поставца. Государь, подошед к себе одного из служителей, давал ему продолговатый ломтик хлеба и приказывал отнести его послу; подходя к последнему, служитель громко объявлял ему, что великий государь жалует его, посылает хлеба с своего стола. Пока он произносил это, посол и прочие гости стояли. Приняв хлеб и положив его на стол, посол кланялся сперва государю, потом всем присутствующим на обе стороны. Такие же посланки делались и некоторым другим из приглашенных в знак особой милости государя, что каждый раз сопровождалось вставаньем всех гостей и поклонами получавшего хлеб. Когда

⁹¹⁾ Ulfeld, 35 Imperator (Ив. В. Грозный) et filius utraqueque caeteris ad longitudinem dimidius ultra, poculo modo et cochleari ligneo.

государь хотел оказать кому-нибудь самую большую милость и любовь свою, тому посылал соли с своего стола. После раздачи хлеба стольники выходили и приносили водку, которую обыкновенно пили перед обедом, потом жареных лебедей, составлявших первое блюдо на государевых обедах, когда не было поста. Государю подносили трех лебедей и он пробовал ножом, который лучше. Выбранный тотчас выносился, разрезывался на части и на 5 тарелках приносился опять государю. Отрезав по частичке от разных кусков, государь давал прежде отвеждать их стольнику, потом отведывал сам и посылал на тарелках послу и кому-нибудь из остальных гостей в знак особой милости, причем повторялась прежняя церемония вставаний и поклонов, доводившая непривычного иностранца до утомления. Остальные лебеди разрезывались и подавались гостям на тарелках, по 4 куска на каждой. Лебедей ели с уксусом, солью и перцем. Для той же цели во все время обеда стояли на столе сметана, соленые огурцы и сливы. В таком же порядке подавались и прочие блюда, с той впрочем разницей, что уже не уносились из столовой, подобно жареному. Об остальных блюдах иностранцы не сообщают подробностей; в подаче их они не находили никакого порядка и потому не могли припомнить, при множестве разных блюд, что за чем следовало. В пост первым кушаньем, которым открывался обед, была икра с зеленью. За ней на обеде, данном Карлию, подали очень понравившуюся ему уху, потом рыбу в разных видах, вареную, жареную, в пирогах; всех блюд подано было до 500. Из напитков на столах стояла обыкновенно мальвазия и другие вина, также разных родов меда. В продолжение обеда у поставца стояли 4 прислужника с перекинутыми через плечо по-

лотомашп и дубками в руках. Обыкновенно государь приглашал палатать себе кубок один или два раза в продолжение обеда. Когда он шел, подымал в себе посла и также приглашал его, как и прочих гостей, хорошенько есть и пить. Многие иностранцы, зная обычай русских гостеприимства, садились за стол с тревожной мыслью, что их выстанит пить много, и Карлиль был очень рад, что его опасения на этот раз не оправдались, хотя в продолжение обеда ему часто напоминали не забывать государева здоровья. За столом говорили мало; нередко обращался государь к послу с каким-нибудь вопросом. Так в кн. Василий Иванович между прочим спросил однажды Герберштейна, брва ли он бороду и, получив утвердительный ответ, прибавил: «и это по-нашему», а сам первым из московских государей, замечает при этом Герберштейн, избрал себе бороду в угоду второй своей жене. Беседа оканчивалась перед десертом, когда посол должен был подойти к столу государя и взять из рук последнего украшенный кубок. Карлиль при этом принужден был выпить предложенный царем кубок в память «мученика» короля Карла I, и царь долго говорил с послом об Англии, о польской войне, о его польстии. Между тем столыники, в начале обеда бывшие в дыматниках, на подобие лонгтов, по воле Карла I, и подпосанные, сзади обеда переселились в терзники, усыпанные драгоценными камнями. Этих столыников на посольских обедах насчитывали иногда до 150, и в продолжение обеда они три раза переменили платье. Обед продолжался три или четыре часа, иногда до самой вочи, так что оканчивался уже при огне; обед, данный Карла I, тянулся от 2-х до 11-ти часов пополудни. По окончании стола государь выускал всех гостей домой: в 1553 г. Англичане ошн

удивлялись, когда при этом царь назвал по имени каждого из многочисленных гостей, и недоумевали, как мог он помнить столько имен.

Но угощение посла не оканчивалось в этот день приемным обедом во дворце. Те же люди, которые привели посла во дворец, вели его обратно на квартиру и приносили с собой серебряные чарки и другие сосуды с напитками, преимущественно с разными медами. Таким образом в посольском доме приставы устраивали настоящую попойку: это называлось «пойть посла», причем главнейшей заботой приставов было, во что бы ни стадо, напоить посла как можно пьянее. Герберштейн дивится их умению потчивать в этом случае. Отказываться от приглашений не позволялось ни под каким предлогом, потому что шли сперва за здоровье великих государей, а потом их братьев, сыновей и других родственников, а когда и их мало, начинали пить за здоровье важных лиц обоих государств. Осушив несколько чарок, говорит Герберштейн, не иначе можно было избавиться от дальнейшей попойки, как притворившись очень пьяным или связавшимся. Из рассказов о польских и татарских посольствах мы знаем, что приставы часто вполне достигали своей цели — напоить посла, причем дело не обходилось часто без печальных историй. Но при этом достигались иногда и другие важные цели: подививший посол не раз проговаривался о том, что ему приказано было держать только на уме.

Олеарий замечает, что с некоторого времени при Московском дворе стал выводиться обычай приглашать послов после первой аудиенции к государеву столу; послам объявляли обыкновенно, что им пошлют нищу со стола государева на посольское подворье. Действительно,

«изысканный приемных обедов во дворце у иностранцев XVII в. встречаются редко: зато находим не лишние интереса подробности об угощении послов на их квартире. По возвращении последних с первой аудиенции, на польский двор привозили несколько телег с напитками и кушаньями, приготовленными на государевой кухне, с подвижными плитами для их разогревания и т. д. Пристав ширмовал скатертью только конец стола, где должен сидеть посол, и только для него клал нож, вилку и ложку; сватья должна была обойтись без этого. Кушанья, состоявшие преимущественно из разного рода печений, тщательно приготовленных, так щедро приправлялись маслом, луком и чесноком, что иностранцы с трудом могли есть их ⁹²⁾; да об этом и не заботились: московское «клевещество» выражалось вовсе не в «встахъ». Пристав приносил с собой длинный список «здоровий», и в продолжение стола предлагал их одно за другим, начиная с обих государей, титулы которых сказывались при этом сполна по бумаге, не выходявшей из рук пристава до конца стола. В подаче напитков сохранялся строгий порядок. Для италийских слуг послательства выставлялся среди двора большой сосуд с водкой, на которого всякий черпал, сколько хотел.

В остальные дни государь часто посылал послу кушанья с своего стола. По окончании переговоров, для которых приезжал посол, государь иногда приглашал его с собой на охоту или какую-нибудь другую потеху, а перел отъездом на прощальный обед. В конце его госу-

⁹²⁾ Lyncck. 48: *palus capulindus, allia et caepis coactis, patius Germanorum scob, quon stomachus his condimentis non assuetus, cogitantur salar!*

дари, встав с своего места, приказывал подать себе кубок, говоря, что он пьет в знак любви и за здоровье своего брата-государя, прося посла передать повеленному все, что он здесь видел и слышал. Потом государь подавал кубок послу, приглашая выпить его также за здоровье своего государя. Этот кубок, в знак особенной милости, иногда дарился послу. Приняв его, посол отступал несколько назад и, выпив, кланялся государю. Кубок этот был довольно велик, и Контарини, небольшой охотник пить, едва мог выпить четвертую долю того, что в нем было. С таким же приглашением обращался государь ко всем присутствовавшим на обеде. После того он подзывал посла к руке и отпускал его. Обыкновенно посол со всей свитой, не исключая и низших служителей, получал от государя подарки, состоявшие из шуб и разных мехов. Герберштейн во второй приезд получил, сверх соболей шубы, два сорока соболей, 300 горностаев и 1500 белок. Послов из западной Европы дарили почти исключительно мехами, преимущественно собольими; но послов татарских и вообще восточных государь жаловал, кроме того, разным платьем, шапками, сапогами, даже материями на платье. Татарские послы были особенно нарядны на эти подарки, которые часто были единственной целью их приезда в Москву. Олеарий видел в 1634 г. кавалькаду трех татарских послов с многочисленной свитой, направлявшихся во дворец: на них было платье из грубого красного сукна, а чрез несколько часов татары с гордостью возвращались из дворца, одетые в камку: одни в алую, другие в желтую. Того же добивались и разные владельцы, посылавшие этих послов к московскому государю. Не проходит почти года, замечает Олеарий, без того, чтоб татарские владельцы не посылали в Москву посольств, не

отъезде его делам, увольня для того, чтобы выманить у царя несколько мехов и шелковых одежд⁹³⁾. При отъезде посол должен был в свою очередь дарить приставов; Пассовин советует давать им 25 или 30 золотых и столько же их служителям, если нельзя будет дать больше. Прочими порядком пристава провожали посольство до Московской границы и там при расставании также получали подарки⁹⁴⁾.

III.

Государь и его двор.

В такой обстановке являлась в Москве верховная власть перед иностранцами послами. Далеко от столицы, с первых шагов, на почве Московского государства, неблагоприятный иностранец начинал уже чувствовать возмущение, на людях, которых он встречал, возмущественно действовавшие обаяние этой власти, и

⁹³⁾ Как была первоначально использовались татарские послы случаем посланцев в Москве, видно из того, что рассказывает Котошников, гл. V, стр. 17, «И вше ихъ тѣхъ пословъ, выливъ ромашекъ и вѣдь, суды (осуды) берутъ къ себѣ и кладутъ за пазуху; а говорить имъ посолъ: когда-де сирѣ пожелаша ихъ изъѣхать и изъѣхаша, и тѣмъ судамъ гонимы быти у вѣхъ же, и у вѣхъ тѣхъ судитъ царь отнимати имъ вѣхитъ, потому что сирѣмаша съ бунурманомъ въ стѣтъ: и для тѣмъкъ обманываша посланихъ дѣланъ нарочно на автѣйской землѣ осуды вѣхитомъ, поворобещанно и отворочены».

⁹⁴⁾ Narsburgalein, 90—97, 101—114.—Ulfeid, 35.—P. d. Varhou, 104.—Pozalovina, 81, 78, 82, 99, 151.—«Речиъ Мамонъ Царевича ослѣднемъ царю», р. 143.—Костаровъ, 108—116.—Перехъ в «Сказаннхъ современниковъ о Дмитрии Самозванцѣ», ч. 2-я, стр. 68.—Oleatova, 38, 181.—Meyerberg, 110—112.—Luzock, 68.—Tolstov, 57—59.

должен был чувствовать это тем сильнее, что в соседних западных государствах он встречал совершенно противоположные явления. Умный австрийский дипломат, хорошо знавший состояние соседних с Австрией стран, проезжая чрез Венгрию, поет ей полную грустного чувства похоронную песнь, видя, как разоряют ее вышние и ленивые вельможи. Таких могущественных и пышных вельмож должен был он прежде всего заметить и в Польше. В Литве он дивится страшной вольности вельмож и сосредоточению в их руках земельной собственности. Совсем иного рода явления встречал он в Московском государстве. После всех церемоний на пути, в которых московски пристава с такой неумолимой строгостью оберегали честь своего государя, в полумиле от Москвы Герберштейн встретил знакомого старика, который был товарищем московского посла, ездившего в Испанию; он прибежал озабоченный, обливаясь потом, и известием, что на встречу послам едут бояре. Когда Герберштейн спросил его, зачем бежал он с таким спехом, тот отвечал: «у насъ служить государю не по вашему, Сигизмундъ!» — Поэтому иностранец, приезжавший в Москву, и без особенной наблюдательности, только присматриваясь и прислушиваясь к тому, что происходило и говорилось вокруг него, мог понять значение и размеры власти московского государя. По описанию иностранцев, этот государь стоит неизмеримо высоко над всеми подданными и властью своею над ними превосходит всех монархов в свете. Эта власть одинаково простирается как на духовных, так и на светских людей; ни от кого не завися, никому не отдавая отчета в действиях, свободно располагает государь имуществом и жизнью своих подданных. Боярин и последний крестьянин равны перед ним, одина-

кою безответны пред его волей. Такому значению верховной власти соответствует высокое понятие о ней самих подданных. Иностранцы дивятся благоговейной покорности, с которой подданные относятся к московскому государю. Слыша рассказы московских послов, венский архиепископ приходил в удивление от такого послушания подданному государю «любо Богу»³³). Никто из подданных, как бы он ни был высоко поставлен, не смеет противоречить воле государя или не соглашаться с его мнением: хотя бы открыто говорят, что воли государя—Божия воля, и государь—исполнитель воли Божией. Когда их спрашивают о каком-нибудь сомнительном деле, они отвечают выражениями, затверженными с детства, в роде следующих: это знает Бог да великий государь; один государь знает все; одним словом своим разрешает он все узлы и затруднения; что мы имеем, чем пользуемся, успехи в предвзятых, здоронье,—все это получаем мы от милости государя.—так что, добавляют наблюдатели, там никто не считает себя полным хозяином своего имущества, но все смотрит на себя и на все свое, как на чужую собственность государя. Если среди беседы упомянут имя государя и кто-нибудь из присутствующих не снимет при этом шапки, ему тотчас напоминают его обязанность; видя, сияя у церковных дверей, просят милостиво ради Бога и государя. Рассказывать, что делается и говорится во дворце государевом, считается величайшим

³³ Fabri в «Rerum Moscoviticarum antiquiores verbi», p. 142. At illud singulari est, quod in ipis tantum commendari potest, ut nullus sit eorum tam illustri divi ac praepotenti, quin accersitis a divo per quam humillimum etiam precoriam, statim advolet, omnia mandata sui Imperatoris, iuxta Dei, obtemperet, etiam in his causis, quae vel viles detrimentum periculantque exigere videntur.

преступлением. В день имени царя никто не смел работать, хотя в церковные праздники простой народ вообще не прекращает будничных занятий. В чюлобитных царю все пишется уменьшительными именами; бояре и все служилые люди прибавляют к этому «холодъ твой», гости — «мужикъ твой», прочие купцы — «сирота твой». боярыни — «рабица или раба твоя», поселяне — «крестьянинъ твой», слуги бояр — «человѣкъ твой».

Ясно и скоро, даже не изучая обычаев Постельного крыльца, поняли иностранцы и значение московских вельмож, их характер и отношение к государю. Как ни старались иные московские послы выставить пред иностранными дворами могущество и богатство этих вельмож, преобладание аристократии в Московском государстве⁹⁶⁾, но довольно было иностранному послу бросить беглый взгляд вокруг себя при проходе по передним палатам дворца и в самой приемной палате, довольно было узнать, откуда достали многие из толпившихся здесь магнатов свои дорогие блестящие кафтаны, чтобы понять, что это за вельможи и в каких отношениях стоят они к своему государю. Посевин дивится отсутствию всякого аристократического гонора в этих вельможах, рассказывая, как большие послы московские, приехав на Киверову гору для заключения мира с Польшей, привезли с собой товары и бесцеремонно открыли лавки для торговли с польскими купцами. Во второй половине XVI века всем обо-

⁹⁶⁾ На основании их рассказов, доверчивый венский архиепископ Фабри писал в 1525 г., что преобладание аристократии составляет отличительную черту Московского государства и что там есть такие богатые и могущественные вельможи, которые выставляют государю во время войны по 30.000 всадников. «Regium Moscoviticum auctores varii», p. 132 и 141.

бонко даво сазывалось бесцелне этих вельмож пред верховною властью. Государь мог каждого из них, кого захочет, лишить сана и имущества, которые он же и дал ему, и низвести в положение последнего простолюдина. Все вельможи, советники и другие люди высшего класса называли себя холодами государя и не считали бесчестьем для себя, когда государь приказывал кого-нибудь из них побить за какой-нибудь проступок; побитый, напротив, оставался очень доволен, видя в этом знак благоволения государя, и благодарил его за то, что пожаловал, удостоил исправить и наказать его, своего слугу и холода⁹⁷). Неудивительно, что люди, привыкшие к другим порядкам, побывав при московском дворе, уносили с собой тяжелое воспоминание о стране, в которой не существует, кроме ее властелина⁹⁸).

О составе двора государева иностранцы XVI века сообщают не много подробностей. Новию русские послы говорили, что двор государя составляют важнейшие князья и высшие сановники, которые чрез определенное число месяцев поочередно вызываются из областей для поддержания придворного блеска, для составления царской свиты и отправления разных должностей⁹⁹). Подле царя

⁹⁷) Herberstein, 10, 11—Guagnino в «Regum Moscoviticarum historia», p. 179, 183.—Pozzovino, 22—25, 93—99.—Prinze Vasilij, 234.—Maurberg, II, 32, ср. Котошихин, гл. VIII, ст. 5 и 6.—Балдин в «Русск. Вѣстн.» 1841, № 9, стр. 501.—Tanner, 76.

⁹⁸) Carlisle, 314.

⁹⁹) Inskij, 33.—У Герберштейна читаем на стр. Me Sola (Prinze) *probatum ex his provincialia ordine quosdam vocare, qui Moscoviam ab aliis ac praesidat praesidat officia*. В XVII в. ствольные являды и другие придворные служители делались во две половины, из которых каждая поочередно жила в Москве «дан широкую услугу, по полугоду, а другое полугодом, кто жить отъ ездилъ въ деревня своя до сроку». Котошихин, гл. II, ст. 7 и 20.

всегда находился окольный, принадлежавший к числу высших советников государя; этот окольный, по словам Герберштейна, занимал должность претора или судьи, назначенного от государя. Из других придворных сановников в конце XVI века упоминаются: конюший боярин, смотревший за царскими лошадьми,—первый сановник при дворе; потом дворецкий, казначей, контролер, кравчий, главный постельничий и 3 фурьера. При дворе постоянно находились на страже 200 жильцов-стрипчих, из детей дворян. Ночью подле царской спальни находился главный постельничий с одним или двумя приближенными; в соседней комнате сторожили по ночам еще 6 верных служителей, а в третьей несколько дворян из жильцов-стрипчих, которые чередовались каждую ночь по 40 человек; у каждых ворот и дверей во дворце стояло на страже по несколько молодых людей истопников. К постоянной дворцовой страже принадлежали также 2000 стремянных стрельцов, которые поочередно стояли день и ночь с заряженными пищалями и зажженными фитилями, по 250 у дворца, на самом дворе и у казначейства¹⁰⁰⁾.

Известия XVII в. описывают с большими подробностями лестницу чинов, сосредоточивавшихся при дворе, около особы государя. На верху ее стояли бояре, которых, по словам Олеария, при дворе было обыкновенно до 30; они занимали разные или чисто-придворные или государственные должности, между которыми впрочем не проходило резкой разграничительной черты. Трое из бояр занимали три высшие должности в государстве, принадлежавшие по существу своему к дворцовому

¹⁰⁰⁾ Флетчер, гл. 27-я.

ведомству. Это были: конюший боярин, дворецкий и оружейничий. Конюший считался первым боярином в государстве¹⁸¹⁾. Первым после него был дворецкий, главный управитель государева двора, или «набольший во дворѣ», так его называли в простонародье. За ним следовал оружейничий, ведавший придворный арсенал, украшенный дворца, принадлежности торжественных царских выходов и вообще все, что составляло обширное ведомство Оружейной палаты¹⁸²⁾. За боярами следовали, по порядку чиновного достоинства, окольникше, думные дворяне, думные дьяки или государственные секретари, спальники и постельничим во главе, комнатный с ключем, или главный камердинер, стольники и кравчий, стряпчие, двораго месельские, наконец, жильцы или нажи, дьяки и вольничю. При дворе жило также множество низших дворагоих служителей и приспешников. Число всех вообще слуг, постоянно живших при дворе, на непосредственном содержании государя¹⁸³⁾, Олеарій полагает больше 10000. В это число не входили стрельцы, составлявшие царскую гвардию и находившиеся при дворце «для обереганія». Вот люди, которых иностранные послы

¹⁸¹⁾ Котошихин, гл. VI, ст. 6. «А кто бывает Конюшимъ, и тотъ царемъ бояремъ чинимъ и чеклю». В XVII в., с царствования И. И. Шувалова, эта должность оставалась двамещею, потому что, как говорит Котошихин, «прежъ сего конюшій Б. Годуновъ, что была царемъ, умышлялъ себѣ дѣлать царство чрезъ убійство царевича Дмитрія, и имѣлъ въ такой чинъ допускати оубааитса».

¹⁸²⁾ О составе се ведомства см. «Домашній бытъ русскихъ царей» Н. Забѣлина, стр. 82—83.

¹⁸³⁾ «Которые спятъ на царскомъ дворѣ», по выраженію Котошихина.

встречали при дворе московского государя в качестве придворных садовников или служителей, употреблявшихся «для царскихъ услугъ». Те же люди, восходя из чина в чин, размещались по разным приказам в Москве, служили орудиями государственного управления, ибо вообще не полагалось строгого различия между делом государевым и делом государственным.

Бояре и прочие люди высших чинов, не «спавшіе на царскомъ дворѣ», тем не менее имели с ним самую тесную связь, были постоянно на глазах у государя. Они постоянно жили в Москве, редко отлучались в свои деревни и то не иначе, как спросившись у государя. Кроме торжественных случаев при дворе, когда они в парадном наряде окружали государя, в обыкновенное время они обязаны были каждый день и не один раз являться во дворец ударить челом государю. При дворе проводили они большую часть дня. По словам Маркгрета, они вставали летом обыкновенно при восходе солнца и отправлялись во дворец, где присутствовали в думе от первого до шестого часа дня (по старинным московским часам), потом шли с государем в церковь, где слушали литургию от 7 до 8 часов, по выходе государя из церкви возвращались домой обедать, после обеда отдыхали часа 2 или 3, а в 14 часов (пред вечерней), по звону колокола снова отправлялись во дворец, где проводили около 2 или 3 часов вечера, потом удалялись, ужинали и ложились спать. Во дворец они ездили летом на лошадях верхом, зимой в саях; в каретах ездили только старики, которые не могли сидеть верхом. Когда боярин ехал верхом, у арчака его седла висел маленький набат, около фута в поперечнике; проезжая по улице или рынку, где было много народа, боярин время от времени

ударил по этому набату рукояткой плети, чтобы встречные сторонились с дороги ¹⁰¹).

Мы видели, в каких резких чертах рисуют иностранцы власть московского государя и его отношения к окружающим; в заключение наиболее спокойные из них приходят к известной дилемме: трудно решить, говорят они, дикость ли народа требует такого самовластного государя, или от самовластия государя народ так одичал и огрубел. Другие с горькой иронией решают эту дилемму басней о журавле и лягушках. При таком представлении о власти московского государя очень легко было причислить его в восточным, азиатским деспотам, или подумать, что он старается подражать соседу своему, султану турецкому ¹⁰²). Сравнение с турецким султаном стало даже общим местом для иностранных писателей при характеристике власти московского государя. По замечанию Поссевина, московский государь считает себя несравненно выше западных христианских монархов, и когда папский легат указал ему главнейших из них, тот с пренебрежением возразил: «что это за государя» ¹⁰³).

Но как ни резки черты, в которых изображают иностранцы отношения верховной власти к ее окружению, мы все можем назвать их преувеличенными. В XVI в., к которому относятся приведенные известия, между государем и людьми, составлявшими его двор, его думу, сохранилась прежняя близость, непосредственность отно-

¹⁰¹) Маржерет в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце», ч. 3-я, стр. 88—89.—Olivarius, 218—220, 223.—Mauerberg, II, 110.

¹⁰²) Possevin, 77.—Флетчер, гл. 7-я.

¹⁰³) Possevin, 55.

шений, но не сохранилось прежней свободы, прежнего доверия. Близость сохранялась потому, что придворные вельможи сами старались сохранить свое положение в прежнем дружинном виде, оставаясь дружинниками, дворовыми людьми великого князя, состоящими на личной ему службе и на его содержании, а князь не имел причин изменять такое положение; но свобода, доверие дружинных отношений было потеряно, потому что великий князь не остался прежним вождем дружины, получил другое, более широкое значение, получил большие силы и средства, предъявил новые требования, на которые не могли согласиться прежние дружинники, не отказываясь от своего прежнего характера. Отсюда борьба, результатом которой было низведение прежних дружинников и вступивших в их число служилых князей, советников и товарищей великого князя по прежним отношениям на степеней слуг. Иностранцы не могли во всей ясности разглядеть все фазы этой борьбы, но результат они заметили: все эти знатные вельможи и советники, говорят они, зовут себя холодами великого князя.

Также не покажутся нам преувеличенными резко отзывы иностранцев [во] второй половине XVI в. о произволе, с которым московский государь распоряжался имуществом своих вельмож, если сравним их с мерами Василия и Иоанна IV касательно вотчин служилых князей; таким именно произволом, и только произволом, могли иностранцы объяснить себе эти меры, не видя других побуждений, коренившихся в более отдаленных условиях и отношениях, среди которых росла власть московских государей.

Но если иностранцы не представляли ясно этих отдаленных условий и отношений, под влиянием которых

начался и продолжался рост верховной власти в центре северовосточной Руси, то они не могли не заметить того движения, которым обнаруживалось усиление этой власти со второй половины XV в., тем более, что это было тогда единственным движением в северо-восточной России, которое могло обратить на себя внимание иностранцев. Они не могли не заметить тесной связи и последовательности стремлений в деятельности трех государей, преемственно занимавших московский престол со второй половины XV и до конца XVI в. Они видели, как одновременно с украшением столицы быстро поднималась и власть живущего в ней государя, делаясь все более доступною для подданных ¹⁰⁷⁾. Они не знают, откуда все это вышло, и вместе с недовольными московскими боярами готовы все приписать личным свойствам этих трех государей и другим случайным обстоятельствам вроде появления Софьи в Москве и т. п.; но они знают пункт, с которого начало обнаруживаться такое неожиданное для их взгляду усиление. Поссвини прямо говорит, что восторженная надменность московских государей началась преимущественно с того времени, как они сбросили с себя иго татар ¹⁰⁸⁾. Они ясно отмечают два явления, которыми обнаруживалось это государственное движение, в то время, как иные связывается все сильнее и сильнее стремление государства к расширению своих пределов на восток и запад, внутри заметно столь же сильное стремление к объединению; постепенно и быстро исчезают один за другим независимые областные князья, унося с собой в Москву или Литву почти одни только назва-

¹⁰⁷⁾ Herberstein, 4.

¹⁰⁸⁾ Pissavin, 55.

ния прежних своих вотчинных княжеств; последний из этих независимых князей уже в конце первой четверти XVI в. отправляется в московскую тюрьму, сопровождаемый горькой насмешкой московского юродивого, гибнет самостоятельность северных вольных городов,—и иностранный путешественник, пересчитывая в первой четверти XVI в. города и области северо-восточной России, не находит вокруг Москвы ни одного пункта, в котором уцелели бы какие-нибудь следы прежней политической особиности, кроме свежих еще воспоминаний о ней ¹⁰⁹⁾.

Местные князья, выжитые из своих вотчин, перебрались мало-по-малу в Москву; и здесь опять поднялась борьба, которую иностранцы расписывают самыми черными красками. Если они не понимали настоящего характера этой борьбы при отце и сыне, которые вели ее осторожно и расчетливо, то тем менее могли они понять ее при внуке, который возобновил ее со всею страстностью личной вражды. «По всей Европе, говорит Одерборн, ходит молва о его страшных жестокостях и, кажется, в целом свете не найдется человека, который бы не желал тирану всяких адских мук» ¹¹⁰⁾. Гваньини не находит ни в древнем, ни в новом мире таких деспотов, с которыми можно было бы сравнить Иоанна Грозного ¹¹¹⁾; даже спокойный Герберштейн, до которого также дошел слух о страшном московском царе, приходит в недоумение, не зная, чем объяснить его ожесточенно, тем более, до-

¹⁰⁹⁾ Herberstein, 50 и 51.

¹¹⁰⁾ Oderbornii: «Ioannis Basilidis vita» въ «Rerum Moscoviticarum auctores varii», p. 242.

¹¹¹⁾ Ibid. p. 183.

благает об. что, говорят, в лице этого тирана нет ничего выдающегося сверхъестественные черты Аттилы ¹¹²).

Итак, не зная истинных, скрытых мотивов борьбы, вина па всем только одну сторону, иностранцы заметили однако же последние студени, которые прошла в продолжении этой борьбы власть московских государей, начав янно усидиваться.

Василий, говорит Герберштейн, докопчил то, что начал отец, — именно, добавляет он в пояснение, отнял у князей и других владетелей все города и укрепления, не доверяет даже родным своим братьям и не дает им городов в управление. Сын Василия заставил всех князей и бояр писаться своими холопами и название слуги сделал самым почетным титулом.

Иван IV. довершивший образование Московского государства, была ли не более всех государей древней России сделавшая известной в современной Европе, хотя и с черной стороны. Иностранцы XVII в., писавшие о России, готовы были отвести к нему даже и то, что сделали его предшественники для утверждения своего единодержавия. Описывая неограниченную власть московского государя над подданными, Олварий замечает, что к такой покорности приучил их царь Иван Васильевич, хотя голштинский ученый, так часто ссылающийся на Герберштейна, не мог не знать, что последний теми же самыми чертами описывал самодержавную власть великого князя Василия Ивановича. Такой известности, без сомнения, много содействовал личный характер Иоанна: его страшный образ в отечественных, как и иностранных, известиях, резко

¹¹²) Ист. «Genealogia Magni Mosc. Ducis»

выделяется из ряда его предшественников, столь похожих друг на друга. При том писатели вроде Гваньини или Одерборна распространяли в Европе о его жестокости всевозможные рассказы, которые Мейерберг, далекий от желанья оправдывать в чем-нибудь Иоанна, вынужден был однако же признать слишком преувеличенными ¹¹³). Но была другая, более важная причина, почему Иоанн IV оставил по себе такую черную память в Европе. Недавно иностранные писатели XVII в. с его царствования, как с поворотного пункта, начинают обыкновенно свои очерки русской истории. Это царствование действительно было поворотным пунктом в истории Московского государства. Иоанн IV первый резко столкнулся с западной Европой, решительно наступив на тех из своих западных соседей, которых Европа считала своими и которые, обращаясь к ней с жалобами на притязания московского государя, старались выставить на вид, что эти притязания, в случае успеха, не ограничатся какой-нибудь Ливонией, а пойдут дальше за море ¹¹⁴). Вот почему Европа обращала такое внимание на Иоанна, что не было сочинения по истории его времени, как говорит Олеарий, в котором не говорилось бы о его войнах и жестокостях. Так почувствовались следы и другого стремления, которым не замедлило заявить себя сложившееся государство,—стремление возратить себе старые растерянные вотчины.

¹¹³) Mayerberg, II, 16.

¹¹⁴) Postquam hanc provinciam (Ливонию) sub imperium suum, redegerit, transmaritimas quoque regiones adoriatur et invadet. См. письмо из Ливонии от 22 мая 1576 г у Герберштейна в конце «Генеральной истории вел. кн. Московского».

IV.

В о й с к о.

Периоды к определению отношений верховной власти к подданным вообще, к изложению известий, сообщаемых вострапцами о государственном управлении и его органах, мы, разумеется, должны прежде всего остановиться на устройстве войска. Если и теперь в государствах вполне сложившихся, давно упрочивших свое существование, войска составляет важнейший предмет государственных забот, то понятно его значение для Московского государства XV или XVI в., которое только что начало становиться на твердую ногу и на каждом шагу далеко было бороться за свое существование. Военное дело не только стояло тогда на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собою последние; военная служба включала в себе все роды государственной службы и остальные, не военные отрасли управления являлись не только второстепенными по отношению к военной, но и подчиненными, назначенными служить интересам последней. Князья, бояре, околыничие, стольники и другие придворные чиновники, которых иностранцы видели встречали во дворце в таком невоинственном виде, были собственно военные люди, хотя на них не видно было никаких знаков военного звания и жили они при дворе больше для личных услуг государю. Это были высшие члены того военного класса, который еще не так давно составлял вольную княжескую дружину. В XVI в. положение прежних дружинников, как мы видели, значительно изменилось. Хотя в конце XV в. в княжеских договорах иногда еще повторялось старинное

условие: «а боярам и детям боярским и слугам между нас вольным воля», но уже и тогда эта вольность подвергалась сильным ограничениям, главные дружинные права постоянно стеснялись и нарушались; прежние думцы и слуги вольно низводятся до значения подневольных служилых людей, всеми своими отношениями прикрепленных к особе единоподданного государя московского. Согласно с таким значением служилого класса, в состав его входит новый элемент, чуждый старинной дружине: подле прежней младшей дружины, наравне с детьми боярскими и даже иногда выше их, государь ставит своих дворовых слуг, дворян. Условия государства, в котором эти люди составляли собственно военный класс, произвели и другую перемену в их положении. Прежние княжеские дружины, постоянно находившиеся при князе, содержащиеся непосредственно на его счет, можно было еще назвать постоянным войском: по характеру прежних отношений княжеского рода к стране, сравнительно немногие из дружинников князя отвлекались от его двора для отправления невоенных должностей в стране. С усилением Московского государства, потребность государственного управления и способ содержания служилых людей чаще отвлекали их к посторонним невоенным занятиям и лишали характера постоянного войска. Хотя войны были очень часты, но в промежутки мирного времени масса служилых людей оставляла оружие до нового сбора и расходилась: низшие чины возвращались в свои поместья, высшие оставались при дворе или отправлялись на правительственные должности по областям.

Главное учреждение, которое ведало (по крайней мере, во второй половине XVI в.) дела, относившиеся к войску, был Разряд или разрядный приказ. Здесь хранились

списки всех служилых людей; в эти списки вносились имена всех дворян и детей боярских, достигших определенного возраста. В каждой области наместник также вел счет находившимся в ней служилым людям. Каждые два или три года государь призывал по всем областям общий пересмотр этих людей, чтоб знать их число и сколько каждый имеет лошадей и служителей. О сборе служилых людей имеет известие от конца XVI в. Начальней четвертей в случае войны разсылали повестки к областным правителям и дьякам, чтобы все дети боярские к известному дню собирались на такую-то границу, туда-то.

Там отбирали их имена писцы, назначенные Разрядом. Не явившиеся в срок подвергались штрафу и строгому наказанию. Герберштейн говорит, что на это время прерывался обычный ход замещения очередных должностей и все служилые люди должны были идти в поход. Служилым людям редко дается покой, говорит тот же иностранец. Отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью; на востоке шла непрерывная борьба с степными хищниками, против которых ежегодно выставалось на Украину значительное войско.

О числе войска имеем различные показания. Те из иностранных писателей, которые не были сами в России, сообщают огромные цифры. Кампензе, перечисляя княжества, составлявшие собственно Московское государство (без Пскова, Новгорода и Смоленска), говорит, что в одном Московском княжестве считается до 30,000 бояр и дворян (детей боярских), служащих владениями и всегда готовых к войне; кроме того государь всегда может собрать в нем 60,000—70,000 пехоты из простолюдинов. В кня-

жестве Рязанском считается до 15,000 таких же всадников, да из простолюдинов можно набрать всегда вдвое или втрое больше этого числа; в Тверском считаются 40,000, а из простолюдинов можно также набрать вдвое или втрое более. По показанию Иовия, великий князь Василий всегда мог выставить в поле до 150,000 всадников. По свидетельству Иоанна Ласскаго, гнезенскаго архиепископа, обыкновенное число конного войска московскаго государя превышало 200,000. Адам Климент со слов своих соотечественников, бывших в Москве, говорит, что, готовясь к войне, московский государь никогда не вооружает меньше 900,000 человек: из них 300,000 выводится в поле, из остальных составляются гарнизоны, располагаемые в пограничных местах для обороны государства. Ченслер ограничивается 200,000—300,000 человек, которых государство могло выставить в поле, и добавляет, что если сам царь выступает в поход, войска при нем никогда не бывает менее 200,000: немало ставят ратных людей и по границам; так на западной границе, при Иоанне IV стояло 100,000, да по границам с ногайскими Татарами до 60,000 человек. Так как приведенные показания заимствованы прямо или посредственно из рассказов русских, то эти, без сомнения, преувеличенные, цифры легко объясняются понятным желанием рассказчиков выставить в выгодном свете военные силы своего отечества. Московские послы в Вене говорили доверчивому Фабри, что в их отечестве есть такие могущественные и богатые вельможи, которые в случае нужды выставляют своему государю по 30,000 всадников, и что там в несколько дней, подобно пчелам, может сделаться огромное войско в 200,000—300,000 всадников. Из писателей, бывших в Москве, Герберштейн, от которого мы могли

бы ожидать наиболее достоверного показания, нигде не опустоляет числа всего войска; другие значительно уменьшают приведенные цифры. Поссевин, имея в виду показание Фабри, говорит, что как ни обширны владения московского государя, но в них больше пустых, чем населенных мест, и несомнительны известия некоторых, будто из этих владений выходит на войну 200,000 или даже 300,000 всадников. Однакож и по его взгляду число войск было очень велико сравнительно с населенностью страны: он говорит, что из 10 жителей один служит или в царских телохранителях, или в походе, или в гарнизонах по крепостям. Более определенные известия находим у Флетчера, хотя трудно сказать, насколько они достовернее. По его показанию, число конного войска на постоянном жаловании простиралось до 80,000. Из них 15,000 дворян составляли отряд царских телохранителей, разделяясь на 2 степени: дворян больших, дворян средних и детей боярских. Остальные 65,000, также из дворян, ежегодно отправлялись на крымскую границу, если не получали другого назначения. В случае надобности брали еще детей боярских, не получивших постоянного жалования, и если их было мало, то приказывали помещикам выставить в поле соразмерное с их поместьями число крестьян в полной амуниции.

Здесь мы должны основаться на известии Флетчера о 65,000 ратников, выставляемых ежегодно против крымских Татар. Герберштейн говорит, что даже в мирное время до Дону и Оки ставятся ежегодно гарнизоны и строится в числе 20,000 чел. для предупреждения татарских нападений. Гизельми, повторяя это известие в конце XVI в., считает нужным прибавить, что выставается и больше 20,000. Мы знаем, что «бережание»

южных границ от степных кочевников всегда составляло одну из важнейших забот московского правительства; знаем, какие страшные следы оставляли по себе Татары в Московском государстве, когда им удавалось тайком пробраться за Оку из южных степей. Чем более московский государь обращал внимание на запад, тем сильнее чувствовалась нужда обезопасить южные границы от азиатских хищников. Во второй половине царствования Иоанна IV мы видим, как правительство хлопочет о лучшем устройстве пограничных сторожей, станичной польской службы «для бережения от приходу вонских людей». Сличение показаний Герберштейна и Флетчера, из которых одно относится к первой, а другое к последней четверти XVI века, наглядно показывает, в какой мере увеличивались усилия Московского государства для защиты южных границ от его давних врагов.

Служилые люди, дети боярские, составляли главную массу войска; но и люди не служилые из городского и сельского населения участвовали в войне личной службой. В XV в. посылали в поход ратников из городских жителей; в XVI в. города «рубали» пищальников; сельское население издавна участвовало в отправлении военной службы, поставляя пехоту. Войско преимущественно состояло из конницы: в битвах почти исключительно участвовала конница. Пехотные отряды были издавна; городовые пищальники и посошные ратники были и конные, и пешие, но последние употреблялись только для работ; куницы, смерды, бобыли и прочие «житейские», неслужилые люди также издавна составляли пешие рати. По словам Ченслера, пешие ратники употреблялись только при паряде и для работ; их было 30,000 человек. Пешие отряды вообще имели второстепенное значение и большую

частью не участвовали в схватке в открытом поле. Это преобладание конницы обуславливалось частью самым характером войны с степными юговосточными соседями; Ногай имел некоторое основание сказать, что пехота в обширных пустынях почти бесполезна, потому что Татары более пугаются внезапным нападением и быстротою своих коней, нежели фронтовою службою или стойкостью в схватке. В первой половине XVI в., при великом князе Василье, в русском войске положено было начало важному нововведению: в сражение начали вводить пехоту. Введение пехоты, как главной составной части войска, в Европе стоит в тесной связи с введенным огнестрельного оружия и постоянных армий; этими тремя нововведениями отсрывается новая эпоха в развитии военного искусства. Стефан Баторий своею славой и успехами на военном поприще обязан был, кроме личного таланта, и тому, что он первый в северовосточной Европе вышел в поле с закаленной в боях пехотой. По свидетельству Герберштейна, Василий вывел в поле пехотный отряд впервые против Татар, вместе с пушками; по его же словам, у этого князя было 1.500 пехоты, состоявшей из Литовцев и всегало пришлого сброда. Ясно, что эта пехота имела характер, отличный от употреблявшихся до того времени пешех отрядов; можно думать, что этим сбродным отрядом положено было основание постоянной пехоте в московском войске.

Во второй половине XVI в. число наемных пехотных полков из иностранцев увеличивается; при Флетчере их было уже до 4,300 человек; из них малороссийских казаков (черкас) около 4,000, Голландцев и Шотландцев около 150, Греков, Турок, Датчан и Шведов один отряд из 100 человек. Последних, прибавляет Флетчер, употребляют

только на татарской границе и против сибиряков, а Татар, которых нанимают только на время, против Поляков и Шведов. Проезжая в Москву, Ульфельд видел больше 25,000 легко вооруженных Татар, направлявшихся в Ливонию. Подле иностранной пехоты во второй половине XVI в. видим и русскую пехоту — стрельцов. При Флетчере их было 12,000; из них 5,000 в Москве, или где находился царь, 2,000 (стрелянные стрельцы) при самой особе царя; последние принадлежали к дворцовой страже; остальные отправляли гарнизонную службу по городам.

В первой половине XVII в. конница по-прежнему преобладала в московском войске, только во второй половине этого века, по показанию Мейерберга и Рейтенфельса, пехота превышала численностью конницу и составляла лучшую часть русского войска. Конное войско составлялось из дворян московских, выборных ¹¹⁵⁾, городских и детей боярских. Отряды назывались по имени городов, в округе которых дворяне имели свои вотчины или поместья; некоторые города, напр., Смоленск, Новгород, выставляли от 400 до 1,200 всадников. Каждый помещик и вотчинник обязан был приводить с собой по одному конному и одному пешему ратнику со 100 четвертей владеемой земли ¹¹⁶⁾. Так составлялось до 100,000 конной рати из служилых людей. К ним присоединяли до 28,000 конных Татар, Черемис и Мордвы, а в случае нужды до 10,000 казаков. В пехоте первое место занимали

¹¹⁵⁾ Выборными дворянами, по Маржерету, назывались лучшие помещикие владельцы, которые поочередно присылались в Москву из областей на три года. Стр. 52.

¹¹⁶⁾ Маржерет, 59.

стрельцы, из которых одни жили в Москве, другие по областным городам. При Маржерете первых было до 10,000; вторые составляли гарнизоны по городам, особенно выгравичным с Татарами. Во второй половине XVII в. число стрельцов увеличилось; при Невилле их было 18,000, разделенных на 28 полков ¹¹⁷⁾, всех же стрельцов, по приказанию Мейерберга, было в Московском государстве до 40,000. Они разделялись на приказы, по 500 человек в каждом. Каждым приказом заведывал голова, от которого зависели полуголовы, сотники, пятидесятники, десятники, заведывавшие отдельными частями приказа. Кроме стрельцов, державших караулы в Москве, Невиль упоминает об отряде, который составлялся из московских горожан и в мирное время употреблялся для той же цели. Когда приходила их очередь замещать караулы, они получали одежду из казны и, отстояв положенное время, возвращали ее. Стрельцы имели характер постоянного пехотного вивска; остальная пехота собиралась только в военное время. Эта временная пехота составлялась из малопоместных или беспоместных служилых людей, преимущественно же из неслужилого населения посадских людей и крестьян. В случае большой потребности в людях брали из этих классов 10-го, 7-го и даже 3-го. Духовенство также поставляло «даточных людей» с своих поместных имуществ, по одному копейку и одному пшеницу со 100 четвертей. У Мейерберга находим подробнейшее известие о «солдатах»: он говорит, что в случае нужды царь мог собрать какое-угодно число пехотных ратников, которые сбегаются на звук барабана в надежде прожить время похода богатым

¹¹⁷⁾ Ср. Котошихин, гл. VII, ст. 5.

добычей; в отличие от стрельцов, их называют солдатами; они распределяются на полки, под командой иностранных офицеров. Это известно, несомненно, указывает на особый род войска, возникший или по крайней мере развившийся во второй половине XVII в., под управлением иноземных офицеров. Хорошее жалованье привлекало иностранцев в русскую службу, и в XVII в. число иностранных офицеров в русском войске увеличивалось в значительной степени. При Мейерберге (в 1662 г.), кроме 4 генералов, в Москве было более 100 иноземных полковников, множество подполковников, майоров и других офицеров. Усилившийся наплыв людей, знавших военное дело, дал правительству возможность ввести хотя в некоторые части войска правильное устройство и обучение военному делу. Такие войска были и конные, и пешные; они назывались рейтарскими и солдатскими полками, которые набирались из охочих людей, беспоместных или малопоместных дворян и детей боярских, а также из крестьян по всему государству ¹¹⁸). Ими командовали преимущественно иностранцы. Рейтенфельс уверяет, что эти полки могли равняться с лучшими войсками Европы.

По известиям XVII в., в мирное время содержалось на-готове до 100,000 войска; когда открывалась война, число это возрастало до 300,000, кроме холопей и обозных служителей, которые не считались в действующем войске. Задумав войну, московское правительство, за год до того времени, когда предполагалось открыть ее, при-

¹¹⁸) См. Котошихин, гл. IX, ст. 2: «А прибравши тѣхъ рейтаръ полные полки, отдають иноземцомъ и русскимъ людямъ полковникомъ, и бывають имъ учевіе». То же самое говорит он и о солдатских полках.

хранила провинции общий осмотр ратных людей по всему государству, чтобы знать, сколько можно собрать их. Если число оказавшихся находили недостаточным, назначали чрезвычайный набор с крестьян и посадских людей, с ружьих пиродцев, по одному с 10-ти, 7 или даже с 5, смотри по надобности ¹¹⁹⁾.

Собравшиеся и осмотренные служилые люди распределялись по десяткам, сотням и т. д., высшее деление было во полки. Каждый полк имел свое знамя и своего воеводу. На знамени главного полка изображался Иисус Навин, остававшийся солнцу, на других—Георгий Победоносец. Во главе всего войска стоял большой воевода, непосредственно подчиненный царю, избиравшийся обыкновенно из представителей главных вельможеских родов в государстве. При этом выборе не обращалось внимания на таланты и опытность; для замены этих недостатков к большому воеводе присоединяли в товарищи более даровитого и опытного, хотя и менее знатного родом человека. Эти двое главных воевод управляли большим полком. Им подчинены были воеводы остальных полков: передового, правого, левого и сторожевого или резерва. Каждый из этих последних воевод имел при себе по два товарища, которые дважды в неделю должны были делать смотр своим отрядам. Под воеводами стояли головы, начальствующие над 1,000, 500, 100, 50, 10. Кроме воевод 5-ти главных полков, были еще: нарядный воевода, начальник гудевого отряда, состоявшего из 1,000 отборных всадников, употреблявшихся для разездов и шивонства. Все эти начальники должны были явля в день

¹¹⁹⁾ Uteld, 10 и 42.—Маржерет, 12 и след.—Mayerberg, 11, 129 и 130.—Рейтевфилс, 22—40.—Neuville, 41.

являться к большому воеводе с донесениями и для получения приказаний. Петрей оставил описание осмотра, который производился собравшимся ратникам пред выступлением в поход. Воеводы собираются вместе и садятся в пазе у окон или в шатрах и вызывают к себе один полк за другим. При них стоит дяк со списком в руках, по которому он вызывает по имени каждого ратника; ратник должен выступить вперед и показаться воеводам. Если какого ратника не оказывалось налицо, дяк ставил в списке против его имени отметку для дальнейших распоряжений. При осмотре не обращали внимания на то, в каком вооружении, с какими слугами и лошадьми явился ратник; смотрели только, явился ли он сам лично. Неявка на службу преследовалась строго; виновный терял имущество или поместье, если таковое имелось за ним. Никому не позволялось заменять себя другими; в оправдание неявки не принимали никаких отговорок, ни старости, ни болезни. Смотр повторялся и во время похода каждую неделю. Гваньини и Кобенцель упоминают об особенном способе, посредством которого царь узнавал число отправившихся в поход, а также и не вернувшихся из него ратников: перед выступлением каждый ратник отдавал в казну одну деньгу (по Кобенцелю 3), которую получал назад по возвращении; деньги не возвратившихся оставались в казне ¹²⁰).

Лошади, на которых всадники выступали в поход, были мерини, ниже среднего роста, но обыкновенно быстрые и сильные, неподкованные, с легкими уздами; кроме русских, в войске употреблялись татарские лошади. Михалон говорит, что Москвитяне каждую веспу получают из

¹²⁰) Кобенцель, 50.—Guagnino, 177.

Ногайской орды по несколько тысяч лошадей, годных для войны, платя за это одеждой и другими дешевыми вещами. Седла делались так, что всадники без затруднения могли поворачиваться на них и стрелять во все стороны. На лошади сидели они по-турецки, поджавши ноги, вследствие чего не могли выдерживать значительного удара копьем. Шпоры были у очень немногих, большая часть употребляли ногайки, которые вешали на мизинце правой руки: повод и узды были двойные, с отверстием в конце, которым они надевались на палец правой руки, чтобы можно было, не выпуская его, пользоваться лубом. Обыкновенное вооружение всадника состояло из лука на левом боку, колчана со стрелами под правой рукой, топора и кистеня; у некоторых были пролетчатые ножи, употреблявшиеся вместо кинжалов, глубоко запрятанные в суме; употребляли также, особенно ршны, дротьяки или небольшие пики. Мечи имели только люди познатнее и побогаче. Хотя всадник в одно и то же время держал в руках: повод, лук, меч, стрелы и ногайку, однако же умел ловко и свободно управляться со всем этим. Некоторые из знатных надевали кольчуги искусной работы, латы, нагрудники, но очень немногие имели шлемы с пирамидальной верхушкой. Одежда на всех была длинная до пят, у некоторых шелковая подбитая шерстью, чтоб лучше могла выдерживать удары. У вождов и других начальных людей лошади украшались богатой сбруей, седла делались из золотой парчи, узды убраны золотом с шелковой бахромой и унизывались драгоценными камнями; сверх лат надевали одежду с горностаевой опушкой, голову покрывали стальным блестящим шлемом, на боку вешали меч, лук и стрелы, в руке держали конь с прекрасным нарукавником; впереди

воеводы вели шестопер или начальнический жезл. За каждым воеводой возили до 10 набатов или медных барабанов, которыми давали знак к сражению. Сабли, луки и стрелы похожи были на турецкие. Стреляли, как Татары, взад и вперед. Стрельцы носили только бердыш за плечами, меч с боку и самопал в руке, с прямым, гладким стволом, весьма тяжелый, хотя он заряжался очень небольшой пулей. Ратники из крестьян выходили в поле даже с рогатинами, удобными только для встречи медведя, по выражению Маржерета.

В XVII в., с усилением пехоты, стало входить в большое употребление огнестрельное оружие. Солдатские полки употребляли мушкеты с фитилями, рейтары—карабины и пистолы, которыми умели действовать, по словам Петрея, не хуже европейских стрелков. Татары и другие восточные инородцы долго и в XVII в. являлись только с луком и кривыми саблями или пиками, пока и их не стали снабжать карабинами и пистолями. Мы видели, что вместе с пехотой в княжение Василия впервые была выведена в поле и артиллерия. Пушки упоминаются в Москве еще в конце XIV в. В XVI в. нарядом заведывали иностранцы. Герберштейн говорит, что великий князь Василий имеет дитейщиков из Немцев и Итальянцев, которые, кроме пушек, льют железные ядра, подобные тем, какие употребляются на западе, но что Русские не умеют употреблять пушки в сражении, потому что главное у них—быстрота движений. Но в конце XVI в. Гваньини уже говорит, что Русские в его время очень часто и очень искусно действовали пушками, выучившись этому у каких-то беглых Итальянцев, Немцев и Литовцев. Полагают, говорит Флетчер, что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса военных снарядов, как

русский царь, чему отчасти может служить доказательством оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве пушки, все литые из меди и весьма красивые. Пушки делали за границей и привозили в Россию чрез Архангельск или также и в Москве. При Олварие в Бомом городе был литейный завод, которым управлял названный из Голландии мастер Иоган Вальк. Русские, работавшие под его руководством на этом заводе, по отъезду Олвария, не уступали в литейном мастерстве самым опытным Немцам ¹²¹).

Относительно продовольствия войска во время похода Флетчер говорит, что царь никому ничего не отпускает, кроме иногда некоторого количества хлеба, и то на деньги служивых же людей; поэтому каждый, идя в поход, должен иметь при себе провианта на 4 месяца, а в случае недостатка может приказать привезти его к себе в лагерь из своего имения. Но из Русских известий XVI в. мы знаем, что хлеб иногда доставлялся в лагерь посошными людьми или подрядчиками на казенный счет. Обыкновенно же брали кормы по местам, по которым проходило войско. Русскому войску, прибавляет тот же иностранец, много помогает то, что каждый Русский в отношении еланица и пищи с детства готовится быть воином. Люди среднего состояния обыкновенно имеют при себе сухари, несколько крупы, пшена и муки, которую мешают с водой, делая таким образом комок теста; его едят сырым вместо хлеба; кроме того, берут фунтов 8 или 10 ветчины или другого сушеного мяса, несколько соли, к кото-

¹²¹) Petrejus 201: Sie (москвитяне) machen jetzt und selbst Munition und Stücken, wie auch andere Kriegsmuniton, daran sie ein grosses Vermögen haben und reich sein.

рой у богатых присоединяется перец; простые ратники довольствуются сухарями и толокном, т. е. поджаренным и высушенным овсом, измолотым в муку. Кто имеет с собой 6 лошадей и столько же слуг, на одной лошади укладывает обыкновенно все жизненные припасы для содержания себя и прислуги. Каждый имеет также при себе топор, трут, котел или медный горшок. Для лагеря избирают обширное место, где знатнейшие раскидывают палатки; здесь же выпускаются на пастбище лошади, для чего между палатками оставляют большие пустые пространства. Лагерь не укрепляется ни рвом, ни обозными телегами, ничем другим, если только не попадалась такая местность, которую сама природа оградила лесом, рекою или болотами. Иностранцы с удивлением говорят о терпении и неприхотливости простого московского ратника во время лагерной жизни. Простые воины строят себе шалаши из прутьев, покрывая их войлоками, где хранят седла, луки и сами защищаются от дождя, или, еще проще, прибивают к земле ветви кустарника, раскидывают сверху собственные епанчи и укрываются под ними от непогоды. Довольствовались очень скудными средствами. Имея лук и чеснок, московский ратник легко обходился без остальных приправ. Пришедши в местность, где и этого нет, этот житель снегов, этот темный и пренебрегаемый сармат, по выражению Климента, разводит себе небольшой огонь, наливает воды в горшок, кладет туда ложку муки или крупы, добавляет соли и, сварив, довольствуется этим наравне с прислугой; последняя, впрочем, когда господин в нужде, голодает дня по два и по три. Когда господин хочет пообедать по-роскошнее, он кладет в котел кусок ветчины или другого сушеного мяса. Не лучшим продовольствием пользуются

и лошади; большею частию, если оне не находят подножного корма, оне питаются древесною корой или мягкими прутьями. Нередко месяца по два терпят такую нужду всадник и лошадь, и однакоже сохраняют прежнюю силу и бодрость. Все это, разумеется, не относилось к знатнейшим и начальным людям, которые пользовались в походах большими удобствами: они помещались в палатках и имели гораздо лучшие запасы. К своему столу они иногда приглашали людей победнее, которые, — добавляет Герберштейн, — хорошо пообедав у них, после 2 или 3 дня постятся. Государь, когда бывал в походе, окружал себя особым великолением; шатер его обтягивался золотым полотном, украшенным узорами и жемчугом. Петрей описывает порядок выступления московских полков из лагеря, из чего можно отчасти видеть их ратный строй, каким был он в начал XVII в. и каким сохранился до котошихинских времен. Впереди выступает передовой полк, во главе которого идет около 5.000 стрельцов в войсковой одежде, с длинными пищалями, по пяти в ряд. За ними ведут 8 или 10 воеводских коней, богато убранных; седла на них покрыты большими черными медвежьими или волчьими шкурами. Затем следует воевода полка; он едет один; на седле у него висит небольшой котлообразный набат. За воеводой движется самый воззвешорядочною толпою, и как скоро кто-нибудь поравняется с воеводой или обгонит его, последний ударяет плетью по набату, давая знать, чтобы тот подался назад. За передовым полком идет большой, со множеством трубачей и литавричников, которые бьют в литавры и трубят в трубы.

Эта музыка наводила тоску на иностранцев; по словам Корба, она скорее могла навевать уныние, нежели

возбудить вжившее одушевление. За музыкантами идет несколько тысяч стрельцов, одетых в красное платье, с белою горностаевою опушкой, по 5 в ряд, за ними ведут коней большого воеводы, в богатом убранстве; седла на них покрыты леопардовыми кожами и рысьими мехами. Наконец, за конями едет большой воевода, в сопровождении военных советников из служилых московских людей и иностранцев, за которыми следует толпою большой полк; направо от него идет правый, на лево — левый полк. Шествие замыкает огромный обоз; все кричат как бешеные, едут без всякого порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство ¹²²).

«Еслибы русский ратник, говорит Флетчер, с такою же твердостью исполнил те или другия предприятия, с какою он переносит пужду и труд, или сколько же был бы способен и навывчен к войне, сколько равнодушен к своему помещению и пище, то далеко превзошел бы наших солдат, тогда как теперь много уступает им в храбрости и в самом исполнении военных обязанностей».

Такой пелестиный переход делает иностранец от удивления перед суровостью и терпением, с которым московский ратник переносил неудобства и лишения всякого рода, к его воинному искусству. Контарини замечает, что у московского государя довольно ратных людей, но большею частию они никуда не годны. Некоторые иностранцы удивляются физической силе московских ратников; Гваньини советует осторожно схватываться с ними в сражении,

¹²²) Ср. Котошихин, гл. IX, ст. 1.

что не поймаешь к ним в руки, из которых, благодаря их необыкновенно крепким мускулам, трудно вырваться. Москвитиням, говорит Гваньини, одни без всякого оружия смело выходят на дикого медведя и, схватив его за уши, гаскают до тех пор, пока тот в изнеможеньи не повалится на землю. Михалон говорит, что Москвитяне превосходят Литвицкии действительностию и храбростию; у них не было также недостатка и в преданности своему делу, в особенности к самовлашествованию. Стефан Баторий рассказывал Поссевиу, что в литовских крепостях находили московских ратников, которые, едва дыша от утомления и голода, еще оборонялись от осаждающих, чтобы до конца не нарушить верности своему государю: «этим только и берут они», добавляет от себя Поссевиу. Поэтому московское войско действовало хорошо в тех случаях, которые требовали означенных качеств, где самая обстановка заставляла брать терпением и упорством. Оно редко брало города приступом, но предпочитало вынуждать их к сдаче продолжительною осадой, моря осажденных голодом или стараясь склонить их к измене, за что оно отлично отгаивало города, обнаруживая здесь удивительную деятельность и стойкость. Но по общему мнению, московское войско оказывалось несостоятельным, где требовалось искусство, где обстановка дела не поддерживала твердости и не отрезывала путей к отступлению. По сознанию самих иностранцев, Московское государство, благодаря своей артиллерии, какая бы она ни была, стояло в военном отношении гораздо выше восточных своих соседей. Стефан Баторий, по свидетельству Поссевиу, именно тем и объяснил успехи Иоанна IV на востоке, что его войска действовали против Татар с артиллерией, незнакомою последним, и лучше их владели ору-

жнем ¹²³). Но в каком отношении стояли Татары к Москвитянам в деле военного искусства, в таком отношении находились сами Москвитяне к западным своим соседям. Открытый бой с Поляками и Литовцами в чистом поле, говорит Гваньини, очень редко удается московскому войску и оно редко вступает с ними в такой бой, потому что не имеет тех качеств, которыми враги обыкновенно побеждают его, не имеет ловкости и стойкости, не умеет драться и владеть оружием по правилам искусства. Подобно всем восточным ополчениям, состоящим преимущественно из конницы, оно, за недостатком искусства, старалось брать более количеством и силою первого натиска, нежели стойкостью и строгим порядком в действии. Вступая в бой, оно двигалось нестройною, широко-растянутою толпою, сохраняя только деление по полкам. При наступлении, музыканты, которых всегда в нем было множество, все вдруг начинали играть на своих трубах и сурнах. поднимая странный, дикий шум, невыносимый для непривычнаго уха. К этому присоединялся при самой атаке оглушительный крик, который поднимало все войско разом. В сражении прежде всего пускали стрелы, потом брались за мечи, — хвастливо размахивая ими над головами прежде, чем доходили до ударов.

Первый натиск старались произвести как можно стремительнее и сильнее, но не выдерживали долгой схватки,

¹²³) Так же смотрели на дело и сами Татары. Когда во время Ливонской войны водили по улицам Москвы пленных Ливонцев напоказ народу, один татарский хан, тоже пленный, сказал: «По делом вам, Немцы! вы дали царю въ руки розги, которыми он сначала нас высек, а теперь сечетъ вас самих». Соловьевъ «Исторія Россіи», т. VI, стр. 240.

как будто говоря врагам, по замечанию Герберштейна: «бегите, или мы побежим». Зная это свойство московских ратников и их мускульную силу, западные враги их острагивали вступать с ними прямо в рукопашный бой, но старались стойкостью и изворотливостью выдержать первый напор и потом обратить их в бегство. С своей стороны, московские войска, с большею твердостью сражались издали, нежели вблизи, больше всего старались обойти неприятеля и напасть на него с тыла. Первое нападение делала обыкновенно конница, а пехоту помещали в засаде, откуда она могла бы произвести неожиданной и наиболее удачной натиск на неприятеля. Это иногда удавалось московскому войску. Засада решила дело в свою пользу в Ведровском сражении. Но, с другой стороны, привычкой открывать бой стремительным нападением и недостатком стойкости в дальнейшем действии также долго пользовались иногда и западные неприятели Москвитин, как было, напр., при Орше в 1514 году.

Вообще в XVI в. все резче и резче обнаруживалось разделение, на которое Москва отстала в военном искусстве даже от Литвы, не говоря уже о других западных государствах.

Польское войско было в Москве на лучшем счету, по словам Флетчера. Герберштейн, а за ним Флетчер делают следующее любопытное сравнение московского ратника с турецким и татарским: «Русский ратник, если он уже раз начал отступать, все свое спасение возлагает в скором бегстве, а если взят неприятелем, то не защищается и не молит о пощаде, зная, что должен умереть. Турок, потеряв надежду спастись бегством, начинает умолять о жизни, бросает оружие, поднимает руки вверх, как бы дозволяя связать себя, на-

деясь, что его оставят в живых, если он согласится быть рабом неприятеля. Татарин охотнее соглашается умереть, нежели уступить неприятелю, и, свергнутый с коня, обороняется до последнего издыхания зубами, руками и ногами, чем только может ¹²¹⁾.

Если войско одерживало победу, брало город, царь посылал ратным людям награды. Для воевод и других начальных людей обыкновенной наградой была золотая денга овальной формы; простым ратникам раздавали серебряные такой же формы медали.

Несмотря на перемены, происшедшие в устройстве русского войска в XVII в., тактика до конца века оставалась прежняя: бой открывали стремительным натиском, но, встретив отпор, также неудержимо обращались в бегство; изменился только порядок нападения. Пехоту, вооруженную бердышами, как главный оплот войска, стали выставлять вперед. Иностранцы выгодно отзывались о московской пехоте: под управлением мужественного вождя, она дралась необыкновенно хорошо, соблюдая приемы правильного боя, если у нее была какая-нибудь опора, ров или ограда из обозных телег. Зато о коннице, состоявшей из служилых людей и их дворовых слуг, иностранцы самого дурного мнения: она билась гораздо хуже пехоты; сделав залп и видя, что неприятель не дрогнул, она быстро обращалась в бегство, оставляя пехоту без поддержки.

Вообще служилые люди Московского государства, по самому рождению призванные быть воинами, по отзы-

¹²¹⁾ Кампензе, 23 и след.—Новий, 53 и след.—Fabri, 132.—Clemens Adam, 149.—Herberstein, 7, 10 и 36.—Possevino, 8, 11, 19 и 60.—Михалон, 11, 27 и 29.—Флетчер, гл. 15-я, 16-я и 17-я.—Наклулт, I, 265.

вам приближателно, сильно страдали недостатком мужества и воинской чести. Они не считали предосудительным, пользуясь продажностью московских дьяков, дорогой ценой откупаться от похода или даже, в случае возможности, убежать домой из лагеря.

Из замечаний Корба, они не понимали, как можно добровольно подвергаться опасностям войны, и считали безумными тех вельмож, которые сами напрашивались на участие в походе. Понятно, почему и в XVII в., несмотря на некоторые перемены к лучшему в военном устройстве, московское войско попрежнему оказывалось несократительным при встрече с западными войсками, даже вооруженными. По выражению Корба, только Татары боялись московского оружия; западные соседи смеялись и над душой и над искусством московских ратников ¹²⁵).

Увеличение враждебных столкновений с западными соседями, тяжелый опыт, вынесенный отсюда, сознание отсталости—все это заставляло московское правительство, обыкновенно во всем так ревниво оберегавшее старину, отходить от старых обычаев, делать некоторые перемены в ратном деле. Улучшать о наряде, о найме способных заправлять им иностранцев, о заведении постоянной пехоты. Недостаток искусства заставлял увеличивать количество сил, а увеличение количества требовало увеличения расхода. Служилые московские люди, говорят иностранцы, должны отправляться в поход на свой счет, а походные издержки у них не такие, как у нас, каждый дворянин едет на войну с 6-ю или более лошадьми и таким же числом слуг. Государство обязывало служилых людей

¹²⁵ Korb 183. Unbruttis certe nobis et hostis indubium nisi periret.

являться на войну «конно, людно и оружно». Откуда добывали они средства для этого?

Служилый класс составляли бояре, дворяне и дети боярские с разными подразделениями. Мы видели, какая перемена произошла в отношениях высших членов старинной дружины к их прежнему вождю, великому князю, а потом царю московскому; мы знаем, что эта перемена была не в пользу первых. Эта перемена, разумеется, должна была отразиться и на низших членах дружины; они также из вольных слуг стали теперь подневольными холодами государя. Но, поставив последних в такое положение, эта перемена имела для них и выгодное следствие, какого не имела для бояр. Борьба государей московских со старыми дружинными притязаниями была собственно борьбой только с боярством и вообще с высшими членами дружины: они отстаивали свои старые права, окружая власть, которая не могла с ними ужиться. Эта борьба верховной власти с прежнею старшею дружиною, уничтожив прежние доверие между ними, заставила первую обратиться к младшей дружине, позаботиться об ее интересах, чтобы найти себе в ней опору и противопоставить ее противникам. В XVI в. правительство старалось поднять значение дворянина, дать ему высшее место перед сыном боярским; но точно также в конце этого века интересы сына боярского оно предпочло интересам боярина. Это ясно сказалось в мерах, которые правительство принимало для обеспечения материального положения служилого класса. Меры эти условливались отношением служилого класса к остальному народонаселению. В России, говорит Флетчер, каждый воин есть дворянин, и нет других дворян кроме военных, на которых такая обязанность переходит по наследству от предков—явление, не исключи-

тальна-свойственное России,—и каждый иностранец из какого-нибудь западно европейского государства по одному этому известию мог составить себе понятие об отношении военного класса в России к остальному народонаселению, приобщая историю своей собственной страны, он мог понять, что в России военный класс составляет особую массу, не смешивающуюся с остальным народонаселением, и кормится на счет последнего. Как кормится?—так, как кормится военная масса, еще не смешавшаяся с остальным народонаселением, во всех неразвитых и преимущественно земледельческих государствах, страдающих недостатком движимого капитала, производящих мену больше натурой, т. е. кормится натурой же, непосредственно на счет рабочего населения. Именно в таком первоначальном положении застали иностранцы XV и XVI в. отношения между военным и невоенным населением Московского государства; перемены, происшедшие в положении различных элементов Московского государства в эти два века, не изменили сущности отношений между военным и невоенным населением страны в сравнении с XIII или XIV в. Еще в начале XV в. живо сохранялось старинное значение слова «муж»; если понимали прежнее значение «мужа», понимали и прежнее значение «людей», мужиков. Каким бы чинам и делениям вносило государство в общество, в котором такие понятия опирались на живую действительность, в сущности это общество распадалось на два класса; военный, который защищал страну, и невоенный, который непосредственно кормил этих защитников. Если древняя Россия не оставила нам слова, которым одним мы могли бы назвать и охарактеризовать военный класс во всем его объеме, то для невоенного мы имеем несколько таких характеристических слов. «люди», «про-

стые, черные люди», «земские, тяглые люди», — каждое из этих названий близко передает значение, какое имел невоенный класс в государстве.

Главною, общею формой непосредственного кормления военного класса на счет черных людей была раздача поместий. И здесь обнаружилось то различие, которое, вследствие известных нам причин, делало правительство между высшими и низшими членами служилого класса.

В то время, когда князья Рюриковичи, переходя на службу к князю московскому, теряли свои вотчины за исключением небольших участков, когда и эти сильно урезанные отчины, вместе с вотчинами старых бояр московских, по приказу государя, отнимались, менялись на другие, жалованные государем, и разными средствами, под разными предлогами, отписывались на государя, — в то самое время правительство сильно хлопочет о мерах к обеспечению содержания низших служилых людей, дворян и детей боярских. Когда собрание северо-восточной Руси, с таким успехом конченное в первой половине XVI в., увеличило до громадных размеров количество земли, которою могла располагать казна, этою землею прежде всего воспользовались именно для помещения низших служилых людей. Низшим же служилым людям прежде других положено было и постоянное денежное жалованье; наконец, в их интересах и к невыгоде крупных землевладельцев, которыми были те «старейшие бояре», на которых указывал царь В. И. Шуйский, как на противников прикрепления крестьян, в интересах именно мелких землевладельцев заказан был выход крестьянам. Но если иностранцам, приезжавшим в Москву из западной Европы, это непосредственное кормление военной массы на счет невоенного народонаселения, не могло показаться

само по себе новостью, то в самом устройстве этого кормления, в отношениях к нему правительства, их внимание не могли не остановить на себе некоторые особенности. Впрочем, мы имеем от них очень немногие отрывочные известия о поместьях: короткого пребывания в Москве и распросов местных жителей было слишком недостаточно для того, чтобы составить ясное понятие об этом предмете. Потому иностранные известия о нем касаются только внешней, наиболее видной стороны дела, именно некоторых отношений правительства к поместьям и помещикам. Герберштейн говорит, что знатнейшим служилым людям для отправления посольств и других более важных должностей даются, между прочими средствами содержания, и поместья¹²⁹; но он ничего не говорит о поместьях, которые давались простым служилым людям для отправления военной службы,—но говорит, может-быть, потому, что в первой четверти XVI в. раздача поместий еще не достигла значительных размеров. По словам Флетчера, сын дворянина, поспевавший на службу, являлся в Разряд, где имя его записывалось в книгу, а ему самому давались известные земли для отправления службы, обыкновенно те же самые, какими пользовался его отец. Последние слова можно принять только в самом общем смысле, но совсем нельзя принять буквально, которую Флетчер объясняет это наделение словом обыкновенно теми же самыми землями, которыми пользовались их отцы; во что язвам, это происходит от того, что земли, определенные на содержание войска, всегда одны и те же, без малейшего увеличения или уменьшения, и эти земли на всем пространстве государства все уже заняты. Относительно прежнего времени это

¹²⁹ Herberstein, 10.

известие о постоянно-одинаковом количестве земель, которые правительство могло раздавать в поместья, конечно, историко, но оно неверно и относительно того времени, когда писал Флетчер: во 1-х, колонизация тогда еще продолжалась и даже, можно думать, в больших размерах, чем прежде, доставляя правительству новые пространства земли, постепенно, хотя и медленно населявшиеся; государство, по своим отношениям к черным, тяглым землям, легче могло обращаться в поместья и даже в вотчины не только вновь занимаемые, но и старые, не помещенные земли; далее, в каких бы широких размерах ни производилась раздача поместий во вторую половину XVI в. ¹²⁷⁾, нет основания думать, чтобы все земли, которыми правительство могло располагать для этой цели, были уже заняты. Есть указание, говорящее против такого предположения: в Горетовом стану Московского уезда в 1586 г. под поместьями и вотчинами было 5.780 четвертей пахотной земли; порожней и оброчной земли, находившейся в непосредственном ведении казны, было 8.639 четвертей ¹²⁸⁾; судя по этому образчику, можно полагать, что даже в тех местах, где мы могли бы предположить наиболее значительное развитие поместий и вотчин, количество свободных земель, которые правительство могло раздавать в поместья, далеко еще превышало в конце XVI в. количество земель, уже отданных в поместья.

Поэтому едва ли можно принять за общее или, по крайней мере, обыкновенное явление то, что говорит

¹²⁷⁾ Г. Боляев гадательно, на основании поместных раздач 1550 года, полагает количество земель, раздаваемых в поместья к концу царствования Юрия IV, около 50.000.000 четвертей. «Кресты на Руси», стр. 99.

¹²⁸⁾ Соловьев, «История России», т. VII, стр. 397.

Флетчер далее, будто происходит большие беспорядки от того, что когда у помещика много сыновей, и только один из них получает от цари поместье, то остальные, не имея ничего, принуждены добывать себе пропитание дурными средствами¹²⁹); если и были подобные явления, то уже никак не от недостатка земель для помещения нуждавшихся служилых людей; при нужде в ратных людях этого не могло быть в XVI веке и даже долго после. Вообще земли, данные служилому человеку, не иначе переходили к его наследникам, как по утверждению государя. Хотя бы после служилого человека осталось много дочерей, земли отходили к государю, кроме небольшой части, оставляемой дочерям для выдачи их замуж (точнее надо было бы сказать: до выдачи замуж). Пользующийся поместьем служилый человек, под страхом тяжкого наказания, обязывался выставлять на войну и содержать во время похода несколько ратников, число которых было определено государем соразмерно с доходами поместья. От этих поместий, жалуемых государем за службу и для службы, на время или пожизненно, отличались наследственные земельные владения (вотчины); но и эти земли находились в такой же зависимости от воли государя, как и поместья, ибо если владелец, умирая, не оставлял после себя сыновей, его земельная собственность тотчас отписывалась в казну¹³⁰). О вотчинах иностранцы говорят еще меньше, чем о поместьях, может быть потому, что они смешивали их с поместьями, к чему в XVI в. могли легко привести распоряжения правительства о вотчинах служилых князей, а другие

¹²⁹) Флетчер, гл. 15-я.

¹³⁰) Herberstein, 19.—Clemens Adam, 149—Poxsevino, 22

если и отличали остатки прежних родовых княжеских вотчин от земель, пожалованных царем, то в последних не видели ясного различия между землями, пожалованными в вотчину, и землями, пожалованными в поместье. К концу XVI в. количество земель, розданных служилым людям в том или другом виде, без сомнения, было значительнее количества старых княжеских и боярских вотчин; но между всеми землями, находившимися за князьями, боярами и прочими служилыми людьми, поместья едва ли много уступали в количестве вотчинам (церковные земли сюда, конечно, не отпосыте). Если можно так думать, то легко представить себе, какая перемена совершилась в частном землевладении в эпоху утверждения в Москве единовластия, и нас не остановит показание Флетчера, что у князей отняты их наследственные земли и давы им другие на поместном праве в дальних краях государства, где эти князья не могли пользоваться большим влиянием, что точно также и бояре содержатся доходами с земель, пожалованных государем, потому, что наследственных у них осталось мало ¹²¹). Доходы как князей так и бояр с жалованных царем земель, по свидетельству Флетчера, простирались до 1.000 руб. в год; но при этом нельзя забывать, что по характеру господствовавшего тогда хозяйства трудно было определить поземельный доход, в том виде, как он тогда получался, сколько-нибудь приблизительно денежною суммой. Это замечание одинаково относится и к тем, впрочем немногим, известиям о поземельном доходе служилых людей, которые мы находим у иностранцев XVII в. Петрей говорит, что каждый крестьянин

¹²¹) Флетчеръ, гл. 9-я.

обязаны работать на своего владельца 5 дней в неделю ¹³²). Озледей сравнивает московских служилых князей с простыми дворянами Западной Европы и добавляет, что за исключением тех из этих князей, которые занимают высшие должности в государстве, все остальные вообще не богачи западных господ, получающих от 8 000 до 10.000 ливров земельного дохода ¹³³). У Невилля есть известие о доходе, который получал землевладелец с каждой тяглой дуня: по этому известию, каждый крестьянин приносил своему господину в конце XVII в. около 4 руб. ежегодного дохода ¹³⁴). О доходе низших чинов служилого класса вот у иностранцев прямых показаний, но по некоторым отрывочным замечкам можно заключать, что если не большинство, то значительная масса низших служилых людей, сверх денежного жалования, имела очень скудные средства содержания. По словам Флетчера, низший слой дворянства составляли лица, называвшиеся князьями, но происходившие от младших членов главных княжеских родов. Эти князья не имели никакого наследственного состояния, и их было так много, что они считались за ничто, и нередко можно было встретить таких князей, которые охотно шли служить простолюдину за 5 или 6 руб. в год. По словам Петрея, много было дворян, которые,

¹³²) Petrejus, 214.

¹³³) Oikarain, 24: «à la réserve de ceux qui sont employés dans les premières charges de l'état, les autres n'ayant pas plus de bien que nos Seigneurs de huit ou dix mille livres de rente». 8 даяр равняется 1 руб., а 10 у Олсарава равняется половине тогдашнего московского рубля; значит, 8.000—10.000 даяр. составляют около 1500 руб.

¹³⁴) Neuvilla, 8: «Chaque paysan rapporte par an à son maître environ huit sous».

но имея средств купить сапоги, ходили в лаптих, такие носили их крестьяне. О низших дворянах, служивших при дворе, Невиль замечает, что они только по имени дворяне, а в сущности не имеют никакого состояния, кроме 200 ливров ежегодно содержания от царя ¹³⁵).

Поместная система могла показаться посторонним наблюдателям очень удобным для государства способом обеспечения содержания служилого класса. Гваньини говорит, что московский государь может долгое время содержать на-готове огромное войско, не обременяя себя расходами, потому что он не дает ратникам денежного жалованья, а наделяет их малоценными полями, которые дают им содержание на время службы ¹³⁶). Но потребность в денежном жалованьи обнаруживалась все сильнее и сильнее. Мы видели, что высшие служилые люди кроме военной службы должны были отправлять на свой счет и другие должности, требовавшие иногда значительных издержек, но не приносившие особенных доходов, наприм., посольства к иностранным дворам: известно, что постигло Трегьяка Далматова, который осмелился отговариваться от посольства недостатком средств ¹³⁷). Только в конце XVI в. встречаются русские известия о подмоге или денежном жаловании послам, отправлявшимся к иностранным дворам. Это средство, как общая мера, приложено было прежде всего к низшим служилым людям,

¹³⁵) Neuville, 25. Ср. Олеарий, стр. 221: Les knez qui n'ont point d'employ à la Cour, et qui n'ont pas le moyen d'y faire la dépense, se retirent à la campagne, où leur façon de vivre n'est pas fort différente de celle des paysans.

¹³⁶) Guagnino в «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 177.

¹³⁷) Herberstein, 12.

дворянам и детям боярским. Новини сказывали, что только тем служилым людям, которые живут в областях, выдается на областной казне в мирное время значительное жалованье ¹²⁸). По словам Герберштейна, кому государь приказывал быть при дворе, а также отправлять посылскую или воинскую службу, тот должен был выплачивать это на свой счет, исключая молодых детей боярских, которых государь ежегодно брал ко двору и содержал на жалованьи. Одни из них получали ежегодно по 12 золотых (рублей), другие по 6 золотых в каждые три года; первые на свой счет должны были отправлять всякое государево дело с известным числом лошадей. Вообще жалованье выдавалось тем, которые не могли на собственные средства, т. е. на счет доходов о поместий, отправлять военную службу ¹²⁹). Более определенными и подробными известия о денежном жалованьи имеем от конца XVI в., когда и самое дело получило большую определенность и большее развитие. Мы видели, какие части войска на постоянном жалованьи вычитывает Флетчер. По его показанию, большие дворяне получали от 100 до 70 рублей в год, средние от 60 до 40, дети боярские от 30 до 12; всего выдавалось на 15,000 дворян телохранителей до 55,000 рубл. ежегодно. Половина жалованья выдавалась им в Москве, другая в полев, если они были в походе. Это жалованье шло им сверх приспанных к каждому из них земель; кто имел очень мало земли, получал ежегодно по 20 рубл. врубалки. На 65,000 дворян, в мирное время назначавшихся на сторожковую службу по татарским границам, выдавалось жалованья до 40,000 рубл. Стрельцы получали

¹²⁸) П. Новак, 55.

¹²⁹) Herbersteins, 10 и 25.

ежегодно по 7 рубл., по 12 мер ржи и по столько же овса. О количестве жалованья наемным солдатам из иностранцев в XVI в нет известий. Система денежного жалованья, разуместей, в меньших размерах и медленнее распространилась на высшие чины служилого класса; по словам Флетчера, князья и бояре получали сверх доходов с пожалованных царем земель до 700 рубл. в год денежного жалованья за военную службу; больше этого, добавляет Флетчер, никто не получает ¹¹⁰).

В XVII в. система денежного жалованья должна была получить большее развитие, и иностранцы этого времени оставили нам более подробные известия об этом предмете, иногда указывая вместе с денежным жалованьем и количество земель, которыми пользовались разные служилые люди. При Маржерете высшие члены служилого класса, составлявшие государеву думу, князья и бояре, получали от 500 до 1.200 рубл. ежегодного оклада; окольные от 200 до 400 рубл. и земли от 1.000 до 2.000 четвертей (при Маржерете окольных было до 15 человек); думные дворяне, которых было 6, получали от 100 до 200 рубл. и земли от 800 до 1.200 четвертей; московские дворяне от 20 до 100 рубл. и земли от 500 до 1.000 четвертей; выборные дворяне от 8 до 15 рубл. и земли до 500 четв., дети боярские от 4 до 5 рубл., в 6 или 7 лет и земли от 100 до 300 четвертей ¹¹¹).

¹¹⁰) Флетчер, гл. 9-я и 15-я.

¹¹¹) Маржерет в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце», ч. 3-я, стр. 59. При Котошихине поместный оклад был всем чинам «против денег с рубля по 5 четвертей в поле, а в двух потомуж». См. Котошихин, гл. VII, ст. 8. Если цифры Маржерета верны, то в начале XVII в. высшим чинам давали поместные оклады в большей пропорции с денежными, нежели во времена Котошихина. Причина повятна.

Стрелецкие годовые получали при Маржерете денежного жалованья от 30 до 60 рубл. и земли от 300 до 500 четвертей; отники, сверх земель, от 12 до 20 рубл.; десятники до 10 рубл.; рядовые стрельцы по 4—5 р. ежегодно; сверх того каждому отпускалось по 12 мер ржи и по столько же овса, как и при Флетчере. При Мейерберге пятидесятники получали денег по 8 рубл. в год; десятники и простые стрельцы по 7 рубл.; овса и ржи выдавалось каждому стрельцу по 20 мер, ценой ва 18 рубл.; пятидесятникам вдвое больше ¹¹²⁾. Кроме того, раз в год стрельцам выдавали сукна на одежду, которую они должны были шить на свой счет; при выходе стрельца из службы (за смертью или старостью) эта сумма возвращалась в казну. Кроме царского жалованья стрельцы получали большие доходы от промыслов, которыми им позволено было заниматься в Москве и других городах ¹¹³⁾. Русским офицерам и рядовым ратникам полных (рейтарских) полковшло жалованье по 30 рубл. в год (по Мейербергу по 50); во время похода им выдавали водку, муку, пшено, сало и сушеную рыбу ¹¹⁴⁾. Солдатам платили во время похода по 5 коп. еже-

¹¹²⁾ Маржерет, 62.—Maueberg, II, 123.—У Корба оклад рядовых стрельцов показан тот же, что у Мейерберга; значит, во 2-й половине XVII в. он был увеличен в сравнении с первою. Впрочем, как у Маржерета, так и Мейерберга, денежные оклады были тем, какие показаны у Котошихина; хлебное жалованье, напротив, у Мейерберга выше того, какое выставил Котошихин. См. Котошихин, VII, 5.

¹¹³⁾ Korh, 168. ex mercimoniis, quae exercere licebat, magna parte et invidiosa parte administrant.

¹¹⁴⁾ Olearius, 225.—Maueberg, II, 124. По Котошихину также 30 рубл. вопреки Мейербергу (см. гл. IX, ст. 2).

дневно ¹¹⁵). В мирное время жалованье служилым людям выдавалось в Москве и областных городах, по свидетельству Петрея, в два срока: на Пасху и на Михайлов день. Выдача, по словам Мейерберга, производилась с такою аккуратностью, что если служилый человек не являлся за ним в назначенный срок, ему на другой же день относили жалованье на дом. Если ратник с честью пал на битве, назначалось содержание его вдове до ее вступления в новое замужество, а также и детям до возраста. Если ратник попадал в плен, половину его жалованья за это время отдавали его жене, а другую ему самому, когда его выкупали ¹¹⁶).

От XVII в. дошли также известия о жалованьи иностранцам, служившим в московском войске. Рейтенфельс говорит, что положение иностранцев на русской службе значительно улучшилось в его время в сравнении с прежним. Для привлечения большого числа опытных иноземных офицеров им назначали жалованье гораздо больше, нежели русским. В Москве в XVII в. постоянно жило много иностранных полковников и офицеров, которые в мирное время оставались без дела, получая половинный оклад жалованья, так как войска, которыми они командовали, в мирное время распускались ¹¹⁷). Когда открывалась война, иностранным офицерам поручали командование рейтарскими и солдатскими полками и выдавали полные оклады: рейтарскому полков-

¹¹⁵) Mayerberg, II, 125; у Котошихина 60 алтын в месяц.

¹¹⁶) Mayerberg, II, 126.

¹¹⁷) ОлеаріѢ, кажется, преувеличивает, говоря, что в мирное время иностранный полковник получал по 90 эку или по 45 рубли. в месяц.

нику или тогда денежного жалования по 40 руб. в месяц, подполковнику по 18, майору по 16, ротмистру 13, поручику 8, капитану 7. В солдатских полках жалование было несколько меньше, именно: полковнику 30 руб. в месяц, подполковнику 15, майору 14, капитану 11, поручику 8, прапорщику 5. При поступлении на службу иностранец получал от царя в подарок платье, лошадь и проч. Несмотря на выгоды, которыми пользовались иностранные офицеры на русской службе, многие из них высказывали Мейербергу сожаление, что оставили свою родину и пошли искать счастья в Москву; они жаловались на то, что по выслуге условленного срока нет возможности вырваться из Москвы; если для удержания иностранца на службе более срока не помогали разные привилегии и награды, упрямого ссылали в какое нибудь отдаленное место, откуда трудно было вырваться. В оправдание таких стеснений иностранцам говорили в Москве, что не всегда приходится служить, когда идет или ожидается война; и на это всегда можно было сослаться, так как Московское государство по характеру своих отношений к соседям постоянно или воевало, или ожидало войны ¹¹²⁾.

V.

Управление и судопроизводство.

От описания устройства служилого класса всего ближе перейти к описанию управления страной. Управление было другой формой кормления служилых людей на счет черного, неслужилого населения и разумеется, должно было отличаться особенностями, которые неизбежно

¹¹²⁾ Мейерберг, II, 121—122. — Рейнфельс, II—Korb, 153.

вытекали из такой цели. Боярин или сын боярский за государеву службу получал наместничество или волостельство; человек меча на известное время переходил в совершенно другую сферу, вступал в совершенно иные отношения, не переставая быть попрежнему в сущности военным человеком, ведал и судил город или волость «для расправы людям и всякаго устроения землям, себе же для покоя и прокормления», как определяло правительство XVI в. цель наместничеств и волостельств. По окончании срока служивый человек возвращался с кормления до нового места. Понятно, какой характер должно было иметь его управление городом или волостью: прежде и больше всего имелось в виду получение дохода, «чем можно быти сытым». Иностранцы не могли не заметить такого характера областного управления. Герберштейн ставит «профектуры» рядом с поместьями, как средства, служащие для одной и той же цели. На образованного западного европейца, внимательно всматривавшегося в устройство Московского государства, не могло, конечно, произвести выгодного впечатления это смешение совершенно различных занятий и целей, какое представляло им гражданское управление посредством военных людей. Таковы же были органы и центрального управления, сосредоточивавшиеся в думе и приказах столицы.

В устройстве управления Московского государства в XV и XVI в. мы видим важное движение: тогда произошли две тесно связанные между собою перемены, которые не могли остаться без влияния на ход управления. Эти перемены состояли в появлении и развитии приказной системы и в новом значении дьяков. До этого времени в каждом княжестве северо-восточной Руси во главе управления стоял князь, как установитель порядка

в земле и страж ее; ему служили бояре—думцы и раз-
ные слуги; бояре за службу получали от князя волости
и города в кормление; боярин велал и судил жителей
данной волости, данного города, и тиунам своим ходить
у них волод, а доход брал «на себя», по наказному
списку. Таким образом известное число наместничеств
и волостей замещалось таким же числом членов
княжеской дружины, которые назначались и сменялись
князем, но всем относились к князю,—и только. Вот
все главные органы управления, т. е. в управлении дей-
ствовали только известные лица, но не было присутствен-
ных мест приказов,—по крайней мере до XVI в. нет
ясных указаний на подобные учреждения. Но развитие
государства и, как его следствие, усложнение управления
делали необходимыми такие учреждения, и в начале XVI в.
мы встречаем известие о приказах. Чем далее, тем более
будут эти приказы размножаться и обособляться вслед-
ствие усложнения правительственного дела и вместо с
тем, вследствие того же, более и более будет оказываться
недостаточность служилых людей в деле управления,
более и более будет чувствоваться нужда в людях иного
рода, которые умели бы владеть не мечем, а пером, и с
начала XVI в. одновременно с известиями о приказах
встречаем известия об усилении значения дьяков. Они
имели важное значение в думе государя; они заправляли
ходом дел в приказах, они же отправлялись вместе с
наместниками по областям и заведывали там всеми госу-
дарственными делами, были представителями государ-
ственного начала в областях потому что наместники,
служилые люди, оказались теперь непригодны и непри-
вычны в правительственном делу при его новом значении,
при новых чисто-государственных потребностях, и этим

наместникам предоставили ведать только свои частные интересы кормления. Чуждые служилым людям по характеру занятий дьяки были чужды им и по происхождению, потому что выходили из «поповичей и простого всенародства», по выражению Курбского. Были и другие причины, содействовавшие такому усилению значения дьяков в XVI в.; эти причины хорошо понимали и ясно высказывали московские бояре, боровшиеся с самодержавными стремлениями своих государей. Но каковы бы ни были эти причины, новые потребности управления занимали между ними важное место; если посторонние обстоятельства дали дьякам возможность «боярскими головами торговать», то этих обстоятельств было мало для того, чтобы дать им возможность и «землю владеть», как выражался один отъезжник XVI века.

Так в управлении государством последовали важные перемены, показывавшие переход его от дружинного порядка к чисто государственному; явились новые более сложные органы и новые более пригодные к делу деятели. Но высший правительственный круг, дума государева, осталась, повидимому, в прежнем положении. По прежнему высшие члены старинной дружины по одному из исконных прав своих считались думцами князя; по прежнему государь «сидел с бояры» о всяком земском строении. Еще в начале XVI в. при дворе считали значение боярина тождественным с значением советника и первое слово заменяли последним. Так же называют бояр того времени и иностранцы. Но как дружина XVI в. не была похожа на прежнюю, так и в боярской думе, несмотря на ее прежний вид и состав, отношения сильно изменились. В начале XVI в. со стороны государевых советников слышались громкие жалобы на то, что государь

перестал советоваться с боярами, все дела решает у себя в сильной самостройе, — и эти двое поверенных дум были дьяки, «люди из простого иностранства, которых отцы отцам тогдашних бояр и в холодство не годились». Несмотря на то, что эта перемена отношений не выразилась ни в каком формальном нововведении, ее скоро заметили иностранцы: мы видели, как отзывается Герберштейн об отношении бояр-советников к великому князю: «никто из них, как бы велико ни было его значение, не смеет ни в чем противоречить государю».

Сделав эти предварительные замечания о государственном управлении, перейдем к изложениям известий о нем иностранцев. До конца XVI в. мы имеем от них немногие отрывочные заметки об этом предмете и только у Флетчера встречаем более полный и систематический очерк управления.

Во главе управления стоял государь с своей думой. Думу составляли думные бояре, отличавшиеся этим от простых бояр, которые хотя также назывались советниками государя, но получали это звание больше как почетный титул, ибо на общий совет их приглашали редко или и совсем не приглашали. Кроме думных бояр, в думе присутствовали («жили») думные дьяки или государственные секретари. Как те, так и другие получали свое звание по воле государя. Впрочем, и думные бояре во время все приглашались на совещание, по крайней мере так бывало, по свидетельству Флетчера, в царствование Федора Ивановича, когда дела решал Борис Годунов с 5-ю или 6-ю дьяками, которых он находил нужным призвать на совет. Иностранцам ясно дает понять, что боярская дума имела только совещательное значение, что дела часто решались до обсуждения их в думе и

без ее утверждения приводились в исполнение. На совете, говорят они, боярам приходится больше слушать, нежели высказывать свои мнения. Дума была высшим законодательным, административным и судебным местом. Отсюда исходил всякий новый закон или государственное постановление. Здесь с утверждения государя определялись известные лица на правительственные должности и решались важнейшие судебные дела. Думе докладывали во время ее заседаний о внутренних делах государства начальники четей, или четырех главных приказов, ведавших областное управление. Сюда же входили с доношениями и начальники разных судебных мест. Кроме дел государственных, здесь разбиралось множество частных по просьбам. Думные бояре, по отзыву Поссевина, были недалеко познаниями: при нем только один из членов думы знал немного по-латыни и очень немногие знакомы были с польским языком; притом это были почти все дьяки, многие бояре не умели даже ни читать, ни писать. Обыкновенно заседания думы бывали по понедельникам, средам и пятницам, с 7-ми часов утра. Когда нужно было назначить чрезвычайное собрание в другой день, из Разряда давался приказ писцу разослать повестки о том членам думы ¹⁴⁹⁾.

В чрезвычайныя собрания думы по какому-нибудь особенно важному делу на совет призывалось и высшее духовенство. Флетчер так описывает эти чрезвычайныя собрания думы или соборы. Царь приказывал призвать тех из думных бояр, которых сам заблагорассудит, человек 20-ть, вместе с патриархом, который приглашал митрополитов, архиепископов и тех из епископов, архи-

¹⁴⁹⁾ Possevino. 26 и след.—Флетчеръ, гл. 7 я и 11-я.

мандритов и монахов, которые пользовались особенным почетом. Обыкновенно такие соборы созывались в пятницу, в столовой палате. Все собравшиеся встречали царя в саах, причём патриарх благословлял царя и целовал его и правое плечо. В палате царь садился на трон; недалеко от него, за четырёхугольным столом помещались патриарх, митрополиты, архиепископы, епископы и некоторые из знатнейших бояр с двумя думными дяками, которые записывали все происходившее. Прочие сидели на скамьях около стен, по чинам. Один из дяков излагал причину созыва собора и предметы для обсуждения. Прежде всего спрашивали мнения патриарха и других духовных лиц, которые всегда и на все давали один ответ, что царь и дума его премудры, опыты в делах государственных и гораздо способнее их судить о том, что полезно для государства, ибо они, духовные, занимаются служением Богу и предметами веры и потому просит царя сделать нужное постановление, а они вместо советов будут вспомоществовать молитвами и т. д. Потом вставал кто посмелее, уже прежде назначенный для орамы, и просил царя объявить собранию свое собственное мнение. На это дяк отвечал, что государь, по надлежавшем обсуждении со своею думою, нашел предложенное дело выгодным для государства, но все-таки требует от них, духовных, богоугодного мнения, и буде они одобряют сделанное предложение, то изъявили бы свое согласие и проч. Объявив вскоре свое согласие, патриарх удалялся с духовенством, сопровождаемый царем до другой палаты; затем царь, возвратившись на прежнее место, оставался здесь для окончательного решения дела, после чего приглашал духовенство и думных людей за парадный обед. Дела, решенные на соборе, дяки

излагали в форме прокламаций, которые рассылались по областям ¹⁵⁰).

Характер думы не изменился и в XVII веке: она по-прежнему оставалась совещательным собранием, в котором редко слышались независимые голоса; советникам внушалось, что если им давалось право высказывать свои мнения, то царь и даже его любимцы оставляли за собой право исполнять только то, что находили полезным и нужным. Потому это собрание не имело прямого влияния на ход дел; мнения у него спрашивали только для формы, чтобы отклонить от себя ответственность в случае неудачного исхода дела ¹⁵¹). Число членов думы не определялось законом; как и прежде, царь назначал в нее кого находил нужным, по своему благоусмотрению. Маржерет говорит, что он знал до 32-х членов думы. При Мейерберге дума состояла из 26-ти бояр, 30-ти окольничих, 7-ми думных дворян, наконец из 3-х думных дьяков; последних, впрочем, бывало и по два; первый из этих думных дьяков заведывал обыкновенно делами по-сольскими и иноземными, был управителем Посольского приказа, а второй управлял Разрядным приказом, заведая делами военными ¹⁵²).

Под думой, как высшим правительственным местом, стояли приказы, ведавшие отдельные отрасли государственного управления. По известиям XVI века, дела по этому управлению распределялись между 4-мя главными приказами или четьми. Каждый из этих приказов упра-

¹⁵⁰) Флетчеръ, гл. 8-я.

¹⁵¹) Olearius, 181.—Mayerberg, II, 107.

¹⁵²) Маржереть, 35.—Olearius, 221.—Mayerberg, II, 107 и 12. Ср. Котошихинъ, гл. II, ст. 5.

была одной из 4-х четвертей, на которые делилось все государство в административном отношении. Эти приказы были: Посольский, Разрядный, Поместный и Казанский. По словам Флетчера, все области государства расписаны были между этими 4-мя четами, из которых каждая заведовала несколькими областями. Но на такое означенье четой указывает только название Казанской чети; название остальных могут навести на мысль, что каждая из них управляла не всеми делами приписанной к ней части государства, а известного рода делами всего государства. В другом месте Флетчер говорит, что начальники четей должны распоряжение по всем делам, исполнение которых в местах, ими управляемых, возлагалось на них царской думой; эти слова как будто указывают на то, что каждая четь ведала в своих областях не все, но только некоторые дела; значит, дела другого рода в тех же областях принадлежали уже ведомству другой чети. Вообще трудно составить себе не только по иностранным, но и по отечественным известиям ясное понятие об устройстве и ходе управления посредством приказов именно потому, что ведомства не были точно разграничены и определены по известным началам; оттого трудно и распределить их на какие-нибудь точно определенные группы, отнести, например, одни приказы к дворцовому ведомству, другие к военному и т. д. Посольская четь, указавшая своим названием на то, что мы теперь разумем под министерством иностранных дел, вместо о том ведала внутренне дела нескольких городов. Еще более было запутанности в приказной системе XVII века, когда она усложнилась, когда приказов было больше 40. Приказы переплетались между собою делами, одноделно дела ведались и несколькими приказами,

и, наоборот, в одном и том же приказе сосредоточивались разнородные дела. Эта запутанность отчасти происходила от того порядка, в каком учреждались приказы; они явились не все вдруг, а возникали постепенно, один за другим: усложнялись дела известного рода,—и для них учреждался особый приказ: между тем дела не переставали вестись и в тех приказах, к которым они прежде принадлежали. Так явились приказы: Стрелецкий, Иноземный, Рейтарский, которые не могли не перепутываться своими делами с Разрядным. Усложнились дела по устройству кружечных или питейных дворов,—и возникла Новая четверть; но кабацкое дело ведалось прежде в других приказах, к которым приписаны были какие-нибудь города и волости; дела по этой части остались в этих приказах и по учреждении новой четверти, а к последней приписаны были кружечные дворы только Московской и некоторых других областей. Понятно, как много было условного и случайного в ходе приказного управления и как трудно было иногда решить, «кто подъ которымъ приказомъ въ вѣдомости написанъ и судимъ», по выражению Котошихина. Дробность и неопределенность приказной системы подавала некоторым иностранцам повод думать, что в Московии столько же судов, сколько может быть дел, что в одном, напр., судили воров, в другом разбойников, в третьем мошенников ¹⁵³⁾.

По описанию Флетчера, Разрядный приказ управлял делами, относящимися к войску, ведал земли и доходы на жалованье ратным людям, получавшим его; Поместный вел список поместий, розданных служилым людям,

¹⁵³⁾ Записки Маскелвча в «Сказаниях современников» о Дмитрии Самозванце. ч. 5-я, стр. 64.

также владел и принимал на них всякие крепости; Казанский ведал дела царств Казанского и Астраханского с городами по Волге. Что ведал приказ Посольский, об этом Флетчер не говорит ни слова. Всеми этими приказами управляли при Флетчере думные дьяки. Управлявший Псковским приказом получал в год 100 рубл. жалованья, Разрядным столько же, Поместным—500 рубл. Казанским—150. Эти приказы принимали просьбы и дела всякого рода, поступающие в них из подведомственных областей, и докладывали об них царской думе, также посылали разные распоряжения последней в подведомственные области.

Для управления областями назначались царем известные лица, по одному или по два в каждую область, которые должны были во всех делах обращаться к управляющему той чети, в которой числилась известная область. На это указывают слова Посовина, что наместники знают, к кому из сенаторов обращаться с донесениями, и что эти сенаторы от имени царя отвечают им, а сам царь никогда не пишет собственноручно никому, даже не подписывается под указами. Наместник отправлялся в назначенную ему область с одним или двумя дьяками, которые заведывали всеми приказными делами по управлению областью. Областные правители обязаны были выслушивать и решать все гражданские дела своих областей, впрочем с представлением тяжущимся права апеллировать в царскую думу; в делах уголовных они имели право задерживать, допросить и заключить в тюрьму преступника, но для окончательного решения должны были пересылать такие дела, уже исследованные и правильно взложенные, в Москву к управляющим четей для доклада думе. Наконец, наместники были обязаны в своих

областях обнародовать (прокликать) законы и правительственные распоряжения, взимать подати и налоги, собирать ратников и доставлять их на место. Областные правители и дьяки назначались по царскому указу, и через год (по Герберштейну, через полтора года) обыкновенно сменялись, за исключением некоторых, пользовавшихся особенной милостью у царя, для которых этот срок продолжался еще на год или на два. За свою службу наместники в конце XVI в. получали 100, другие 50 или 30 рублей жалованья. В их пользу шли пени, которые они выжимали из бедных за какие-нибудь проступки, и другие доходы. Иногда наместнику вместе с городом отдавались и доходы с кружечного двора, который находился в этом городе. От простых наместников отличались наместники и воеводы 4-х пограничных городов: Смоленска, Пскова, Новгорода и Казани; их назначали из людей, пользовавшихся особенным доверием, по два в каждый город. Они имели особенное значение, больше обязанностей и исполнительную власть в делах уголовных. Поэтому они получали большее жалованье, одни 700, другие 400 рубл. в год ¹⁵¹).

В таком виде представляют иностранцы устройство областного управления во второй половине XVI в. Более ранний путешественник говорит, что московский государь имел обыкновенно ежегодно объезжать разные области своих владений ¹⁵²), но неизвестно, с какой собственно целью совершались эти поездки, с целью ли объезда, т.-е. осмотра областей, или на богомолье, или же наконец для прохлады: ибо таковы были цели всех государевых

¹⁵¹) Herberstein, 17.—Possevino, 27.—Михалон, 57.—Наклуц, I, 351.—Флетчер, г. 10-я

¹⁵²) Ковтарниа, 106.

владельцев. Москва управлялась особенным образом, именно состояла под прямым ведением царской думы, члены которой в известных судебных местах выслушивали все важные дела городских жителей. Для обыкновенных дел, зауряд., относительно построек, содержания улиц, определений для дворничина или дьяка, которые составляли с подьячими присутственное место — Земский двор. Каждая часть города имела своего старосту, от которого зависели сотские, а от последних десятские, каждому из которых поручался надзор за 10-ю домами ¹⁵⁶⁾.

Одвою из важнейших отраслей ведомства боярской думы, приказов и областных правителей было отправление правосудия. Судебная часть была тесно соединена с административной или, лучше сказать, вовсе не была отделена от нее; одни и те же органы ведали и ту, и другую. Потому на суд, как и на прочие отрасли управления, смотрели прежде всего как на статью кормления, дохода. Таков был издавна взгляд на этот предмет. Суд был не общественной должностью, а частным владением, делился на части, отдавался на откуп, как частная доходная статья. С развитием государства необходимо развивалось и законодательство, развивались юридические понятия; по крайней мере правительство постепенно расширяло круг своей деятельности на счет частного права. По двум Судебникам, великокняжескому и царскому, можно следить, как законодательство старается все шире и шире захватить интересы общества, ближе и более овладеть их нарушением, дать больше определений и сделать их более точными и подробными. В пример того как законодательство постепенно старалось отнять у преступления против известного

¹⁵⁶⁾ Флетчер гл. Юл.

лица характер частного явления и поступить с преступником, как с нарушителем прав целого общества, можно сравнить следующие постановления Судебников между собою и с прежними постановлениями: в великокняжеском Судебнике месть, самоуправство не допускаются; если у преступника не окажется имущества, чем вознаградить истца, преступник не выдается последнему, но подвергается смертной казни; по определению того же Судебника вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска отпускался на волю. Царский Судебник относится к делу гораздо строже: по его определению вор, пойманный впервые, по наказании и доправлении иска, не отпускался, но отдавался на крепкую поруку, а если ее не было, сажался в тюрьму до поруки. Мы напрасно стали бы ожидать от иностранцев оценки этого движения в сфере законодательства. Новий со слов русского рассказчика мог только записать, что Московия управляется простыми законами, основанными на правосудии государя и бескорыстии его сановников ¹³⁷⁾. Герберштейн приводит в своем сочинении небольшой отрывок из Судебника Иоанна III о судных пошлинах, но ничего не говорит о самом Судебнике. Флетчер говорит, что единственный закон в Московии есть изустный, т.-е. воля государя и судей: Судебник Иоанна IV не удостоился от ученого английского юриста названия писанного закона ¹³⁸⁾. Но что дает особенный интерес беглым и отрывочным замечкам иностранцев, — это то, что они вводят нас в самую практику юридических отправлений, показывают, в каком виде и в какой обстановке являлся закон на самом деле, а не на бумаге.

¹³⁷⁾ П. Новий, 47.

¹³⁸⁾ Флетчер, в конце гл. 14-й.

Во второй половине XVI в. судные дела ведали следующие учреждения: губные и сотские старосты, наместники и волостали с дьяками и, наконец, высшие правительственные места в Москве, чети и дума. Всякое дело можно было, по словам Флетчера, начинать с любого из трех первых учреждений или переводить его из низшего суда в высший посредством апелляции. В гражданских делах, например, по взысканиям, суд совершался в следующем порядке. Истец подавал челобитную, в которой излагал предмет иска. По этой челобитной ему давалась выпись о задержании ответчика, которую он передавал пристапу или недельщику¹⁵⁹). Все иностранцы, рассказывая о московском судопроизводстве, резко отзываются о жестокости обращения этих недельщиков с подсудимыми и вообще о суровости форм, в которые облекался суд даже в незначительных делах. По словам Флетчера, иногда из-за каких-нибудь 6 пенсов обвиняемому заковывали в цепи руки, ноги и шею. Пойманный ответчик должен был дать поручительство, что явится к ответу в назначенный день. Если никто не поручался за него, недельщик привязывал его руки к шее, бил батогами по ногам и держал в тюрьме до тех пор, пока нужно было представить его на суд. Ходатаев и поверенных при суде не было, каждый сам должен был, как умел, излагать свой иск и защищаться. Когда истец и ответчик становились пред судьей, ответчик на вопрос последнего о предмете иска отвечал обыкновенно записательством. Судья спра-

¹⁵⁹) У Герберштейна (стр. 40) находим такое определение недельщика: *Nevelnick est capitaneus quoddam eorum officium, qui huiusmodi in ius vocant, malefactorum capiunt, carceribusque carcerant: utque hi natusium numero continentur.*

шивал, что он может представить в опровержение требования истца. Ответчик говорил, что готов поцеловать крест. После того он не подвергался битью батогами до ближайшего исследования дела. Иногда, за неимением ясных доказательств, судья сам обращался к истцу или ответчику с вопросом, согласен ли он поклясться и принять крестное целование. Флетчер так описывает обряд этой клятвы. «Церемония происходит в церкви; в то время, как присягающий целует крест, деньги (если об них идет дело) висят под образом; как скоро присягающий поцелует крест пред этим образом, ему тотчас отдают деньги». Флетчер прибавляет, что крестное целование считалось делом столь святым, что никто не смел нарушить его или осквернить ложным показанием. Олсри говорит, что обыкновенно старались не доводить дело до крестного целования и тяжущиеся вообще неохотно прибегали к нему, ибо и общество, и церковь неблагоприятно смотрели на поцеловавшего крест в судебном деле. Если обе стороны готовы были принять крест на душу, бросали жребий, и тот, кому он доставался, выигрывал дело. Англичанин Лен подробно описывает порядок решения дела посредством жеребья, которым решена была в Москве его тяжба с некоторыми русскими купцами. При суде присутствовало множество народа. Когда истцы не согласились на мировую сделку, предложенную ответчиком по приглашению судей, последние, засучив рукава, взяли два восковые шарика одинаковой величины с именами обеих тяжущихся сторон и вызвали из толпы первого попавшегося на глаза высокорослого человека, которому велели снять шапку и держать перед собой; в нее положили оба шарика и вызвали из толпы другого высокорослого человека, который, засучив правый рукав,

вытаскивал из шапки один шарик за другим и передавал судьям. Судьи громко объявляли всем присутствовавшим, какой стороне принадлежал первый вынутый шарик, та сторона и выигрывала дело ¹⁶⁰). Виноватый платил судной пошлины 20 денег с рубля ¹⁶¹). Если виновный по окончании дела тотчас не удовлетворял истца, его ставили на правеж. Правежом, по описанию Флетчера, называлось место близ суда, где обвиненных по судебному приговору и отказывавшихся платить били батогами по икрам ¹⁶²). Расправа производилась ежедневно кроме праздников, от восхода солнца до 10-ти или 11-ти часов утра. Каждый должник подвергался правежу по одному часу в день, пока не выплачивал долга. По словам Масквичица, перед Разрядом всегда стояло по утрам больше 10-ти таких должников; над ними трудилось несколько недельщиков, которые, разделив между собою виновных, ставили их в ряд и, начав с первого, били тростью длиною в полтора локтя, поочередно ударяя каждого три раза по икрам и, таким образом, проходя ряд от одного края до другого. Судья, между тем, наблюдал из окна за расправой. Несмотря на это, недельщики умели извлекать выгоду из своего занятия, позволяя должникам за деньги власть жость за сапоги, чтобы сделать удары менее чувствительными. Все время после полудня и ночью должников держали скованными в тюрьме, за

¹⁶⁰) *Накази*, I. 345 и 346. *В 1500 г.*

¹⁶¹) Русским купцы, проигравшие Лову тяжбу, заплатили царю 10%, с суммой выигранной армянами вела, за такой «грех», как они называли проигрыш.

¹⁶²) *Flagris bacillarum per unam et eandem partem graviter absque ulla misericordia caedentes*, «*Requis Monarchiarum antea varis*», p. 179.

исключением тех, которые представляли за себя достаточное обеспечение, что будут сами являться на правеж в назначенный час. Маржерет говорит, что он видал много наказанных, которых везли с правежа домой на телегах; по его же словам, всадники царской службы были изъяты от этого наказания, имея право выставить за себя на правеж одного из своих людей. После годичного стояния на правеже ¹⁶³), если обвиненный не хотел или не мог удовлетворить истца, последнему дозволялось брать его с семьей к себе в рабство или продать на известное число лет, смотря по величине долга ¹⁶⁴). По показанию Олария, годовая работа мальчика, отданного кредитору за долг отца, ставилась в 5 рублей, а девушки в 4 рубля; на стоимость работы взрослых нет указаний ¹⁶⁵).

Относительно уголовного судопроизводства мы видели, что, кроме 4-х пограничных городов, наместники прочих областей не имели в XVI в. права окончательного решения в делах уголовных; решение по таким делам принадлежало высшему суду в Москве. Обвиняемый в уголовном преступлении задерживался, допрашивался и заключался в тюрьму правителем области, где совершено преступление. Наместник посылал дело о нем, уже обследованное и правильно изложенное, в Москву к управляющему своей четверти, а последний передавал его в думу,

¹⁶³) В 1555 г. определено было стоять на правеже во 100 руб. месяц, «а будет искъ больше или меньше, то стоять по тому же расчету». Дозволялось переводить правеж еще на один месяц, но не больше.

¹⁶⁴) Это называлось «выдать истцу головой до искупа».

¹⁶⁵) Маржерет, 38.—Маскевич, 55.—Olearius, 160. *65*

которая на основании того, как изложено дело наместником и его дьяком, произносила окончательный приговор. Но делан нового допроса обвиненному ¹⁶⁶). Допрос состоял в пытке: обвиняемого били кнутом из белой воловьей кожи, шириною в палец, так что каждый удар производил рану, или привязывали к вертелу и жарили на огне, иногда ломали или вывертывали какой-нибудь член расквашенными щипцами, разрезывали тело на пальцах под ногтями. Самым ужасным родом пытки была дыба. Подсудимого с связанными назад руками вздергивали на вертлук и оставляли висеть в таком положении, прилежав к ногам толстый брус, на который вскакивал по временам заплечный мастер, чтобы тем скорее заставить члены подсудимого выйти из суставов; между тем над ногами подсудимого горел огонь для усиления страданий. Никогда на голове у подсудимого выбривали маушку и в то время, как он висел, лили на нее сверху колодезную воду по камням; редкий преступник выдерживал это последнее испытание, добавляет Олеарий. Управляющий четью пересылал приговор думы в ту область, где находился преступник, для исполнения. Если по этому приговору преступник присуждался к смерти, его выносили на место казни с зажженной восковой свечей, которую он держал в связанных руках. Виды смертной казни были: повешение, обезглавление, умерщвление ударом в голову, утопление, погружение зимою под лед, сажание на кол и нек. друг. По свидетельству Герберштейна, всего чаще употреблялось повешение; другие были известны казни, употреблялись редко, разве за какие-нибудь необыкновенные преступления. За воровство

¹⁶⁶ Ср. «Областные Учреждения» Б. Чичерина, стр. 45.

и даже убийство (кроме убийства с целью грабежа) редко подвергали смертной казни ¹⁶⁷⁾. Герберштейн и Флетчер говорят, что летом москвитяне, занятые войной, редко казнили преступников, но большею частью отлагали исполнение смертных приговоров до зимы, когда преступников вешали или убивали ударом в голову и пускали под лед. Святотатцев, по свидетельству Петрея, сажали на кол, и когда преступник умирал, тело его снимали, выносили за городские ворота и здесь, предав сожжению, засыпали пепел землей ¹⁶⁸⁾.

Вообще иностранцы заметили, что к смертной казни в Москве прибегали редко; Олеарий замечает, что за воровство совсем никогда не казнят смертью в Московском государстве; гораздо охотнее употребляли батоги и кнут ¹⁶⁹⁾. Иностранцы с ужасом говорят о жестокости этих наказаний и о равнодушии, с каким относились к ним Москвитяне. Батоги были самым обыкновенным и употребительным наказанием, которому одинаково подвер-

¹⁶⁷⁾ А. д. Климевт добавляет: Qui secundo (furto) delinquit, illi nasum praecidunt ac stigmatis frontem signant. Tertia poxa crucem meretur. Multi et insignes sunt criminisecae: quod si principis severitas illos non tolleret, non esset, resistero illorum proventui. «*Re-rum Moscoviticarum auctores varii*», p. 152.

¹⁶⁸⁾ Petrejus, 319: Elliche, so gespiesset werden, leben bisweilen ein halben oder ganzen Tag, ja bisweilen zweene, wenn der Mittel mit dem Staken ult nit das Hertze trifft.

¹⁶⁹⁾ Маскевич рассказывает, что в 1610 г., когда Москва занята была Поляками, один из них увел дочь у боярина. Паряженный польский суд приговорил похитителя, по польским законам, к смерти. Но один из судей предложил судить преступника московским судом, на что охотно согласились и Поляки и Москвитяне: виновного высекли кнутом на улице. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 5-я, стр. 55.

такие и простые и сивонные люди, за важные и неважные нарушения закона. По замечанию Таппера, в Москве редкий день проходил без того, чтобы кто-нибудь не бил на площади батогами ¹⁷⁰). Часты употреблялся и клут, который иностранцы описывают как самое жестокое и варварское наказание. Обыкновенно ему подвергались за воровство Вора, попавшегося в первый раз, во время Олгария били клутом, ведя его от ворот Кремля до большого рынка, где рвали ему одно ухо и запирали на два года в тюрьму. За вторичное воровство повторяли то же наказание и держали в тюрьме до тех пор, пока набиралось достаточное число таких преступников, после чего их ссылали в Сибирь, где они должны заниматься звериной охотой в пользу казны. Олгарий видел в 1634 году в Москве, как наказывали клутом 9 преступников, воровски продававших табак и водку; между ними была одна женщина ¹⁷¹). Клутом был из воловьей жилы и имел на конце три хвоста, острый как бритва, из невыделанной досиной кожи. Преступникам дали по 25 ударов, преступнице 16. Надо быть москвитинином, замечает Штраус, чтобы выдержать четвертую долю такого наказания и остаться живым.

¹⁷⁰) Батоги имели широкое приложение в частной сфере и не всегда считались публичным наказанием. Olearius, 241: Il n'y a point de père de famille qui ne les fasse donner à ses enfans et à ses domestiques. О порядке, в каком производилось это наказание, см. у Олгария дальше. Ср. P. à Buchau, p. 241.

¹⁷¹) Olearius, 232: Ils (преступники) se mettoient l'un après l'autre sur des des valet du bourreau, avec le corps nud jusqu'auxanches et les pieds attachés ensemble d'une corde, laquelle passoit entre les jambes de ce valet, qui les tenoit par les bras qu'ils avoient à son col, pendant qu'un autre valet tenoit la corde en sorte qu'ils ne pouvoient pas se remuer.

При наказании присутствовал подьячий с бумагой в руках, где означено было число ударов для каждого преступника; всякий раз, как заплечный мастер отсчитывал предписанное число ударов, подьячий кричал: «полю!» После того преступников связали попарно, продававшим табак повесили на шею по рожку с табаком, а продавцам водки по стеклянке с этим напитком и в таком виде повели всех по городу, хотя некоторые не могли уже стоять на ногах; при этом их продолжали бить кнутом. Пройдя с полмили, их повели опять на место наказания и тут отпустили. Часто наказание кнутом оканчивалось смертью наказанного. За употребление табаку во время Олеария рвали поздри. Таннер описывает виденное им в Москве и сильно поразившее его наказание женщины за убийство мужа. Завязав преступнице руки назад, ее (*denudatam*) закопали по пояс в землю; в таком положении она должна была пробыть трое суток, не подвергаясь далее никакому наказанию ¹⁷²). На ее беду напали на нее голодные собаки, во множестве бродившие по городу, и после отчаянного сопротивления несчастной, защищавшейся зубами, растерзали ее, выкопали из земли и разнесли по кускам. Все это происходило перед глазами многих зрителей, которые не смели подать помощь преступнице ¹⁷³).

Иностранцы XVII века, описывая московское судопроизводство, умалчивают об одном судебном доказательстве, именно о поле ¹⁷⁴); у иностранцев XVI в. находим об этом несколько любопытных известий. Когда

¹⁷²) По Уложению, она должна была оставаться в земле, пока умрет.

¹⁷³) Olearius, 231 и 232.—Tanner, 81.—Korb, 203.

¹⁷⁴) У одного Петрея находим известия о поле, но они не представляют ничего нового в сравнении с известиями писателей XVI в. и даже, может быть, заимствованы у последних. Petrejus, 3:9.

дело не усинилось допросом, и обе стороны представляли равносильные доказательства, ответчик или истец говорил: «поручаю себя правде Божией и прошу поля». Тяжущиеся могли выходить на поединок со всяким оружием, кроме пикала и лука. Бились пешне: бой открывался копьем, потом принимались за другое оружие. Иностранцы, выходя на поединки с русскими, почти всегда побеждали последних, превосходя их ловкостью и умением действовать оружием. Оба противника имели по несколько друзей и доброжелателей, которые, стоя у поля, смотрели за боем, но без оружия, кроме разве копей, обоженных с одного конца. Если друзья одного из бывших замечали, что его противник бьется не как следует, и с обманом, тотчас прибегали к своему на помощь; за ними вмешивались в дело сторонники другого поединщика,—и с обеих сторон начиналась драка, приятно занимавшая зрителей, но замечанию Герберштейна: обе стороны дрались чем и как ни попало за волосы, кулаками, колыями и проч. ¹⁷⁵). Досудившиеся до поля могли иметь себя выставить драться наемных бойцов: Ченслер говорит даже, что тяжущиеся редко бились сами, а представляли обыкновенно наемных бойцов ¹⁷⁶). В Москве было

¹⁷⁵) Если действительно так происходили судебные поединки при Герберштейне, то во второй половине XVI в. поле должно было принять несколько лучший вид: по царскому Судебнику у поля могли стоять только стряпчие и поручники бывших, а то без всякого оружия, сторонних людей велено было отсылать, а кто не послушался, не пойдет, сажать в тюрьму.

¹⁷⁶) Hakluyt, I, 268. *Seldome the parties themselves do fight, except they be Gentlemen, for they stand much upon their reputation, for they will not fight, but with such as are come of as good house as themselves, so that if either partie require the combat, it is granted into them, and no champion is to serve to their room, wherein is no discord; but otherwise by chapmans there is.*

много таких бойцов, которые тем только и промышляли, что по найму выходили драться за других на судебных поединках ¹⁷⁷⁾. Тот, чей боец оставался побежденным, тотчас объявлялся виноватым и сажался в тюрьму ¹⁷⁸⁾

Такие известия находим мы у иностранцев о порядке московского судопроизводства в XVI в. Из юридических понятий и обычаев они указывают, между прочим, на то, что по взгляду Москвитян только государь со своею думой мог произносить смертные приговоры над свободными и несвободными людьми; из наместников не многие пользовались этим правом. Никто из подданных не смел подвергать другого пытке. Михалон отдает преимущество московскому суду пред литовским в том отношении, что право суда у Москвитян над всеми подданными баронов и дворян, как в гражданских, так и в уголовных делах, принадлежит не частному лицу, а назначенному для этого общественному чиновнику ¹⁷⁹⁾. Не все классы общества имели одинаковое значение перед законом, но крайней мере в его приложении: показание одного знатного, по словам Герберштейна, имело больше силы, нежели показание многих простолюдинов. Если, говорит Флетчер, дворянин обокрадет или убьет бедного мужика, то иногда вовсе и не призывается к ответу; много-много если за мужика его высекут. Иностранцы говорят о

¹⁷⁷⁾ Clemens въ «*Rerum Moscoviticarum auctores vari*», p. 151: *habent pugiles publicos, quibus solo hos quaestu victus constat.*

¹⁷⁸⁾ Ювиль, 48.—Herberstein, 38—40.—Флетчер, гл. 14-я.

¹⁷⁹⁾ Михалон, 37. Сеча и деревни жаловались служилым людям иногда с правом суда, кроме душегубства и разбоя с поличным, но в XVI в. это не было общим правилом, как говорят Ченслер. Hakluyt, I, 267.

«врожденную» склонности Москвитян к сутяжничеству и бедничеству, но с особенною горечью отзываются они в припадочности самого суда. Судьи, по свидетельству Герберштейна, открыто брали взятки, несмотря на строгость государя и неправду. При этом Герберштейн передает слышанный им рассказ, резко характеризующий положение дел в тогдашнем московском обществе: один судья не бивар был уличен в том, что с обоих тяжущихся взял посуды и решил дело в пользу того, который дал больше. Перед государем он не запырлся во взятке, оправдываясь тем, что тот, в чью пользу он решил дело, человек богатый и почтенный, а потому больше заслуживает доверия перед судом, нежели бедный и незначительный его противник. Государь, смеясь, отпустил его без наказания, хотя и отменил его решение. Может быть, замечает на это Герберштейн, причиной такого корыстолюбия и недобросовестности служит бедность самих судей, которая заставляет государя смотреть сквозь пальцы на их поступки¹⁰⁰⁾. Флетчер, сказав, что единственный закон в Московии есть закон изуственный, т. е. воля царя, судей и других должностных лиц, оканчивает свой обзор московского судопроизводства следующими мрачными словами: «Все это показывает жалкое состояние несчастного народа, который должен признавать источником своих законов и блюстителями правосудия тех, против несправедливости которых ему необходимо было бы иметь значительное количество хороших и строгих законов». Мы знаем, как правительство в XVI в. хлопотало о составлении таких хороших и строгих законов; знаем, что одно из главных отличий царского Судобника от великокняжеского в том

¹⁰⁰⁾ Herberstein, 49.

именно и состоит, что первый, вооружаясь против несправедливости судей, не ограничивается строгим и грозным запрещением судьям дружить, мстить и брать посулы, но присоединяет к этому угрозу строго и подробно определенных наказаний за ослушание. Хороши или нехороши были эти законы,—нельзя отвергать, что они были строги. Следовательно главное дело было не в каких либо законах, а в исконных привычках и условиях жизни, создавших эти привычки. Если еще в XII в. с сомнением спрашивали, какая судьба ожидает тиуна на том свете, потому что тиун несправедливо судит, взятки берет, людей мучит; если еще Даниил Заточник советовал не ставить двора близ княжа двора, потому что тиун его как огонь, а рядовичи его как искры,—то еще с большею силой можно было повторить и этот вопрос, и этот ответ в XVI в. и даже гораздо позже, потому что и в XVI веке, и долго после продолжались явления, вызвавшие этот вопрос и ответ, а явления продолжались, потому что продолжали действовать причины, их производившие.

Что касается вообще до характера управления в Московском государстве, то мы находим у иностранцев XVI в. различные отзывы об этом предмете. Иовий из рассказов московского посла заключил, что по всем частям государственного управления находятся там прекрасные учреждения. Михалон хвалит московский порядок замещения должностей, говоря, что государь московский соблюдает равенство между своими чиновниками, не дает одному много должностей; начальники лучше обращаются с подчиненными, зная, что осужденному за взятки придется разведаться на поединке с обиженным, хотя бы последний принадлежал к низшему сословию; от этого не так часто слышатся во дворце жалобы на при-

тоскенид¹⁴⁹⁾. Но совсем другого рода отзывы находим у тех иностранцев, которые сами были в Москве и внимательно всматривались в московские порядки. Правление в Московском государстве казалось им слишком тираническим для христианского государства. По отзыву Флетчера, московская система областного управления была бы недурна для того обширного государства, по своему удобству для предупреждения нововведений, еслибы не портила недобросовестность правительственных лиц. Областные правители чужды народу по своим интересам и не пользуются ни его доверием, ни любовью. Являясь ежегодно в области свежими и голодными, они мучат и обирают народ без всякой совести, стараясь собрать в свое управление столько, чтобы по окончании срока, отдавая отчет, можно было, не обижая себя, поделиться с управляющим чети, который в надежде на это смотрел сквозь пальцы на действия наместника. За это народ ненавидит наместников, видя, что они поставлены над ним не столько для того, чтобы оказывать ему правосудие, сколько затем, чтобы угнетать его и снимать с него шерсть не один раз в год, как владелец с своей овцы, а стричь и обрывать его впродолжение всего года. Далее иностранцы указывают на недостаток единодушия и общности интересов не только между управителями и управляемыми, но и вообще между служилыми людьми и простым народом. Флетчер в раздумьи останавливается на разных

¹⁴⁹⁾ Ипатьев, 56.—Михалонъ, 57. Московское правительство при Иоанне IV жаловалось, между прочим, на то, что, «как стадают наместники и волостели и кормильшии, в мужики многими исками отыскивают и много в том кровопролития и осквернения сподобилось». Соловьев, «История России», VII, 14.

элементах Московского государства и ищет, нет ли где таких общественных сил, которые могли бы излечить эти язвы государства, но нигде не находит таких целебных сил, ни в дворянстве, ни в дьяках, ни в войске, ни в простом народе. Дворянство бессильно пред государем, бедно; областные правители также не могут достигнуть значительного влияния, потому что назначаются на короткое время и чужды, даже ненавистны народу; управляющие частями—дьяки, которые хотя и пользуются наибольшим влиянием на дела, но всем обязаны царю и служат ему одному; войско безусловно предано царю и настоящему порядку, потому что этот порядок выгоден ему, доставляя возможность обижать и грабить простой народ. Эти части общества всею своею тяжестью лежат на простом народе; один он несет на себе все бремя и не имеет средств облегчить его ¹⁸²). В заключение английский наблюдатель дивится, как московские цари, прочно утвердившись на престоле, могут довольствоваться прежним неудовлетворительным порядком вещей в своем государстве.

Мы знаем, что в России и сверху, и снизу не менее Флетчера и всякаго постороннего наблюдателя чувствовали неудовлетворительность и темные стороны управления. Правительство XVI в. придумывало и пробовало разные меры для улучшения управления; по его распоряжениям подле наместников и волостелей стали появляться выборные, излюбленные старосты с важным значением, чтобы «судили они беспосульно и безволжитво». И правительство, и общество объясняли эту меру

¹⁸²) Флетчер, гл. 10-я.

как противодействие злоупотреблениям наместников и волостелей с их тиунами. Со второй половины XVI в. все чаще и чаще усиливаются жалобы земских людей на наместников и волостелей, которые «многие города и волости пусты učinили». — и правительство отменяет наместников и волостелей, объявляет учреждение излюбленных старост общему меру; всякий город, всякая волость могла, если хотела избавиться, от наместников и волостелей, получив только «откупную» грамоту. Точно также частное распоряжение великого князя Василия Ивановича о введении в суд наместничий и волостельи лучших людей и пеловальников утверждено в Судебнике сына его как общий закон. Во всех этих мерах выразилось стремление удовлетворить усилившимся требованиям общественного порядка, поставить на место прежней системы кормлений, основанной на частном праве, другую систему управления, основанную на государственных началах. С этой целью начали стеснять власть наместников и волостелей, как несовместную с возникшим государственным порядком: сперва старались положить пределы прохвату этих кормленщиков определением и ограничением их прав на подведомственных им жителей, потом стали отнимать у них многие права и передавать другим органам управления, выборным дьякам, городским приказчикам. Наконец сделан был решительный шаг: наместники и волостели, представители системы кормления, замещены были воеводами, которые стали появляться во второй половине XVI в., в виде частного меры, но в царствование Михаила Феодоровича сделались общим учреждением. По основной мысли этого учреждения воевода был настоящим правителем области, представитель государственного порядка, а не кормленщик, ведал дела

не на себя, как последний, а на царя ¹⁸³⁾. Таким образом государственное начало делало несомненные успехи; отражались ли эти успехи заметными улучшениями в практической сфере, в отношениях органов управления к управляемым? Может-быть, какой-нибудь ответ на это дадут иностранные известия XVII в., тем более, что они описывают не столько устройство управления, сколько самое его действие.

В XVII в. система приказов еще более усложнилась, и потому, еще труднее стало распределить их по роду дел на известные, точно разграниченные ведомства. Олеарий указывает на 6 главных отделений или ведомств, которые собственно составляли круг деятельности государева совета или думы; это были: дела иностранные, дела военные, доходы от отчины государя, отчеты с разных прикащиков и управителей, педавших кабацкое дело, апелляции и решения по гражданским делам и наконец решения по делам уголовным. Каждому из этих ведомств соответствовал один или несколько приказов ¹⁸⁴⁾. Самыми главными из этих приказов Рейтвифельс называет: Посольский, Разрядный, Поместный, Сибирский и Приказ Казанского Дворца. Приказами управляли («сидели» в приказах) бояре и другие думные люди,

¹⁸³⁾ См. «Областные учреждения» г. Чичерина, стр. 39—54.

¹⁸⁴⁾ Наиболее полный список приказов первой половины XVII в. сообщает Олеарий, насчитывая их 32. Определение ведомства каждого приказа у него неполно и часто неточно. За вторую половину века у иностранцев не находим такого списка. Рейтвифельс списывает имена и определения приказов у Олеария, не упоминая о новых приказах, явившихся послѣ Олеария. Мейерберг насчитывает 33 главных приказа. Olearius, 224—229.—Mayerberg, II, 108. Ср. Котошихин, гл. VII.

смотря по важности приказа, только в двух наиболее важных приказах, Посольском и Разрядном, управление делами требовало особенных знаний, сидели не бояре, а думные дьяки, как люди более сведущие и опытные в приказном деле, хотя в чиновной иерархии они стояли ниже даже думных дворян. Письменной частью заведывали в качестве секретарей простые дьяки, которых было по одному или более в каждом приказе; под начальством их находились писаря и подьячие. Все делопроизводство в приказах было письменное. Коллинс насмешливо замечает, что там производилось столько бумаги, что ею можно было бы покрыть всю поверхность Московского государства. Дьяки и подьячие были завалены работой, которую иногда не успевали окончить днем и должны были заниматься по ночам. Но управляющие приказами, если верить Маскеничу, заседали только до обеда, при первом ударе колокола уходили из приказов, зато строго выискивали с подчиненных за упущения. Корб рассказывает, что один дьяк, проработав целый день в своем приказе, наконец решился уйти домой отдохнуть; за ним последовали подьячие и писцы. Но, вероятно, дело было спешное, и на другой день думный дьяк, упрямивший приказом, решил наказать подчиненного дьяка за самовольный уход батогами, а подьячих и писарей привязать к скамьям, чтоб заставить их работать всю следующую ночь. Писали в приказах обыкновенно на бумажных свитках, аршин на 25 или 30 длиной; делая их из нескольких узких листов, склеенных вместе; во время письма приказный держал такой свиток не на столе, а на коленях, что очень удивляло иностранцев. Приказным запрещено было брать посулу под страхом наказания крутом, но они мало смотрели на

это. Оларий рассказывает об уловке, посредством которой приказные выманивали подарки у иностранных послов, приезжавших в Москву: они вызывались достать послу за известную сумму копию какого-нибудь секретного акта или распоряжения правительства, касавшегося этого посла, но так как приказным запрещалось брать из приказов бумаги на дом, то они составляли ложную бумагу и выдавали ее послу за копию с подлинного акта ¹⁸⁵).

В областях были особые земские и съезжие избы, устроенные по образцу центральных приказов; делами заправляли в них такие же чиновные люди, дьяки и подьячие, какие сидели в столичных приказах. Областями управляли в XVII в. воеводы. Главным правительственным местом, из которого посылались и в котором ведались воеводы, был Разряд ¹⁸⁶). Воеводы посылались с одним или несколькими товарищами, которыми большею частью были дьяки или подьячие. Воеводства в XVII в. давались обыкновенно на три года; редкий воевода правил одною областью дольше трех лет. Оларий считает такую краткость срока очень благоразумною мерой, которую он объясняет чисто-государственными соображениями, именно намерением ограничить злоупотребление воевод, не дать им возможности усилиться, предупредить вредные замыслы и т. п. С тою же целью, по истечении срока, брали в воеводы отчет в управлении, принимали жалобы на него от областных жителей.

¹⁸⁵) Маскевич, 56.—Olearius, 224—Korb, 52.

¹⁸⁶) Маржерет говорит об одном Разряде; но были и другие приказы, из которых посылались воеводы. Воеводы назначались царским указом, выдававшимся из того приказа, в ведомстве которого состоял город, куда посылался воевода. См. «Областные учреждения» г. Чичерина, стр. 53.

Посмотрим, насколько все эти меры уменьшали злоупотребления воеводского управления. Прежде всего встречаем наместие, что управители приказов, из которых насчитались воеводы, пользовались этим как выгодной статьей дохода и торговали воеводствами¹⁸⁷⁾. Приехав в область, воевода старался прежде всего с лихвой вознаградить себя за надержки, которых стоила ему покупка воеводства, и брал широкой рукой, зная, что начальник приказа от которого он зависел, не даст хода жалобам обиженных. Был особенный, благовидно прикрытый обычаями страны способ, к которому обыкновенно прибегали воеводы для вымогания подарков у областных князей. Каждый год воевода делал пиры, на которые приглашал наиболее зажиточных служилых и торговых людей своей области; последние хорошо понимали цель этих пиров и для избежания неприятностей в будущем старались щедро отблагодарить воеводу за честь, которую он им делал. Сметному кормлению, которым пользовались воеводы, подобно прежним наместникам, соответствовал и их наружный вид и обстановка, которой они окружали себя. Инстинкты изменялись над боярской дорожностью, которою отличались областные правители¹⁸⁸⁾. Олеарий, принимая прием, который сделал ему в 1636 г. нижегородский воевода, дивится великолению и важности, которыми последний окружал себя дома. У ворот посетителя встретили два дворянина, которые провели их длин-

¹⁸⁷⁾ 1) разумея в Казанском Дворце, по словам Татищева. Были большие оклады, что на каждый уезд князь; кто платил то, тот получал воеводство. «Областные учреждения», стр. 80.

¹⁸⁸⁾ 2) тотомским воеводе автор повести Кардана замечает: il estoit en honneur tel à la mode des boyares, grand, gros et gras, comme aussy d'ordinaire tous les gouverneurs des provinces. Ст. 106.

ними севьями в переднюю комнату; здесь ждали их два почтенные старца в богатой одежде, которые ввели гостей к воеводе. Последний был одет в парчевое платье и окружен множеством важных лиц. Комната была убрана турецкими коврами и украшалась большим поставцом, который весь уставлен был серебряною посудой ¹⁸⁹).

Меры правительства оказывались бессильными против обычая. Наказания за лихоимство в суде, отличавшиеся особенною суровостью, не много имели успеха. Если судья брал подарки, его могли уличить собственными его слугами или подарившими, которые, обманувшись в надежде выиграть дело, нередко пользовались этим против судьи, чтоб возвратить свои подарки; даже посторонние люди могли доносить на взяточника. Уличенный в лихоимстве должен был возвратить взятые подарки и подвергнуться правезе, пока не выплачивал назначенной пени в 500 в 1.000 или более рублей, смотря по сану. Незначительного дьяка, уличенного в лихоимстве, наказывали кнутом, привязав лихоимцу к шее взятую в подарок вещь, кошелек с деньгами, мех, даже соленую рыбу, потом отправляли наказанного в ссылку. Взятки однакож не истреблялись, хитрецы придумывали способ обходить закон: челобитчик входил к судье и привешивал подарки образам будто на свечи. Были в ходу и другие уловки. Олеарий говорит, что он знал в Москве сановников, которые сами не брали посулов, но не мешали принимать

¹⁸⁹) Маржерет, 34 и 35.—Olearius, 152, 181, 277.—Mayerberg, I, 152 и 153.

их своим жёнам¹⁹⁰⁾. Впрочем и закон вынужден был делать некоторые уступки укоренившимся обычаям: продолжение Святой недели судьям позволено было, вместе с красными яйцами, принимать в дар малоденные вещи и даже деньги от рубля до 12; но это не имело веса посула. Все судьи и чиновники должны были довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными от государя. Эти известия не позволяют считать преувеличенными отзывы иностранцев XVII в. о продажности суда в Московском государстве, о том, что судьи открыто торговали своими приговорами, что не было пресупления, которое не могло бы при помощи денег ускользнуть от наказания; и такие отзывы простираются не на один суд и не на одни второстепенные или отдаленные от центра органы управления: иностранец, приехав в Москву прежде всего узнавал, что здесь посредством шаржов можно всего добиться, даже при дворе¹⁹¹⁾.

Таким образом черты, которыми описывали московское управление иностранцы XVI в., повторяются в описаниях и XVII, с тою разницей, что последние больше говорят о строгости, с которой преследовались злоупотребления. В этих описаниях ясно видна борьба двух

¹⁹⁰⁾ Olearius, 229. Ср. Котошихин, гл. VII, ст. 28: «наказанія не страшатся (судьи), от прелесть очей своих и мысли содержати не могут и руки свои ко взятию скоро допущают, хотя не сами любят, однако по надней дестяжке чрез жену или дочерь, или чрез сына и брата, не ставят того себе ни взятые посулы, будто прити а не владеть».

¹⁹¹⁾ Olearius, 229. Lors que nous arrivâmes à Moscou, l'on nous fit entendre qu'il n'y avoit rien que l'on ne past obtenir de la Cour par le moyen des prezans.

противоположных стремлений, господствовавших в московском управлении того времени: с одной стороны правительство старалось ввести понятие о службе государству, как об общественной должности, с другой—старый обычай заставлял смотреть на нее только как на источник кормления. Само правительство, не вполне освободившись от влияния этих старых обычаев, делало иногда уступки в их пользу. Это видно и на важном нововведении, сделанном в чисто-государственном духе, на утверждении воеводств: воеводы не получали корма, собирали судебные пошлыны в казну, а не на себя; но служивый человек, просясь на воеводство, обыкновенно писал челобитной: «прошу отпустить покормиться»,—и правительство принимало такие просьбы, не видя в этом противоречия с характером воеводского управления; а известия XVII века показывают, что приведенные слова не были одною только формой, удержавшейся по преданию от прежнего времени.

Но если органы управления, под влиянием старого обычая, не во всем точно отвечали новым стремлениям и началам, которые проводило государство, то по крайней мере взгляд общества на разные общественные явления делается несколько яснее и строже. Олеарий здесь не изменяет своему правилу отмечать явления, которых не находили или не замечали предшествовавшие ему путешественники в Московию. Наказания батогами, кнутом и т. п. прежде не считались позорными; в обществе не чуждались людей, побывавших за преступления в руках заплочного мастера; наказание кнутом за неуголовные преступления считали даже царской милостью и наказанные благодарили за него царя; кто попрекал их кнутом, тот сам подвергался за это такому же наказанию.

Последнее продолжалось и в XVII в., но в обществе, как видно из слов Олеария, уже не так спускательно смотрели на людей, побывавших под кнутом или батогами. Подобная же перемена произошла, по словам Олеария, и во взгляде на исполнителей наказаний. Должность палачьего мастера была очень выгодна: кроме царского жалованья он получал значительные доходы, тайно продавая волюк подержавшимся под его надзором арестантам и принимая от них посулы за обещание полегче наказывать. Эта должность считалась даже почетною; оттого значительные кунцы охотно покупали ее и через несколько лет с выгодой перепродавали другим. Олеарий говорит, что в его время, когда Москвитяне начали ближе знакомиться с более мягкими нравами своих соседей, звание палача не пользовалось уже прежним почетом и входило себе гораздо меньше охотников¹⁹²).

VI.

Доходы казны.

Во всех сферах государственного управления последовали в описываемое время важные перемены, вызванные новыми условиями и потребностями, в которые более и более вовлекалось Московское государство. Все эти перемены, особенно в войске, усложняя государственное управление, неизбежно требовали у государства больших средств, больших расходов. Мы знаем, как увеличилось средства московского правительства с объединением северо-восточной России; при всем том мы видим, с какой неотвратимостью блуждал оно интерес казны, не говоря уже

¹⁹² Маржерет, 87 — Олеария, 282 — Корб, 203.

о том, что московские государи издавна отличались бережливостью и расчетливостью. Иоанн III приказывал брать назад шкуры баранов, отпущавшихся на содержание иностранных послов. Съезжал наместник или волостель со своего наместничества или волостельства, а на его место еще не являлся новый,—правительство спешит приказать, чтобы в точности собраны были на государя все кормы, которые следовали наместнику или волостелю за этот промежуток времени. Понадобилось отменить наместников и волостелей за их недобросовестность и поставить на место их выборных старост, которым приказано не брать никаких пошлин и кормов за службу, но эти пошлины и кормы нельзя было оставить совсем и вот тщательно высчитываются все расходы города или волости, шедшие на прежнего наместника или волостеля, и переводятся в оброчную сумму, которую излюбленные головы ежегодно должны были доставлять в Москву без недобору.

Из иностранных писателей XVI в. Флетчер первый перечисляет, хотя далеко не полно, доходы московского государя¹⁹²). В XVI в., как и в XV-м, управление Московского государства сохраняло еще черты прежнего княжеского вотчинного хозяйства, имело чисто-финансовый характер; главною целью всех правительственных учреждений было собиране доходов. Высшими из этих учреждений, ведавшими разные статьи государевых доходов, во второй половине XVI в. были: Дворцовый Приказ, Четверти и Приказ Большого Дворца. Дворцовый Приказ, или Приказ Большого Прихода. Дворцовый Приказ, или Приказ Большого Дворца, получал доходы с го-

¹⁹²) Флетчер, гл. 12-я.

родов и приписанных к ним сел и волостей, составлявших имущественную отчину царя; эти доходы получались деньгами или натурой; иные крестьяне за пользование землей в царской отчине платили непосредственно трудом, обрабатывая в пользу царя известное количество земли. Доход натурой шел на содержание двора и на дачу для царской чести, или на царское жалованье, излишек продавался по выгоднейшей цене. Флетчер и Пассовни говорят, что в этом случае, для скорейшего и выгоднейшего сбыта, запрещалось купцам продавать также-же произведения до тех пор, пока не будет распродан царский товар. При Флетчере от продажи этого излишка царская казна выручала до 230,000 рублей в год ¹²¹⁾, но во время Грозного, который жил роскошнее, не было 60,000. По показанию Маржерета, в Дворцовом приказе обыкновенно хранилось от 120,000 до 150,000 рубл. наличными деньгами ¹²²⁾.

Начальники четвертей собирали чрез областных правителей тягло и подать с остальных земель государства, распределенных между этими приказами. Псковская область ежегодно платила тяглом и податью около 18,000 рублей, область Новгород Великого 35,000, Тверская с Торжком 8,000, Рязанская 30,000, Муромская 12,000, Казанская 18,000, Устюжская 30,000, Ростовская 50,000, Московская 40,000, Сибирская 20,000, Костромская 12,000. Весь годовой итог этой статьи простирался до 400,000 рублей. Внос в казну совершался к 1-му сентября, т. е. в начале года. По показанию Маржерета, который впро-

¹²¹⁾ По вычислению Карамзина, около 1 100,000 наших серебряных рублей. Т. X., прим. 400.

¹²²⁾ Маржерет, 44.

чем трудно принять буквально, тягло и подать были очень высоки, именно с выти или участка в 7 или 8 десятин казенные крестьяне платили 10—15, даже 20 рублей, смотря по качеству почвы ¹⁹⁶).

Приказ Большого Прихода принимал все пошлины, налоги и другие сборы. Сумма торговых сборов с больших торговых городов определялась наперед и собиралась целовальниками или откупщиками. Столица платила ежегодно торговой пошлины 12,000, Смоленск 8,000, Псков 12,000, Новгород Великий 6,000, Старая Руса (от соляной промышленности) 18,000, Торжок 500, Тверь 700, Ярославль 1,200, Кострома 1,800, Нижний 7,000, Казань 11,000, Вологда 2,000. Пошлинный сбор с других городов был не всегда не одинаков. В тот же приказ шел сбор с торговых бань и кабаков, составлявших монополию казны, также судные пошлины, простиравшиеся ежегодно до 3,000 рублей; сюда же поступала из Разбойного Приказа половина имущества всякого преступника, которая бралась в пользу наря, и остатки от доходов других приказов, как-то: Разрядного, Стрелецкого, Иноземского, Пушкарского, Поместного, Конюшенного, которые все имели свои особые доходы. Поместный, раздавая земли, взыскивал за каждую запись по 2, по 3 и 4 рубля, смотря по величине отводимого участка, и собирал доходы с поместьев опальных, пока государь не отдавал их кому-пи-

¹⁹⁶) Маржерет не точно определяет выть. В выти считалось 12 четвертей посева, в десятине 2 четверти, следовательно выть равнялась 6 десятинам. Он же говорит, что некоторые чети, как Казанская и Новая, пятая, ведавшая доходы от витейной продажи, сберегали 80—00 тыс. рубл. чистого дохода.

будь другому ¹⁹⁷⁾. Конюшенный Приказ брал пошлины с продаваемых лошадей. Этому приказу доставлял большие доходы княжеский торг, производившийся в России ногайскими Татарами; за каждую проданную лошадь взималась с продавца и покупателя по 5 коп. на рубль. Как значительны были пошлины с этого торга, можно заключить из того, что Ногаи ежегодно пригоняли лошадей в Россию раза два или три, тысяч по 40 в дуг ¹⁹⁸⁾. Сумма всего годового дохода, поступавшего в Приказ Большого прихода, по Флетчеру, простиралась до 500,000 рублей, при этом Флетчер ссылается на приходные книги Приказа.

Каждое из упомянутых трех учреждений передавало собранный им доход в главное казначейство, находившееся в ограде Кремля. Чистый годовой доход казны простирался до 1,430,000 рублей ¹⁹⁹⁾.

По свидетельству Герберштейна, торговой пошлины взималась со всякого товара, привозного и вывозного, по цене, с рубля по 7 денег, кроме воска, с которого брали по цене в золу по 4 деньги с пуда ²⁰⁰⁾. Судной пошлины

¹⁹⁷⁾ Ежегодный доход этого приказа во время Котошихина простирался до 2000 рублей Гл. VII, ст. 9.

¹⁹⁸⁾ Маржерет, 46. Ср. Котошихин, гл. VI, ст. 6, Средняя цена ногайской лошади, по показанию Маржерета, была 30 руб.

¹⁹⁹⁾ Любопытно сравнить показание Флетчера с показанием Котошихина о суммах денежных доходов казны в половине XVII в.: «И всего денежных доходов, гонорары ей, во всякой годъ въ царскую казну приходить во все времена, со всего государства, кроме того, что исходитъ въ городахъ, въ десять сотъ съ тремя съ одиначать тысячъ рублей, окромъ Сибирская казна». См. гл. VII, ст. 48.

²⁰⁰⁾ В конце XVI в. в Москве брали торговой пошлины по 8 денег с рубля, а эта пошлина называлась медов. Соловьев, «История России», т. VII, стр. 282.

взималось по 20 денег с рубля, или по 10% за всякое решение по гражданским делам; кроме того, со всякого имени, упоминаемого в выдававшихся судебными местами бумагах, брали, по словам Флетчера, в пользу царя по 5, алтын. Потом в месте, где хранилась меньшая печать, за бумагу платили столько же.—Поссевин, Флетчер и Гваньини говорят о невыносимых податях и налогах, которыми обременены были горожане и поселяне. Мы не имеем основания видеть в этих словах преувеличения зная, какие огромные, небывалые прежде военные силы должно было выставлять Московское государство в царствование Иоанна IV и на восток и на запад, каких огромных расходов требовали продолжительные войны этого времени. Каждая важная статья расхода на войско вела к установлению особого налога: так, явились «пищальные деньги», «посошные деньги», «емчужные деньги» (на порох) и проч. С другой стороны, страшное напряжение и потрясение, которое в это время испытало государство от внутренних и внешних причин, должно было вредно действовать на народное хозяйство и сделать еще более чувствительным бремя, лежавшее на тяглом народонаселении.

Кроме денег, подать шла и натурой, напр., мехами из Сибири, Перми и Печоры; по словам Герберштейна, в Пермской области подать платили лошадьми и мехами. Въ прошломъ (1588?) году, говорит Флетчер, собрано въ Сибири царской подати 416 сороковъ соболей, 5 сороковъ куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ». сверх этих постоянных доходов, по свидетельству того же иностранца, много собиралось от конфискации имущества опальных и от чрезвычайных поборов с должностных лиц, монастырей и проч. По показанию Поссевина, митрополит и архиепископы

также платили посылу царя подать, или пособие, как они называли это.

Иностранцы предполагали у московских государей огромные богатства; Посовани объясняет это тем, что они отбирали все серебро и золото, привозимое в государство за-за границы, и не позволяли вывозить его, кроме немногих случаев; даже у своих послов, ездивших за границу, они отбирали серебряные и золотые вещи, полученные пактами в подарок от иностранных государей. То же говорит и Герберштейн. Золото, серебро и драгоценные камни считались при московском дворе преимущественно заслуживающими приобретения; Иоанн III постоянно наказывал своим послам искать и добывать их, где можно. Московские государи вообще отличались бережливостью. Михальон говорит, что московский государь отлично расприражается домашним хозяйством; но пренебрегая ничем, так что продает даже мякину и солому; на пирах его подаются большие кубки, золотые и серебряные, называемые содомениными, т. е. сделанными на деньги, вырученные от продажи оловы. Иностранцы дивились множеству всякой утвари, дорогих и красивых одежд, накопившихся в царских кладовых; многие из этих одежд предназначались только для выдачи на прокат, за известную плату, придворным вельможам, когда последние хотели нарядиться по случаю какого-нибудь торжества, приема иностранных послов, пира с друзьями, свадьбы и т. п.; если при возвращении одежды она оказывалась хотя немного измятой, бравший ее вельможа должен был заплатить деньги по оценке и даже подвориваться телесному наказанию, чтобы впредь этого не делать. Оттуда же брали одежды московские послы, отправляясь за границу. Сокровища государева храни-

лись в Москве, на казенном дворе, а в случае неприятельского вторжения увозились на Белое озеро или в Ярославль; по словам Поссевина, в последних двух городах государь постоянно стал хранить часть своих сокровищ после крымского разгрома 1571 года ²⁰¹).

В XVII в. некоторые статьи государственных доходов должны были получить большее развитие; возникли новые источники доходов; и то и другое было необходимо вследствие расширения деятельности государства и увеличения его расходов. В XVII в. издержки на войско еще более увеличились в сравнении с прежним временем. Мейерберг называет его пропастью, которая поглощает почти все доходы московской казны. Способ покрытия чрезвычайных военных издержек сохранил прежний, случайный характер: возникала нужда в деньгах, — государство вводило новый налог. В мирное время, говорит Олеарий, налоги не обременительны, но в военное — увеличивались в огромных размерах; так, на покрытие издержек второй польской войны, в царствование Михаила Феодоровича, вносили пятину, или пятую часть денег по всему государству; при Алексее Михайловиче брали в начале войны двадцатую, а потом десятую часть денег; наконец, также стали брать пятую.

²⁰¹) Herberstein, 44, 62 в след., 11. — Possevin, 24 и 90. — Михалов, 57. — Guagnini в «Rerum Moscoviticarum auctores vitæ», p. 181. — Флетчер, гл. 12-я. — Маржерет бывал на казенном дворе и сообщает длинный перечень драгоценных вещей, которые он там видел. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце». ч. 3-я, стр. 47—49.

На истощившихся доходах казны иностранцы XVII в., в дополнение к известным XVI в., указывают между прочим следующие статьи:

1) Торговые пошлины с Архангельска и Астрахани. По словам Олеария, в иные годы с одного Архангельска получалось торговой пошлины больше 300.000 рублей. Когда уничтожены были привилегии иностранных купцов, эти пошлины должны были еще увеличиться: Кардилья и рече, приписанный пред царем, говорил, что в то же время английские купцы платили в казну пошлины ежегодно по 6.000 рублей. Торговые пошлины с Астрахани не были так значительны, как с Архангельска; по Олеарию, казна получала с нее больше 12.000 рублей ежегодно²⁸¹).

2) Доходы от питейной продажи. Иностранцы представляли себе эти доходы в огромных, даже невероятных размерах. Кабацное дело в XVII в. едва ли не было самой выгодной монополией казны. Во время Олеария с трех кружечных дворов в Новгороде казна получала больше 6.000 ежегодного дохода²⁸²); если верить Колдильеу, были дворы, приносявшие еще больше, по 10—20 тысяч рублей ежегодно. Олеарий говорит, что в Московском государстве было больше 1.000 кружечных дворов, в которых продажа пива, меда и водки была исключительным правом казны; но это предположить нельзя

²⁸¹) Карбу, кажется, провозвещали количество пива, которое обильно с обеих этих городов в его время, как сказано ему, астраханской и архангельской порты доставляли казне до 10 миллионов денег, или рублей. Стр. 181.

²⁸²) Штраус несколько уменьшает эту сумму, говоря, что каждый из трех новгородских дворов приносил казне ежегодно по (6000) дворян дохода.

и за приблизительное. В каждом небольшом городке непременно было по одному кружечному двору, в некоторых— по два, в больших—по нескольку. Такие же дворы ставились и в селах, даже отдельно, на дорогах: Олеарий, плывя по Оке, видел несколько таких уединенных дворов. Потому Штраус имел некоторое основание сказать, что кабаков в Московии бесконечное множество. В последние годы XVII в. казна получала от питейной продажи больше 200.000 рублей ежегодно.

3) Доходы от продажи соболей и других мехов, поступавших в казну в виде подати и другими путями, преимущественно из Сибири («Сибирская казна»). Добывание мехов в Сибири в пользу казны производилось ссылными преступниками и солдатами, которые посылались туда полками обыкновенно на 7 лет. И те и другие должны были добыть в каждую неделю известное урочное количество мехов²⁰¹).

4) Особенный доход получался от пошлины на икру, которой много шло за границу. При Корбе один голландский купец ежегодно платил в казну за право вывоза икры 80.000 рублей.

5) Доход от железных рудников, который, по показанию Невилля, в конце XVII в. простирался до 50.000 рублей.

6) Казна сама была главным купцом в Московском государстве; кроме продажи произведений, поступавших

²⁰¹) Котошихин, гл. 7: «а сколько числом тое (сибирской) казны придед в году, того описати не в память, а чять тое казны приходу в год боизши шти сот тысячь рублевь». Продажа самых добрых соболей, целой свыше 20 рублей шара, принадлежала одной казне.

в нее государственным порядком, она совершала и другие выгодные обороты, скупая и перепродавая внутренние и привозные товары. Коллине говорит, что казна оптом скупала все товары, которые привозили Греки и Персияне, и перепродавала с большими барышами. Она посылала также в Архангельск огромное количество мехов, масла, пеньки, льна, обменивая их там на шелковые ткани, бархат, парчу, сукно и другие заграничные товары²⁰⁵). Из московских рынков продавалось мясо, орехи, яблоки и холсты, принадлежавшие казне; продававшие торговцы и торговки громко зазывали к себе покупателей, крича, что это — царские товары. Одной из выгоднейших статей доходов казны были также монетные операции. За неимением своего серебра, казна чеканила серебряную монету из привозного металла; преимущественно употреблялись на это немецкие и голландские рейхсталеры, называвшиеся в Москве ефимками. Казна принимала от иностранных купцов по 14 алтын или 42 коп. ефимок, а московской монеты чеканили из него на 64 коп., т. е. получала от каждого ефимка по 22 коп. прибыли.

Иностранцы имели вообще преувеличенное понятие о богатстве московской казны, не зная в точности ее расходов. В XVII в. государственные доходы, конечно, увеличивались, но не в такой мере, как требовали того возраставшие потребности государства. Стоит только сравнить показание Флетчера о сумме денежных доходов казны с таким же показанием Котошихина и потом сделать и расчет хоть только денежное жалованье войску в XVII в., чтобы видеть, что увеличение государственных доходов не шло в уровень с возрастанием государствен-

²⁰⁵) Ср. Патагозия, гл. XII, ст. 1.

ных нужд. Это заставляло правительство прибегать к мерам, истинного смысла которых трудно было не понять. Такова, наприм., была в царствование Алексея Михайловича попытка правительства прибегнуть к кредиту для восполнения недостающих средств на покрытие военных издержек. Правительство стало выпускать в обращение медные деньги, давая им одинаковую ценность с серебряными²⁰⁶). Сначала операция пошла удачно: медные деньги ходили наравне с серебряными, и в продолжение 5 лет вынуждено было, по показанию Мейерберга, до 200.000 рублей медной монеты. Но скоро обнаружился подделка, производившиеся в обширных размерах, благодаря надкостки на посулы царского тестя Ильи Даниловича Милославского и приказных людей²⁰⁷). При Мейерберге (в 1661 г.) в московских тюрьмах содержалось до 400 делателей фальшивой монеты. Потом сама казна много повредила ходу медных денег, стараясь вытеснить из обращения и привлечь к себе серебряные деньги: подати и налоги собиравлись серебряною монетою, но жалование ратным людям и все уплаты казны выдавалась медною²⁰⁸). Медные деньги стали быстро падать; после-

²⁰⁶) Мейерберг, так определяет прибыль, которую получала казна от этой операции: «ayant dépensé cent soixante copies pour acheter du cuivre il (царь) en fit à son profit cent rubles dans ses monnoies, de sorte qu' avec la même depense dont il payait auparavant un soldat, il en payoit soixante». Mayerberg, II, 123.

²⁰⁷) Мейерберг говорит, что Милославский даже сам участвовал в подделке монеты и выпустил ее на сумму 120.000 рубл. *ibid.*, p. 130.

²⁰⁸) Мейерберг прямо указывает на это, как на одну из причин упадка медной монеты: «il (народъ) remarqua qu'elle (мон) faisait peu d'état de sa monnoie et il commença de même d'en faire peu d'estime». Котошихин также указывает на то, что «въ государстве серебряными деньгами учала быть скудость».

должна страшилась дороговизны: хлеб продавался в 14 раз дороже прежнего. Через вѣсѣла волноваться, и правительство принуждено было отказаться от неудачной операции и перейти на обращение медною монетою.

Указание на сумму всех доходов казны деньгами мы имеем от конца предпоследняго десятилетія XVII в. Певиль говорит, что она не превышает 7 или 8 милл. динров, т. е. была почти та же, какую показывает Котешнев; следовательно, в 25 лет, протекших со времени богатства послѣдняго на Московскаго государства, до конца правления Софьи, в государственных доходах не последовало значительнаго приращенія. Но денежные доходы казны не определяют государственных доходов того времени; казна попрежнему получала многие сборы натурой; определить стоимость таких доходов затрудняется даже Котешнев, такъ близко стоявшій къ дворцовой администраціи²⁹⁹).

Такими известіями иностранцевъ об устройствѣ и управленіи Московскаго государства. В XV в. мы находим у насъ именно бѣглые замѣтки: государство еще не установилось, не все стороны его определились и обозначались. Писатели XVI и XVII в. наблюдаютъ его больше, говорятъ о немъ подробнѣе, но между теми и другими есть замѣтная разница. Писатели XVII в. меньше поражаются особенностями, которые представляло Московское государство западному европеѣцу; они какъ будто уже привыкли къ нимъ, изъ сужденія объ этомъ государствѣ становятся все спокойнѣе и сдержаннѣе; они видятъ в немъ не одни

²⁹⁹) Олонецка, 221, 275 и 310.—Mayerberg II, 110—121.—Carpelie, 22 и 227.—Tanner, 41.—Stroyk, 112.—Neuville, 2, 216 и 217.—Karl, 124—126.

темные стороны, но охотно указывают и на многие светлые явления, какие удалось им заметить, не без удовольствия приветствуют первые начатки преобразований. Но то у писателей XVI в.; чем больше вглядываются они в порядки Московского государства, тем жестче и мрачнее становятся их отзывы. Герберштейн часто будто невольно прерывает свой ровный рассказ сдержанной, но полновесной фразой порицания и неудовольствия. У Поссевина и Гваньини резкость отзывов доходит иногда до горечи и злости. Наконец, Флетчер при каждом удобном случае делает в своем описании отступления, полные горьких и энергических возгласов о деспотизме, произволе и недобросовестности, на которых, по его мнению, основан весь государственный порядок в Московском царстве; во всех мерах и действиях московского правительства он видит одну цель—угнетение и разорение народа, к которому он прилагает всевозможные жалкие эпитеты. Это постепенное усиление резкости и порицания в отзывах иностранцев XVI в., наиболее знакомых с описываемой страной, недостаточно объяснять только тем, что, ближе всматриваясь в положение Московского государства, они яснее видели и темные стороны, или тем, что с развитием самого государства и темные стороны усиливались и выказывались яснее. Темных сторон, язв, которыми страдало государство, было много, они понятны; понятны и те явления, которые так неприятно поражали иностранцев XVI в. при московском дворе в эпоху борьбы самодержавия с дружинными преданиями: в борьбе за жизнь не разбирают средств и мало думают о приличии манер. Понятно и неодобрение, которое вызывали эти темные стороны в людях с лучшими понятиями, привыкших к лучшим порядкам. Но эти люди видели в

Московском государстве болше, вижели только темные стороны, исторически образовавшися: Поссеви и Флет-р видят во всех сторонах государственного устройства Москвитини какую-то широкую, строго рассчитанную систему политического киварства, соединенного с призволом и расказном. Московские государи, конечно, не были похожи на прежних князей—вождей дружини, живших день за день, как Биг укажет: они рано привыкли заботливо думать о завтрашнем дне; но видеть в созданном ими государстве то, что видели иезунт или английский доктор гражданского права, значит видеть в нем слишком много. Нет сомневая, что дело было гораздо проще. Но чтобы уловить себе, как мог составиться такой взгляд, надобно иметь в виду те впечатления, которые образованный европеец прежде всего выносил из внимательного наблюдения над ходом дел в Московском государстве XVI в. Если бы он нашел страну в первобытной дикости, то отнесся бы к ней с любопытством—и только. О степных кочевниках иностранцы не отзываются с такой горечью, как о Москвитини, потому что с них нечего было и взыскивать, у них не замечалось ни явлений, которые могли бы особенно сильно затронуть образованного европейца и вызвать в нем что-нибудь более простого любопытства. Татары прямо говорили, что их родина—степь, и дивились, как можно жить постоянно на одном и том же месте, в душных городских стенах. Но в Московском государстве XVI в. иностранцы замечали широкое претезиши стать наравне с другими, даже выше многих других, замечали желание вписаться в число потомков Августа и пристать к семье христианско-европейских государи, при первом случае завязать с ними сношения, создавать общие интересы,—и при этом встречали ливнат-

скую подозрительность к пришельцам из христианской Европы, пренебрежение, с которым московский государь отзывался о западных государях, слышали, что этот государь моет руки посло приема западно-европейских христианских послов. Одни явления не позволяли им отнестись к Московскому государству, как к первобытной стране, а другие отнимали у них желание судить о нем снисходительно, как о государстве, не окрепшем и не устроившемся окончательно,—и они, не задумываясь долго над историей, сочли себя в праве приложить к нему мерку своих государств, пред которой Московия, разумеется, оказалась далеко не состоятельной. Допустив одну неправильность, они допустили и другую: недостатки неразвитого, молодого государства объясняли причинами, которые действуют в государствах пзжившихся и дряхлеющих. Эта неправильная точка зрения не позволяла им видеть именно ту сторону государства, которая могла дать более простое и естественное объяснение многих явлений, так неприятно поражавших в нем наблюдательного европейца.

VI.

Вид страны и ее климат.

Перейдем теперь к изложению сообщаемых иностранцами известий о материальном состоянии страны и ее жителей, о качестве тех источников, из которых государство черпало средства для удовлетворения своих с каждым днем умножавшихся потребностей. Экономическая жизнь Московского государства занимает в известиях иностранцев гораздо меньше места сравнительно с другими его сторонами, но зато к известиям этого рода мы в праве относиться с большим доверием, нежели к

всяким другим известным иностранцам. Факты внешней материальной жизни доступны точному наблюдению; обсуждение их оставляет меньше простора личным симпатиям и антипатиям, сильно сдерживает привычку мерить явления чужой жизни своими домашними понятиями. Московия, по повелению иностранцев, представляла вид совершенной равнины, покрытой обширными лесами и пересекаемой по всем направлениям большими реками, обильными рыбой; можно сказать, что вся Московия не что иное, как сплошной лес, за исключением тех местностей, где его выжгли для обращения в поле, годное к обработке. Поверхность этой равнины редко поднимается значительными возвышениями; часто на обширном пространстве не встретишь ни одного значительного холма. Страна эта имеет огромное протяжение в длину и ширину. С юга и частью с востока она окружена неизмеримыми пустынями, безлесными и скудными водою степями, а с запада и севера—обширкими дикими лесами или близкими местностями.

Благодаря этому, трудно проникнуть в нее или выйти из нее большими путями, и каждый должен держаться больших дорог, чтобы не заблудиться в непроходимые лесистые или болотистые места. Крымские Татары недаром называли леса для Московского государства «великими кладовыми». Леса богаты пушными зверями, вероятно высокими соснами, превосходным дубом и кленом. Московия казалась западным европейцам другою частью света, по выражению Кампанеллы, не по одному отдаленному своему положению на границах Азии и Европы, не по одному своему дикому, пустынному виду, но и по многим особенностям своей природы, своего климата, отличающегося резкими противоположностями в явлениях зимы и лета.

Западные путешественники с удивлением рассказывают о чудесах, которые творит там мороз: от его суровости земля трескается, образуя широкие расщелины, деревья раскалываются сверху до корня; часто лошади привозят сани с замерзшими седоками; хищные звери, гонимые голодом и стужей, выбегая из лесов и нападая на селения, врываются в дома жителей, которые от страха разбегаются и мерзнут подле своих жилищ. Зима сменяется совершенно другими явлениями. Большие реки, пересекающие Московию, поднимаясь от тающих весной снегов, во многих местах превращают поля в болота, а дороги покрывают стоячею водою и глубокою грязью, иногда не просыхающею до тех пор, пока реки опять не покроются льдом и болота не окрепнут от мороза настолько, чтобы по ним можно было безопасно ходить. Благодаря множеству лесов, рек и озер, обилию растений, страна бывает чрезвычайно приятна и прекрасна весной и в начале лета; но неумеренные летние жары, подобно зимним холодам, делают невыносимым путешествие по стране и сопровождаются печальными явлениями: под влиянием знойного солнца, от громадных лесов и бесчисленных стоячих вод зарождается такое множество комаров и других насекомых, что с трудом можно защититься от них. Реки и источники во многих местах высыхают, трава и хлеб выгорают на лугах и полях, от чего происходит страшная дороговизна жизненных припасов²¹⁰). Такие жары сильно способствовали пожарам, и Герберштейн видел, как горели деревни, леса и поля, покрытые созревшим хлебом,

²¹⁰) Герберштейнъ рассказывает, что в 1525 г. вследствие засухи хлеб так вздорожал, что меру, стоящую 3 деньги, продавали по 20 и по 30 денег (стр. 45)

зель округ наполнился мраком и дымом, страшно раздвигавшим глаза.

В первой четверти XVI в. встречаем краткие указания на то, что глухие лесные пространства начали уступать усиленным осодлого населения, по крайней мере там, где можно предполагать большое развитие промышленной деятельности и большую степень населенности. Ювию рассказывали, что леса, наполняющие большую часть Московии, в некоторых местах уже расчищены и засеяны и теперь не представляют таких страшных и непроходимых дебрей, как прежде. Герберштейн также видел в Московской области множество пней больших деревьев и заключает из этого, что недавно страна была еще лесистее ²¹¹⁾. Воздух вообще, особенно в центральных областях, хорош и здоров, так что там мало слышно о заразных болезнях, которые происходили бы собственно от климата. Оттого, когда в 1654 г. в Смоленске появилась моровая язва, все были изумлены, тем более что никто не помнил ничего подобного ²¹²⁾.

Иногда, впрочем, сильно свирепствует и здесь болезнь, похожая на язву, от которой страдают внутренности и голова; Москвитяне называют ее «огнива»; заболевающие этой болезнью скоро умирают, немногие выздоравливают ²¹³⁾.

²¹¹⁾ Н. de Lannoy, 21.—Барбаро, 62.—Коптарник, 102, 117.—Камарилло, 27—31.—Ювий 23, Herberstein 15—Olearius, 18, 121.

²¹²⁾ По словам Козлиньск, эта язва истребила в 1655 г. около 10000 человек. Петрай замечает, что моровая язва чаще появлялась на границах Московского государства, нежели во внутренних областях.—Козлиньск, 177—Petrojus, 317.

²¹³⁾ Герберштейн называет эту болезнь Сибг, Гвацьван переводит словами «однуова язва». Ср. Petrojus, 317.

Или, виденные иностранцами, были остатками вырубленного или выжженного леса: так мирный труд постепенно зачищал себе почву.

VIII.

Почва и произведения.

Большая часть земель, которыми в XV и XVI вв. владел труд оседлого московского народонаселения, далеко не принадлежала к самым плодородным местностям восточной Европейской равнины. Эти самые плодородные местности и в XVI в., как в X, были притоном кочевников, и хотя во второй половине XVI в. длинная полоса их по Волге вошла в состав Московского государства, но большей частью была еще недоступна мирному оседлому труду, и эти степи лежали впусе, продолжая быть спорною землей между Европой и Азией. Только по некоторым углам этих степей земля обрабатывалась и являлась во всей силе своего плодородия. В местах по нижнему течению Дона, где в XV в. Татары, не переставая кочевать, занимались немного и земледелием, даже и при их небрежном способе обработки, пшеница очень крупная зерном, по свидетельству очевидца, родилась сам-50, а просо сам-100, и иногда жатва была так обильна, что кочевники не знали, куда девать хлеб, и часть его по необходимости оставляли на месте ²¹⁴). Но хотя почва Московского государства далеко не могла равняться в плодородии с почвою этих степных пространств, однако же она большею частью вознаграждала труд земледельца, и, истощаясь в одних местах, представляла в других не-

²¹⁴) Барбаро, 37.

тронутые нищ, обещавшие по крайней мере в первые годы по выходе из под леса богатую жатву. Мейерберг рассказывает, что едва ли есть в мире страна, которой Московии могла бы позавидовать как в доброкачественности воздуха, так и в плодородии полей. О почве Московского государства, замечает Оlearий, можно сказать вообще, что она производит больше хлеба и корма для скота, чем сколько потребляет страна. Голландцы не даром признавались, что Московия для них то же, чем была Сицилия для Рима. О дороговизне там редко слышно. Притом в краях, отдаленных от судоходных рек, отсюда следовательно трудно возить хлеб на продажу, жители обрабатывают землю только в таких размерах, чтобы можно было просуществовать в продолжение года, не заботясь об излишке и запасе, ибо они знают, что земля всегда даст им необходимое. Оттого там много прекрасных, но нетронутых или запущенных земель, на которых растет одна трава, да и ту не стараются косить, потому что скот и без того имеет достаточно корма. Описание Герберштейна дает нам возможность сравнить качество почвы и зависящее от этого развитие земледелия в разных краях Московского государства. По его словам, почва собственно Московской области не отличается особым плодородием, потому что почти везде несправедливо и убивает жатву при малейшем излишке влажности или сухости. Хлеб и обыкновенные овощи Московская область производит в достаточном количестве, но ей не достает хороших садовых плодов. Почва Владимирской и Нижегородской области гораздо плодороднее: одна мера пшеницы на ней даст иногда 20, даже 30 мер; но в этих областях танутся обширные леса. Юго-восточная часть Владимирской об-

ласти по р. Клязме отличается особенным плодородием, а противоположность менее плодородной и населенной северо-западной части. Эти области занимают по плодородию и обилию произведений второе место после Рязанской области, которая считается самую плодородную из всех областей Московского государства; по рассказам, каждое зерно дает там по два колоса и больше, отчего нивы летом так густы, что с трудом пройдет лошадь и перепела не могут вылететь из чащи колосьев.

Таким же плодородием отличаются поля, лежащие по течению Оки. В северной стране почва, где обрабатывается, дает хороший урожай, но таких мест немного; там и сям попадаются обширные пустыни; особенно много лесов; вокруг Брянска тянется огромный лес, имеющий 24 мили в ширину; страна подвержена постоянным набегам Татар.

Вокруг Смоленска лежат плодородные возвышения, но область большею частью покрыта лесами. По ту сторону верхней Волги, в Новгородской, Вологодской и частью Тверской области почва неплодородна; это страны обильные водой, во многих местах болотистые, скудные хлебом, и этим они резко отличаются от стран по сю сторону Волги, более сухих и почти везде имеющих плодородную почву. Ехавший из Новгорода в Москву резко чувствовал это различие двух областей в образовании поверхности и в качестве почвы: начиная со средины расстояния между Вышним Волочком и Торжком, с того пункта, где проходила граница прежних Новгородских владений и Московской области, по направлению к Волге, земля становилась заметно ровнее, плодороднее, возделывалась тщательнее и повсюду представляла больше хлебных полей. В Ростовской и Ярославской области

почва еще довольно плодородна, особенно в местах, прилегающих к Волге; но далее на север, в областях Белозерской, Вологодской и Устюжской лежат обширные, неплодородные и неовладеланные пространства, наполненные лесами, реками и частыми болотами. Это страны пушного, рыбного и соляного промысла; земледелие находится здесь в самом жалком состоянии, в большей части мест здесь не знают хлеба или очень редко употребляют его. Теми же самыми чертами отличается почва и на северо-востоке от среднего течения Волги, в областях Вятской, Пермской и т. д. Государство присоединяло их к своим владениям без особенного труда, но трудно завладевало ими мирное население государства; в XVI в. здесь среди лесов и болот много еще бродило хищных кочевников. Герберштейн прямо говорит, что эти страны пустыни от соседства с Татарами. О Вятской и Пермской областях известия в XVI, и XVII в. в. говорят, что земледелие здесь не распространено, что туземцы живут охотой и рыболовством, не заботясь о хлебе. Но замечательно известно о горных Черемисах и Мордве, живших на правом берегу среднего течения Волги: это также грубые люди, платящие дань мехами; но они народцы оседлые, непохожие на своих заволжских соседей, не имеющие такой склонности к разбойничеству, как последние и усердно занимающиеся земледелием. Таким образом, мы можем принять верхнее и среднее течение Волги за черту, далее которой к северу и востоку в XVI в. заметно начали успехи земледелия и культуры ²¹⁸). Иностранные известия не дают нам указаний на успех,

²¹⁸) Herberstein, 44—63 — Ulfeld, 20. — Mayarhedg., 11, 32 60, 79. — Olearius, 118.

с каким распространялось земледелие на север и восток от Волги в XVII в. сравнительно с прежним временем. С конца XVII в. вместе с русским населением земледелие стало распространяться и по ту сторону Камни, но есть ясные указания, что и во второй половине XVII в. земледельческий промысел находился в Сибири, как и в Пермь с Вяткой, исключительно в руках русских поселенцев, что туземцы речной области Тобола продолжали по-прежнему обходиться без хлеба, питаясь охотой и рыболовством. По описанию Флетчера, плодородные места лежали между Вологдой и Москвою и далее на юг, до крымской границы, между Рязанью и Новгородом, между Московою и Смоленском ²¹⁶).

Известия о земледельческом хозяйстве, впрочем немногие указывают; что в нем сохранялись еще простые, можно сказать, первобытные приемы. Пахали деревянными орудиями без железных сошников; дальнейшее разрыхление производилось сучковатыми ветвями, кой-как сколоченными между собою; эту не хитрую борону лошадь возила по полю, разбивала комы вспаханной земли. При такой простоте обработки нельзя отказать в доле правды известию Маржерета, что мальчик 12 или 15 лет мог с одною лошадью обработать в день одну или две десятины. Сжатый хлеб располагали кучками или складывали в виде шалашей с уступами на подобие ступенек, чтобы ветер свободнее мог проникать в снопы и просушивать их. Перед молотьбой хлеб просушивали в натопленных шалашах (овинах); такую просушку считали выгодной в том отношении, что отвердевшие в дыму в тепле зерна могли долго лежать, не подвергаясь порче.

²¹⁶) Флетчер гл. 2-я

Для милодобы крестьяне выравнивали парод овном амьды (ток), в зимнее время полагали ее водой, и когда таким образом ток покрывался льдом, на нем раскладывали снопы и желотван.

Мельниц водных и ветряных было немного; в большом употреблении были домашние ручные мельницы, состоявшие из двух круглых жерновов, посредством которых каждое крестьянское семейство мололо себе столько муки, сколько ему нужно. Овным хлебом была только рожь; остальные хлеба сеялись весной. Рожь сеяли в начале мая полевные августа, пшеницу и овес, смотря по продолжительности зимы, в апреле или в мае, ячмень в конце мая. В северных частях России сеяли только за три недели до Иванаова дня и меньше, чем чрез два месяца хлеб уже поспевал, благодаря солнечному жару, так что в 9 недель успевали посеять, скотить и свозить хлеб на гумна. Если в местах, отдаленных от торговых путей, оставались бы употреблении много хорошей земли, удобной для обработки, то разумеется, не могли много хлопотать об удобрении почвы. Маржарет, впрочем, слышал, что кой-где это удобрение существовало, разумея при этом, без сомнения, центральные местности государства, где при большой густоте населения и сравнительно меньшем плодородии земли с ней не могли обращаться так небрежно, как по юго-восточным окраинам. Коллинс замечает даже, что в это время лучшие земли мало приносили дохода, потому что им не давали отдыхать, а другие земли от недостатка в людях оставались необработанными²¹⁷).

²¹⁷ Р. в Вацбах, 248, 310.—Маржарет, 14, 78.—Джонсон 118.—Сертеле, 31.—Коллинс, 173.

Главное произведение такой преимущественно земледельческой страны, какою было Московское государство, составлял, разумеется, хлеб. В Московии, говорит Новий, нет ни винограда, ни других нежных растений, но поля покрыты пшеницей, просом и другими хлебными растениями, а также всякого рода зеленью ²¹⁸). Главные из этих растений суть: пшеница, рожь, ячмень, овес, горох, греча, просо. Они произрастают даже в изобилии, и потому очень дешевы: четверть пшеницы, по свидетельству Флетчера, продавалась иногда по два алтына.

С земледелием тесно связывалось скотоводство; оно доставляло важные продукты для заграничной торговли — кожи и сало; оно особенно развито было, по свидетельству Флетчера, в областях Смоленской, Ярославской, Углицкой, Вологодской, Городецкой. Важное место занимали продукты, которые доставляли лес и воды. Герберштейн во всех почти областях Московского государства указывает на добывание мехов, меда, воска и рыбы; жители почти всех центральных областей, после земледелия, более всего промышленяли этими предметами, а в северных областях, где земледелие было менее развито, меховой и рыбный промыслы являлись на первом плане; к этому еще присоединялось добывание соли. Потому здесь чувствовался сильный недостаток в хлебе. Пермьки, по свидетельству Флетчера, иногда пекли себе хлеб из корня и коры соснового дерева. По словам Новия, природа за недостаток драгоценных металлов щедро вознаградила Московию редкими мехами, высоко ценившимися за границей. Леса областей, ближайших к центру государства, —

²¹⁸) Новий 89.

Владимирской, Смоленской, Северской и в местностях по Оке, отличались обилием горностаев, белок и куниц.

Чем далее к северу и северо-востоку, тем более увеличивалось пушное богатство. По свидетельству Флетчера, лучшие собольи меха добывались в областях Печорской, Югорской и Обдорской; белых сортов — в Сибири, Перми и проч. Меха черных и красных лисиц добывались в Сибири, а белых и бурых в Печорской и Двинской области; лучшие меха росомахи на Печоре и Перми, а лучшие куницы в Сибири, Муроме, Перми и Казани; лучшие беличьи, рысьи и горностаевые шли из Галича и Углича, также в большом количестве из области Нижегородской и Пермской. Лучшие бобры водились на Мурманском побережье, близ Колы. По свидетельству Герберштейна, в приморских краях Двинской области добывали и отвозили в Москву много мехов белых медведей. Сибирь, вошедши в состав Московского государства, заняла почетное место в его меховой промышленности. Меха, особенно куницы, которых, если верить Коллинсу, нигде, кроме Сибири, не вывозили в его время, были главным предметом торговли сибирских жителей. Они ездили на охоту толпами, недель на 6 или на 7, отправляясь на санях, запряженных в 30 или 40 собак¹¹⁹⁾. Кроме туземцев, в XVI в. звериный промысел был обязанностью ославившихся в Сибирь преступников. Лес доставлял и строевой материал, — необыкновенно высокие сосны, превосходный дуб и клен. Но самыми главными после мехов произведениями Московской земли, которые доставлял лес, были мед и воск. По словам Попова и Кампелле, вся страна изобилует плодовитыми

¹¹⁹⁾ Коллинс, 575.

пчелами, которые клали отличный мед не в искусственных крестьянских ульях, а в дуплах деревьев, без всякого присмотра. В дремучих лесах и рощах, говорит Иовий, ветви часто бывают усеяны роями пчел, и часто можно видеть, как они сражаются между собою и далеко преследуют друг друга. Поселяне, которые держат домашних пчел и передают их по наследству из рода в род, с трудом могут защищать их от нападений диких пчел. В древесных дуплах часто находят большие соты старого меда, оставленного пчелами; иногда встречаются очень толстые пни, наполненные медом. Русский посол рассказывал Новию, как один крестьянин, опустившись в дупло огромного дерева, увяз в меду по самое горло; тщетно ожидая помощи в глухом лесу, он два дня питался одним медом и выведен был из этого затруднительного положения медведем, который опустил задними лапами в то же дупло: крестьянин схватил его руками за хвост и закричал так громко, что испуганный медведь быстро выскочил из дупла и вытащил вместе с собою крестьянина ²²⁰). Мед в значительном количестве шел из Мордвы и Кадома, близ земли Черемис, также из областей Северской, Рязанской, Муромской, Казанской и Смоленской ²²¹). Реки Московии, говорят иностранцы, наполнены рыбой; следовательно, развитие рыболовства, в известной степени, можно предполагать во всех областях Московского государства. Но рыболовство вместе с звероловством усиливалось в том же направлении, в котором уменьшалось земледелие, т. е. к северу и северо-востоку.

²²⁰) Кампензе, 31. — Иовий, 39 и след.

²²¹) Флетчер, гл. 3-я.

Некоторые реки известны были особенным обилием и качеством своей рыбы. Первое место между реками относительно обилия рыбы занимала Волга. По качеству наиболее ценилась в торговле окая рыба, особенно пойманная около Муромы, также рыба из Шексны; эта рыба отличается той особенностью, что заходящая сюда из Волги рыба делается тем лучше, чем далее остается здесь; потому опытные рыбаки, поймав рыбу в Волге, сейчас уходят, была ли она и долго ли была в Шексне. Города, замечательные по рыбному промыслу, были: Ярославль, Нижний, Астрахань, Казань, Белозеро¹²²⁾. Около Астрахани рыболовство производилось в больших размерах. Вверх и вниз от нея по Волге добывалось множество карпов, стерлядей и белуг. Штраус описывает способ ловли последних: в реке сбивают ряды кольев в виде треугольников, оставляя небольшие входы; попав сюда, белуга не может выйти, даже повернуться в узком пространстве. Тогда рыбаки бьют ее дротиками и вынимают из нея икру, самую белугу солят и отправляют в Москву, где ее покупает простой народ. Икру, добывавшуюся из белуги и осетра, клали в огненные мешки с солью и, продержав там несколько времени, сжимали ее и высушивали в боченки. Астраханская икра славилась в Европе; особенно много вывозили ее в Италию¹²³⁾.

Солонварение преимущественно развито было в северных областях — Новгородской, Двинской и проч.; лучшая соль, и в большом количестве, добывалась в Старой Русе, где было много солонварен. Гербарштейн оставил краткое

¹²²⁾ Herberstein, 14—15. Флетчер, гл. 2-я.

¹²³⁾ Слоух, 44.

известие о способе добывания здесь соли: запрудив соляную речку в большой яме, промышленники проводили воду каналами, каждый в своей солеварне, и здесь вываривали соль. Соль также добывалась в Перми, Тотьме, на Вычегде, по берегу Белого моря, на Соловках. В двух милях от Нижнего также было много солеварен, представлявших вид целого городка; за несколько лет до Герберштейна они были сожжены Татарами, но при нем восстановлены по указу государя ²²¹⁾. Ниже Казани известна была по добыванию соли Соляная гора, на правом берегу Волги, недалеко от впадения в нее р. Усы. При подошве горы построено было несколько хижин, в которых жили промышленники; они извлекали соль из горы, вываривали ее, потом выставляли на солище и по Волге отправляли в Москву ²²²⁾. Страна по нижнему течению Волги занимала одно из первых мест в московской промышленности по богатству соли. В степях на запад от Астрахани было много озер, доставлявших превосходную соль. Известнейшие из них были *Moza-kowski* — в 10 верстах, *Kainkowa* — в 15 и *Gwo-stoffski* — в 30 верстах от Астрахани. Озера эти имеют соляные жилы, из которых соль выливает на поверхность воды, слоями, на подобие льдин, толщиной в палец, и от солнечного жара делается чистою, как кристалл. Всякий мог добывать ее, платя в казну по полуконейки с пуда ²²³⁾. Эта соль имеет запах фиалки; москвитяне добывали ее во множестве, свозя ее кучами на берег Волги и отсюда переправляя в другие места. В Смоленской и Двинской областях в большом количестве гнали де-

²²¹⁾ Herberstein, l. cit.

²²²⁾ Olearius, 295.

²²³⁾ Olearius. 316.

году; в Углице, Ярославле, Устюге добывали селитру; по Волге в малом количестве добывали серу, но не умели очищать её. По словам Герберштейна, на расстоянии перелета стрелы от Белозера есть серное озеро; вытекающая из него речка много уносила серной пены, но от неумения жителей эта сера пропала без пользы. Герберштейн указывает на добывание железа в Серпухове, а три Фантнера много добывали его в Корелии, Каргополе и Устюге. Из других произведений царства ископаемого в XVI веке добывались слюда на Северной Двине подле Архангельска и в Керельской области из мягкой скалы. В XVII в. рудоконное дело в России приняло большие размеры. К помянутым железным рудникам прибавились рудники, открытые незадолго до приезда Олеария в Москву, недалеко от Тулы, на границах Татарии; их разрабатывали мастера, высланные царю саксонским курфюрстом. Работами заправлял известный Петр Марселис, который устроил там плавильню, по условию с царем, и ежегодно поставлял ему известное число железных полос в огнестрельного оружия. Приискиванием и разработкой рудников во все описываемое время занимались исключительно иностранцы. Еще в конце XV века немецкие мастера открыли серебряную и медную руду на реке Цимме, в семи днях пути от р. Печоры; но в XVII в. эти рудники или были оставлены, или разрабатывались в незначительных размерах, так что иностранные путешественники почти до конца XVII в. продолжают повторять, что, кроме железных, никаких других рудников не разрабатывается в Московском государстве¹⁸⁷⁾. Однакож,

¹⁸⁷⁾ Только Рейнвальд кратко замечает, что где-то у Поморья добывается медь.

в попытках отыскать другие металлы не было недостатка. Олеарий рассказывает, что лет за 15 до него царю дали знать, что в одной области непременно найдется золото, если употребить на этот предмет труд и деньги; царь поддержал предприятие, но оно не удалось и повело к разорению предпринимателя. Таких попыток было несколько; постоянная неудача их научила правительство не доверять им и оно не иначе соглашалось поддерживать их как при надежном ручательстве. В бытность Олеария в Москве, один английский промышленник, надеясь открыть в одном месте золото, уговорил некоторых своих друзей поручиться правительству за сумму, которую он испросил у него для своего предприятия. Но попытка опять не удалась, искателя золота посадили в тюрьму, а поручители принуждены были заплатить за него.

Только во второй половине XVII в. царь приказал нескольким иностранцам осмотреть горы за Казанью, по направлению к Сибири, где найдены прииски золота и серебряной руды ²²⁵).

Путешественники XVII в. оставили несколько известий о садоводстве и огородничестве в России. Герберштейн не видел в Москве ни хорошей вишни, ни орехов, кроме простых лесных и, судя по климату, даже не считает страну способной производить хорошие садовые плоды. Почти все путешественники XVII в. находили противное, указывая на успешное разведение в Московской садовых и огородных растений. Они пишут, что в областях, не слишком удаленных к северу, особенно около города Москвы, рождаются превосходные плоды, между про-

²²⁵) Рейтенфельс, 47.

чим яблоки, груши, сливы, вишни, малина, смородина; на огородах растут разного рода овощи и поваренные травы, огурцы, коренья, дыни и арбузы, особенно много лука и чеснока. Озеарий видел такие белые и прозрачные яблоки, что если смотреть сквозь них на солнце, без труда можно пересчитать в них зерна. Дыни растут в очень большом количестве, очень вкусны и иногда бывают необыкновенно велики: Озеарию подарили в Москве дыню в худ весом; дыни весом в полпуда встречались часто. Пато и разведением их занимались с особенным старанием и умением: семена клали на двое суток в молоко или в овечий навоз, растворенный дождевою водою, чтобы дать им размокнуть. Грядки делали для них из лошадиного навоза, который покрывали самой хорошей землей. В такие грядки углубляли семена на столько, чтобы они могли быть не только безопасны от холода и при этом воспринимать действие солнечных лучей, но и пользоваться теплотой, которую доставлял им снизу навоз на ночь, а иногда и днем их покрывали постилками ¹²⁹). Озеарий говорит, что красивые садовые цветы и травы появились в Москве недавно, здесь даже считали их смешной забавой; царь Михаил Федорович первый начал украшать свой сад дорогими травами и растениями. До этого времени в Москве знали только дикую розу; гамбургский купец Петр Маршалс первый привез в Москву бархатную розу, которая хорошо принялась. Около того же времени голландские и немецкие купцы начали разводить в Москве свербжу, которая во время Озеария росла в сабинилу, в вадец толщеюной. О салате в Москве также не имели прежде понятия и даже смеялись над

¹²⁹) Olearius, 119 — Lybeck, 23.

иностранцами, что они едят траву, как животные; но во время Олеария и в Москве начинали находить в нем вкус, во второй половине XVII века редко можно было встретить в Москве сколько-нибудь порядочный дом, сад которого не был бы наполнен цветами и салатом. Астрахань особенно известна была своими садовыми плодами, яблоками, персиками, дынями, но преимущественно арбузами. Татары привозили их в город возами и продавали по копейке пару и больше. Как в Москве западные купцы распространили спаржу и салат, так и в Астрахани около того же времени персидские купцы положили начало разведению винограда: один монах посадил привезенные ими виноградные лозы в своем монастыре подле города; они принялись, и в 1613 г., по царскому приказу, тот же монах устроил целый виноградник. Дело шло с таким успехом, что в 1636 г., когда приехал в Астрахань Олеарий, там не было почти дома, в котором бы не занимались этим производством и оно было так выгодно, что иному владельцу виноградника приносило более 50 р. дохода. Из своего винограда Астрахань выделявала до 60 бочек превосходного вина ²⁸⁰⁾.

IX.

Народонаселение.

Иностранцы, писавшие о Московском государстве с чужих слов, как Кампензе и Климент, говорят, что Московия, несмотря на свою обширность, очень хорошо населена; но приняв в соображение только то, что в одной, большей половине Московской земли преобладали

²⁸⁰⁾ Olearius, 317.—Tanner, 71.—Struys, 121.

лет и беднее, а в другой — открытая степь, соседственная с хищными кочевниками, иностранец мог уже заключить, что эта страна не только не богата, но даже бедна населением. Это заметили все иностранцы, бывшие в Москве и внимательно наблюдавшие ее состояние. Если бы, говорит Флетчер, все владения русского царя были заселены так, как некоторые места, то он превзошел бы всех соединенных государей своим могуществом. Под этими некоторыми местами английский посланник разумел, без сомнения, земские центральные области государства и немалые другие пункты, которые имели особенно благоприятные условия для умножения народонаселения. У него и у других иностранцев мы находим прямые указания на скудость населения по обширным окраинам государства и мы видим, как близко к центру подходили эти окраины. Земли по Днепру в настоящее время, говорит Кампенза, очень мало населены по причине частых набегов Татар²³¹⁾. Та же причина малонаселенности и пустынности указывается иностранцами и в Северной области. Из слов Барбаро и Контарини видно, что дорога от Москвы до Трок, в конце XV века, шла пустынными малонаселенными местами, где изредка мелькали деревеньки. Также дика и пустыня была дорога от Москвы до Новгорода, тогда как пространство от Новгорода до Искова было заселено несколько гуще и имело много деревень и сел, вследствие чего путешественники, сжавшие на Ильини в Москву, предпочитали путь на Исков и Новгород, хотя более длинный, прямому и кратчайшему пути на Смоленск. Княжество Суздальское и прилегающие к нему страны в конце разорены и

²³¹⁾ Кампенза, 10.

обезлюдил от постоянных набегов Татар ²²²). Если так близко к центру Московского государства лежали пустынные места, то повятно, что население было еще реже далее за Волгой, к северу и северо-востоку, в странах, где условий безлюдности было больше и действовали они сильнее, нежели в центральных областях. По словам Герберштейна, на луговой стороне средней Волги, против земли горных Черемис и Мордвы, жилые места реже, нежели у последних. Англичане писали, что на всем пространстве от Ярославля до Москвы встречаются многолюднейшие села; Поссевин также говорит, ссылаясь на очевидцев, что край к северу от Москвы до Вологды вообще имеет сравнительно более густое население, благодаря тому, что сюда не доходят татарские набег; но зато по свидетельству Флетчера, по ту сторону Волги, по дороге между Вологдой и Ярославлем, на пространстве почти 200 верст, встречается по крайней мере 50 деревень, в полмили даже в целую милю длиной, совершенно оставленных, так что в них нет ни одного жителя; то же можно видеть и в других частях государства, — добавляет Флетчер, — как рассказывали люди, которые путешествовали по этой стране более меня. Согласно с этим и Поссевин говорит, что во владениях московского государя иногда на пространстве 300.000 шагов путешественник не встречает ни одного жителя, хотя и находит пустые деревни ²²³). По этому можно уже судить о степени населенности в более отдаленных

²²²) Кампензе, 25.—Новиц, 38.—«*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 207.

²²³) Possevino, 12 и 16.—Флетчер, гл. 13.

краях государства³³¹). Герберштейн говорит, что села в Двинской области разбросаны на огромных расстояниях друг от друга³³²). Английский посол Рандольф и другие Англичане, неоднократно ездившие по Сев. Двине, говорят, что здесь по берегам только этой реки встречаются значительные селения; вообще большая часть этого края по их словам, была вовсе необитаема, покрыта лесами, среди которых изредка попадались дуга и пашни³³³). То же самое, если не в сильнейшей степени, можно было сказать и о странах к востоку от средней Волги. Герберштейн полагает на огромных пространствах от Ирми до Иртыша, в землях тюменских Татар, же более 10.000 жителей. Скорее можно заподозрить это показание в преувеличении нежели в чем другом, зная, что во второй половине XVI в. ближе к Волге, по Каме, Стреляновы нашли места пустые, простиравшиеся на 146 верст, «на которых пашни не пахиваны, дворы не становали, которые в писцовых книгах, в кунчих и правожных не писаны ни у кого»³³⁷). Подобные же известия находим и у путешественников XVII в. На пути от Новгорода до Москвы Олеарий также встречал большие, но опустелые селения. Кардиль замечает, что большая

³³¹) В первой половине XVI в. в Двинской области находили места с огромными угодьями, «в которых дворов и пашней не бывало некогда, от волости они за 20 верст со всех сторон и в нескольких волостях угодья к тем местам не пришли». Соловьев «История России», т. V, стр. 430.

³³²) Herberstein, 56.

³³³) Навляут. I. 422.

³³⁷) Herberstein, 71 — Соловьев «История России», т. VI, стр. 414.

часть стран, подвластных Московскому государству, во все не имеет населения, что даже в местах, наиболее населенных, по которым он ехал, видны только бесконечные леса. Во второй половине XVII в. между Можайском и Вязьмой путешественник должен был ехать 130 верст сплошным лесом и на этом пространстве встречал только одно селение — Царево-Займище. Подобные леса тянулись и дальше к Смоленску, представляя иногда еще свежие следы недавно проложенных здесь дорог. В этих лесах изредка встречались деревни, состоявшие из 3—4 хижин ²³³).

По мнению Поссевина, главною причиною малонаселенности южных и юго-восточных окраин Московского государства были постоянные набеги Татар и других соседних кочевников. Кроме того, он говорит, что в царствование Иоанна Грозного население всех вообще областей значительно уменьшилось: встречавшиеся во многих местах опустелые деревни, брошенные поля и молодые леса, растущие там, где были прежде напашни,—все это, по его словам, служит признаком, что недавно эти места были гораздо населеннее. Причиною такой убыли он считает продолжительные и тяжелые войны Иоанна IV, погубившие много людей. На ту же причину можно было указать и действительно указывали и в XVII в.: Коллинс заверяет, что в последнее десятилетие (до 1667 г.) русские области сильно пострадали от войн, так что и в 40 лет не поправятся; он даже определяет, как велики были потери в людях, понесенные Московским государством от этих войн; он не сомневается, что народонаселе-

²³³) Carliles, 61.—Mayerberg, II, 150—152—Tanner, 42

две страны убавилось в это время по крайней мере на две пятые доли ¹⁸⁹⁾.

И войны и нападения степных кочевников, без сомнения, сильно мешали умножению населения, особенно по окраинам государства. Но была еще другая причина, не замеченная по крайней мере ясно не указанная ни Поссевином, ни Коллинсом, ни другими иностранцами, которая издавна, но преимущественно со второй половины XVI в., мешала умножению населения во внутренних областях государства; эта причина—колонизация. На долю Московского государства выпала тяжелая задача дать азиатским обширным глухим пространствам, простиравшимся на север, северо-восток и юго-восток от него. Во второй половине XVI в. эти пространства до Камня считались уже в числе владений московского государя; но чтобы стать здесь твердою ногою, мало было пройти эти страны с ратными людьми; надо было ратным людям остаться здесь и ставить городки, чтобы удерживать окрестных жителей в повиновении и защищать страну от бродячих соседей. Но чтобы довести свое дело до конца, правительству недостаточно было наставить городов с ратными людьми: характер новопробретенных стран и их первообитателей требовал еще мер совсем другого рода для окончательного присоединения их к государству. В этих странах,—пишет Матвей Моховский,—не пахут, не сеют, не употребляют ни хлеба, ни долог, питаются лесными зверями, пьют одну воду, живут в дремучих лесах, в шалапах из прутьев; лесная жизнь сложилась и людей похожими на зверей неразумных: одеваются они в грубые звериные шкуры, сшитые вместе

¹⁸⁹⁾ Коллинс, 178 и 182.

как ни пошло; большая часть их коснеет в идолопоклонстве, поклоняясь солнцу, луне, звездам, лесным зверям и всему, что ни попадется²⁴⁰). Из этой, может быть, несколько утрированной картины видно, что предстояло государству сделать в этих странах по их завоеванию: надо было подле городков с ратными людьми поселить рабочих, пахотных людей, которые утвердили бы здесь начала оседлого труда и гражданского общежития. Вот причина, от которой пустели многие деревни, виденные иностранцами, которая постоянно вытягивала население из старых областей государства, и без того им небогатых. К концу XVI в. таких пространств, требовавших населения, было уже очень много, когда к ним присоединились еще обширные пустыни за Камнем, в Сибири, с теми же требованиями. На основании всего этого мы можем предполагать, что движение колонизации должно было усилиться во второй половине XVI в. Но если иностранцы не видели ясно этого движения и его значения для внутренних областей государства, то они не могли не заметить некоторых явлений, которыми оно обнаруживалось. Герберштейн говорит, что из Рязанской области, по ее присоединении к Москве, много жителей было выведено и рассеяно по разным колониям. Описывая состояние русской церкви, тот же Герберштейн замечает, что русские пустышники, обратившие уже многих идолопоклонников к вере Христовой, и в его время продолжали это дело без всяких корыстных расчетов, с единственною целью сделать угодное Богу, отправлялись в разные страны на север и восток, перенося голод и всевозможные лишения, даже подвергая жизнь свою опасности, распространяли там

²⁴⁰) «Rerum Moscoviticarum auctores vario» p. 209.

слово Божие и иногда запечатлевали его собственною кровью. По словам того же иностранца, в пермских лесах и после св. Стефана оставалось еще много язычников, но вiski, отправляясь туда из московских областей, доселе не перестают выводить их из тьмы заблуждений²¹¹⁾. По словам Матвея Меховского, в московских владениях переселят людей с места на место, из страны в страну на новые поселки, замещая выведенных другими²¹²⁾.

Поссевин и Флетчер говорят, что, завоевав царства Казанское и Астраханское, московский государь построил по западному берегу Волги несколько крепостей и поставил в них гарнизоны, чтобы тем удобнее было удерживать покоренных в повиновении²¹³⁾. Флетчер говорит также, что для удержания жителей Перми, Печоры и Сибири в повиновении, царь поселил в этих областях столько же русских, сколько там туземцев, и еще гарнизоны, и что в Сибири, где продолжают еще завоевания, число ратных людей в построенных там крепостях простирается до 6.000 человек из Русских и Поляков, в вознаграждение которым царь отправляет новые партии для поселения в новообретаемых странах. У Герберштейна встречаем любопытные слова, бросающие некоторый свет и на результаты колонизации: описывая Бологовскую область, он говорит, что туземцы имеют свой язык, но теперь почти все говорят по-русски; в Устюжской области туземцы также имеют свой язык, но большей частью говорят по-русски²¹⁴⁾. Это известно за-

²¹¹⁾ Herberstein, 48, 31 и 32, 62.

²¹²⁾ «Retum Moscoviticarum historica veritas», p. 209.

²¹³⁾ Радзевинь, 60.—Флетчеръ гл. 2-ая и 18-ая.

²¹⁴⁾ Herberstein, 57, 59.

стает финских туземцев в тот момент, когда они, еще сохраняя черты своей особенности, мирно и постепенно сливались с жившим между ними русским населением. О туземцах Перми и Печоры он говорит только, что они имеют особый язык, непохожий на русский; но если он читал в русском описании пути к Оби, что в первой четверти XVI в. христианство проникло даже к простодушным дикарям, жившим при устьях Печоры, то к концу века мирный подвиг московского населения не мог не оставить здесь, как и в Перми, еще более заметных следов по себе, которые могли хотя несколько оправдать преждевременно сделанное Меховским замечание, что как Вогулы, так и обитатели Вятки—Русские говорят по-русски и имеют одну религию с Русскими ²⁴⁵).

Позднейшие писатели сообщают несколько других известий о распространении влияния Московского государства на севере и северо-востоке. Агент английской компании Берроу доносил в 1576 г., что, несмотря на соперничество шведского и датского королей, московский царь имеет решительный перевес во влиянии на Лопарей, которые принимают его законы и платят ему пошлины и налоги. Они язычники, но если кто-нибудь из них захочет принять христианскую веру, то принимает ее от Русских, по русскому обряду. Указывается и один из проводников этого влияния: между Кергором и пределами Финмарка есть монастырь Печинго (на р. Печенге), настоятель которого назначается из Москвы. Если между Лопарями возникает тяжба, они обращаются за решением к царским чиновникам, а если последние не решат дело, от-

²⁴⁵) *Iterum Moscoviticarum auctores varii*, p. 236.

правляются в Москву, к царю ²¹⁷⁾. С конца XVI в. Сибири, вместе с распространением там русского населения, стало распространяться и земледелие, и одио за другим оскоплялись русские города ²¹⁷⁾. Описывая эти города, Меферберг указывает на некоторые черты отношений русских колонистов к туземцам. В городах Тобольске и Тюмени живут только Русские; туземцам здесь не позволяют жить, и они селятся небольшими местечками подле города, обыкновенно на противоположном берегу реки, на которой стоит город. В известное время года сюда собираются туземцы из окрестных мест, чтобы выменять свои меха на товары, привозимые из Архангельска. Туземцы занимаются звериным и рыбным промыслом, но не возделывают земли; последним занимаются исключительно русские колонисты и ратные люди, поселенные в городах ²¹⁸⁾. Колонисты скоро двинулись за Обь и, поселяясь там, привлекали своим примером туземцев к земледелию ²¹⁹⁾.

Малочисленно, но безостановочно шло заселение пустынных пространств на северо-востоке; насельникам надо было выдерживать упорную борьбу с природой, но по крайней мере здесь не предстояло такой же борьбы с людьми. Колонизация южных и юго-восточных стоней представляла

²¹⁷⁾ Никольск, I, 407.

²¹⁸⁾ До начала XVII в. основаны были в Сибири Тобольск в 1607 году, Нарым, Березов в 1609, Тара в 1594, Нарым и Кетский острог в 1586. К концу XVI в. в Сибири считалось уже 94 города. — Карамзин, X, примеч. 34.

²¹⁹⁾ Meuserberg, II, 59 и 60.

²²⁰⁾ Avril, 302. Les Mouscovites ont attiré plusieurs de ces peuples et ceux qui après s'être fixés à leur invitation, ont pris goût immédiatement au sillon.

больше затруднений и шла еще медленнее. Известия XVI века говорят о построении городков по западному берегу Волги, на Мошке, при устье Суры, значит, колонизация, хотя медленно, но все-таки овладевала течением Волги, двигаясь по ее горному берегу. Но Дон оставался пустынным, жилые места оседлого народонаселения оканчивались по нему не далеко от истоков. Герберштейн упоминает о монахах и пустынноиках, приносивших христианство к диким, но не отличавшимся особенною воинственностью северным народцам. Необходимость упорной борьбы с хищными кочевниками южных степей вызывала для колонизации деятелей другого рода — козаков, воинственных пролагателей путей. Герберштейн называет Вятскую область убежищем беглых рабов; но мы знаем, что вообще люди, «которые из городов и сел выбиты», безземельные и бездомные, которых было не мало в Московском государстве, стремились преимущественно в другую сторону, к степным окраинам государства. Такие же пролагатели путей выходили и из другого государства, облежавшего степь с северо-запада; наконец, магометанский мир, навстрочу московским и литовским козакам, высылал своих козаков с юга, по нижнему Дону. Так с трех сторон высылались передовые воинственные дружины на эту издавна спорную землю, чтобы открыть дорогу другим, более мирным поселениям: такие поселения нужны были каждой стороне, чтоб обезопасить свои границы. У Г. де-Ланноа находим любопытный рассказ, как во время его пребывания в Монастро (при устье Днестра) в 1421 г., в пустынное место в степи неподалеку от этого города, где не было ни леса, ни камня, прибыл подольский правитель с 12.000 человек и 4.000 возов с камнем и лесом, и менее чем в ме-

свои построил совершенно новую крепость, от имени Витости, против соседних степных кочевников²⁵⁰). В половине XV века Барбаро, во время пребывания своего на Дону, подымался далеко вверх по этой реке, но из этого рассказа не видно, чтобы здесь где-нибудь были постоянные жилища; он видел только бродячих Татар, которые по временам останавливались для посева и снятия жатвы²⁵¹). В первой четверти XVI века, когда здесь уже владели Турки, приставства от Волги до Днепра были попрежнему пустынные; но на берегу Дона, в 4-х днях пути от Азова, был уже, по словам Герберштейна, город Ахас, а по Дону жили оседлые Татары, занимавшиеся земледелием²⁵²).

По словам казаков, из Московского государства шло в южные степи земледельческое население.

В первой половине XVI века русские поселения не шли далеко южнее Тулы. В начале XVII века Маржерет говорит, что южные степи заселяются более и более, что русские построили там много городов и крепостей. С этой стороны Россия обитаема до Ливен, т.-е. на 700 верст от Москвы.

Под прикрытием ратных людей русское земледельческое население шло и дальше, до рек Пседа и Донца, распространяясь таким образом в страну, которую некогда оно должно было бросить на волю степных кочевников. Но здесь оно еще ступало робко, жалось к опорным пунктам, где можно было найти защиту от этих кочевников. Тот же Маржерет замечает, что несмотря на плодородия края, жители осмеливаются возделывать землю

²⁵⁰ G. de Lamoignon, 29.

²⁵¹ Барбаро, 9 и 27.

²⁵² Herberstein, 74.

только в окрестностях городов ²⁵³). Условия Волжского края не позволяли русскому земледельческому населению распространяться в нем с такою же быстротою, с какою заняло его государство. Благодаря торговым сношениям Западной Европы с Персией чрез Московское государство, мы имеем от XVI—XVII веков несколько описаний путешествий по Волге, которые живыми чертами рисуют состояние этого края со времени его завоевания и меры, которые принимало Московское государство для закрепления его за собой. В то время по берегам Волги сохранились еще свежие следы стихавшей борьбы с азиатским востоком. Между Казанью и Астраханью путешественнику показывали на обоих берегах Волги развалины когда-то бывших здесь больших городов, с которыми связывались более или менее сказочные предания о татарских завоевателях, преимущественно о Тамерлане ²⁵¹). Но

²⁵¹) Маржереть, 12.

²⁵²) Христ. Бёрроу, плывшему по Волге в 1579 году, на половине пути между Казанью и Астраханью указывали на высоком холму место, где стояла прежде каменная крепость Оуек (Овечий брод) и вокруг нее город, который русские называли Содомом; по рассказам русских, этот город и часть крепости были поглощены землей за преступления жителей. Наклюфт, I, 472.— Олеарий перечисляет следующие города, когда-то стоявшие на Волге: Unerofskoga, исчезнувший татарский город в 65-ти верстах к югу от Тетюши; далее два города, разрушенные Тамерланом, из которых один назывался Simberska-gora; за ними на горе Arbeuche видны следы города того же имени; за ним на правой стороне реки видны плодородные равнины, покрытые высокой травой, совершенно необитаемые; видны лишь следы городов и сел, разрушенных Тамерланом. В 7-ми верстах к югу от Царицына видны развалины построенного Тамерланом (sic) Царева-города (Сара) с остатками кирпичных стен; кирпичи эти возили в Астрахань на постройку церквей, монастырей и степ. Olearius, 292—307.

вместо этих исчезнувших городов путешественники чем дальше тем реже встречали по Волге жилые места. Хр. Берроу не указывает между Казанью и Астраханью ни одного значительного поселения на берегу Волги. Изредка попадались путешественникам хижины рыбаков и показывались в прибрежных степях орды кочевников, тащивших с собой на верблюдах по нескольку сот кибиток которые издали показались Дженкинсону каким-то странным подвижным городом ¹³³).

Между тем на конце пустынного водного пути государство стало твердою ногой и принимало деятельные меры, чтобы связать этот отдаленный пункт с центральными своими областями. Вскоре после занятия Астрахани, в 1568 году, Дженкинсон видел в Нижнем отъезд воеводы, назначенного в Астрахань; он отправлялся в сопровождении 500 больших кораблей, из которых одни были нагружены железными припасами, оружием и ратниками, а другие везли купеческие товары и пристали к берегу, как к надежной защите. По словам Дженкинсона, в Астрахань ежегодно посылалась транспорты с людьми, женскими припасами и лесом на постройку крепости ¹³⁴). Гарнизон Астрахани должен был постоянно держаться наготове, потому что очень обыкновенны были нашествия, подобные тому, которое описывает Берроу, бывший очевидцем его во время своего пребывания в Астрахани в 1580 г. 7-го марта в городе поднялась тревога: появились ногайские и крымские Татары, числом до 1500, и стали по обоим берегам Волги, встали в 2-х от острова, на котором расположена была Астрахань. На другой день

¹³³) Hakluyt I, 264

¹³⁴) Ibid., 265

Татары отправили к воеводе гонца с известием, что они придут к нему в гости; последний отвечал, что он готов принять их, и, взяв пушечное ядро, велел гонцу передать своим, что у него не будет недостатка в этом угощении. На третий день пошел слух, что Татары решились напасть на город и готовили фашины из тростника, чтобы переплыть на остров. Но, простояв еще два дня, Татары ничего не сделали и удалились²³⁷⁾. Для вернейшего закрепления за собой Астрахани государству надо было обезопасить самый удобный путь к ней по Волге, где свободно разбойничали окрестные кочевники и козаки, — те самые козаки, которые пролагали государству путь в эти страны. Дженкинсон, проезжая в Астрахань в 1558 году, еще не видел по Волге военных поселений; Берроу, проезжая туда же в 1579, насчитывает между Переволокой и Астраханью шесть таких поселений или караулов, расположенных по берегам и островам Волги: первый находился в семи верстах к югу от Переволоки и состоял из 50 стрельцов, охранявших это место впродолжение лета; второй находился в 113 верстах от первого, третий в 50 верстах от второго, четвертый в 120 верстах от третьего, пятый в 50 верстах от четвертого, наконец шестой в 30 верстах от пятого и в таком же расстоянии от Астрахани²³⁸⁾. Скоро эти караулы один за другим стали превращаться в городки, не теряя своего

²³⁷⁾ Hakluyt, I, 473.

²³⁸⁾ Первый находился на острове Tsaristna, второй и назывался Samen Carawool, третий Stupino, четвертый Paloo (Polevon у Олеаря), пятый Keezeyug (Копаный Яр у Олеаря), шестой Ichkebre (на том же месте у Олеаря остров Itziburski). Hakluyt, I, 472.

прежнего значения сторожевых постов: двигаясь среди степей по течению Волги, государство вывозило на правом ее берегу ряд этих городков и таким образом связывало с своим центром крайний пункт волжского пути. Но развитие промышленности и народонаселения в центральных областях, а часто государственные соображения создали эти сторожевые поселения: здесь, как и на других окраинах государства, торговый человек и земледелец шли по следам стрельца и под его защитой. Любопытно сравнить приведенное известие английского купца о волжских караулах в последней четверти XVI в. с заметками, которые сообщает о городках по нижней Волге Оларей, проходивший здесь во второй четверти XVII века. Саратов расположен на равнине, в 4-х верстах от Волги, и населен одним московскими стрельцами под начальством воеводы, которого посылает туда царь для охраны страны от Калмыков, разбойничавших значительными толпами в степях между этим городом и Астраханью. В 350-ти верстах ниже, на холму, стоит городок Царицын, построенный в виде параллелограмма, с 5-ю деревянными башенками и башнями; все его население состоит из 400 стрельцов, которые сторожат страну от набегов Татар и казаков и провожат судя, плывущие по Волге. В 300 верстах от Царицына, на высоком правом берегу, построен городок Черный-Яр, обнесенный оградой из толстых досок, с 8-ю деревянными башнями; живут в нем одни ратные люди, числом до 400, которые охраняют страну от набегов казаков и Калмыков. Царицын имеет вид квадрата, и на каждом углу его возвышается караульная, построенная на 4-х колоннах столбиках, откуда во все стороны открывается вид на безбрежные ровные и безлесные степи. Этот городок ко-

строен 9 лет тому назад ²⁵⁹), с целью противодействовать разбоям казаков, которые незадолго перед тем разбили здесь торговый караван, состоявший из 1500 москвитян, несмотря на охранявший его конной стрельцов ²⁶⁰). Спусти 33 года после Олеария (в 1669 г.), по тому же пути проехал Штраус, который, повторяя известия Олеария о городках по Волге, добавляет, что в Черном-Яру гарнизон составляет половину населения этого города и что при впадении реки Камышенки в Волгу за год до него построен городок того же имени, с целью прекратить разбой донских казаков, которые спускались по реке Камышенке в Волгу и разбивали здесь торговые суда. Казаки впрочем не унимались и умели обходить город, перетаскивая свои лодки сухим путем на колесах из р. Камышенки в Волгу ²⁶¹).

Иностранные известия бросают некоторый свет на жизнь кочевников этого края и на отношения, в которые становилось к ним государство, чтобы подчинить их своему влиянию. Вскоре после занятия Астрахани московскими войсками, в 1558 г. в приволжских степях вследствие междоусобий кочевников появился голод, сопровождавшийся страшным мором, который истребил, если верить Дженкинсону, до 100,000 человек; Русские, добавляет тот же путешественник, были очень довольны этой смертностью, помогавшей им вытеснить кочевников из занимаемых ими степей. Бедствие распространилось и на Астрахань. Дженкинсон, приехавший тогда в Астрахань, был свидетелем сцен, какие происходили в этом

²⁵⁹) Олеарий ехал по Волге в 1636 году.

²⁶⁰) Olearius, 301, 307 и 310.

²⁶¹) Strays, 163 и 164.

города и впадо вше. Мучимые голодом и извой, Ногаи по множеству подступили к Астрахани, отдаваясь на милость русских и прося у них хлеба. Но в Астрахани прибили их душо: многие из них были распроданы Русскими, большая часть погибла от голода, не получив просимой помощи; жалко было смотреть, нищет Дженкинсон, на груды мертвых тел, лежавших по всему острову вокруг города; остальных прогнали назад в степи. В это время, забывает тот же путешественник, было бы очень легко обратить это злое племя в христианскую веру ²⁶⁹). С течением времени Москва развивала через Астрахань более дружеские сношения с приволжскими кочевниками, по крайней мере с некоторыми их ордами. Здесь, как и на других окраинах государства, кочевникам не позволяли селиться в самих городах, подле московских гарнизонов. Мярные Ногаи летом кочевали по астраханским степям ²⁷⁰), а с наступлением зимы подходили к Астрахани и располагались около нее ордами, неподалеку одна от другой, охранявая свои шатры плетнями, что давало поселенцам вид отдельного города. Этот временный ногайский город, ман юрг, по свидетельству Хр. Барроу, в 1760 году входился в трех четвертях мили от астраханской крепости и заключал в себе приблизительно до 7,000 жителей. Зимой, когда замерзали реки, на этих Ногаев часто нападали Калмыки с Явка. Чтобы дать юртым ногаям возможность защищаться от этих разбойников, астраханское начальство выдавало им на зиму

²⁶⁹) Hakluyt, I, 354: At that time it had been no small thing to have converted that wicked nation to the christian faith, if the Russian themselves had been good christians.

²⁷⁰) Olearius, 319 c'est pourquoi les Moscovites les appellent Polontski, c'est à dire des vagabonds.

оружие из царского арсенала, которое они обязаны были возвратить с наступлением весны, когда откочевывали в степи. Они не платили податей царю, но были обязаны служить ему на его недругов, что они исполняли охотно, в надежде поживиться на походе добычей. Они имели своих князей, или мурз, но в обеспечение верности царю некоторые из последних содержались в Астрахани заложниками ²⁶⁴). В последней четверти XVII в. юрт мирных Ногаев около Астрахани увеличился; в его ограде была одна мечеть; Авриль насчитывает в нем до 2,000 шалашей, построенных из камыша; по островам и берегам Волги, в окрестностях Астрахани, также видно было много погайских поселений. Москвитяне, по словам Авриля, обходились с этими Ногаями скорее как с союзниками, нежели как с подвластными людьми. Москва завязывала дружественные сношения и с калмыками, мирила их с Ногаями. При Авриле первые каждую зиму уже мирно приходили из-за Яика к Астрахани и кочевали с стадами в степях между Астраханью и Каспийским морем. Этих гостей бывало больше 100,000. Авриль описывает, как астраханское начальство встречало «чудовищную толпу этих бродяг», шедших на зимовку к Астрахани. Едва услышав об их приближении, воевода послал к мурзам уверить их в скорой доставке поминков, а потом отправлял множество возов с хлебом, арбузами, водкой и табаком, что составляло как бы ежегодную дань кочевникам, которою откупались от их разбоев. Зимой Калмыки приходили в самую Астрахань и продавали здесь меха и лошадей с большой выгодой для астраханских купцов ²⁶⁵).

²⁶⁴) Hakluyt, I, 473.—Olearius, 319 и 320.

²⁶⁵) Avril, 100.

Движение государства в степях, отдаленных от водных путей, шло, разумеется, медленнее, нежели по берегам больших рек. Направляясь из Астрахани к Москве, Авриль ехал от Саратова трое суток сухим путем, по пустыне, простиравшейся в длину миль на 40 или даже больше, в которой он нигде не встречал ни леса, ни человеческого жилья. Эта пустыня кончалась, не доходя несколько миль до городка Pinzet ²⁶⁶). Но, начиная от этого места, по направлению к Москве, путешественник встречал много городков и деревень. В этих местах, говорит Авриль, землю стали обрабатывать с недавнего времени. В последние войны с Польшей москвитяне брали множество пленных, которых и поселили в этом крае: им давали здесь истронутые земли для расчистки и обработки, и теперь, добавляет Авриль, эти земли принадлежат к лучшим в государстве ²⁶⁷).

Государство, а за ним и русское народонаселение утвердилось более и более в приволжских степях. Иностранцы путешественники XVI и XVII в. живыми чертами рисуют этот полумагометанский, полуязыческий приволжский мир: видно, что это был тогда еще первобытный, темный мир, которого едва начинало касаться влияние гражданственности и культуры. Во второй половине XVI в. приволжские Татары смеялись над христианами за то, что они едят верхушки травы и пьют сделанные из них напитки ²⁶⁸). Для нас особенно любопытны некоторые указания на следы, которые оставляло здесь влияние завоевавшего этим миром государства. В первой

²⁶⁶) На Пинзе дв, которая означена и на карте Авриля вместе с Verchobolovon, Саранском и Кадомом.

²⁶⁷) Avril 152 и 153.

²⁶⁸) Hakluyt, I, 563.

половине XVII в. самым употребительным языком в приволжском крае был русский. Астраханские Ногаи были магометане, но, по свидетельству Олеария, было довольно и таких, которые принимали от Москвитян христианство. Есть впрочем некоторые любопытные известия другого рода, показывающие, как дикие обитатели приволжских степей и лесов относились к обычаям и понятиям соседнего христианского народа. Олеарий передает свой любопытный религиозный разговор с черемисом, которого он встретил в Казани, — с человеком бывалым и неглупым, знавшим русский язык. Олеарий сказал ему, что безумно поклоняться животным и другим тварям, как делают его соплеменники. Черемис отвечал на это, что поклоняться животным всетаки лучше нежели деревянным расписанным богам, которые висят на стенах у Москвитян²⁶⁹). Проезжая из Саратова странюю Мордвы, иезуит Авриль жалуется на недостаток в Москвитянах ревности к обращению этих язычников, на то, что Мордва, спокойно живя в своих лесах, доселе остается погруженною во мрак идолопоклонства, и никто не даст себе труда извлечь ее из него. Но влияние соседнего народа проникло и сюда: накануне Николина дня Мордва пьянствовала, как и Москвитяне²⁷⁰).

Х.

Г о р о д а.

Между тем как с распространением Московского государства и народа строились новые городки в пустынь-

²⁶⁹) Olearius, 281 и 283. Я спросил его, говорит Олеарий может ли он сказать мне, кто создал небо и землю. Собеседник отвечал: zort tsnait.

²⁷⁰) Avril, 154—156.

ных отдаленных местах. Иностранцы известия показывали, в каком изумительном положении находился город в старых областях государства. Мы видели, какие особенности должны были броситься в глаза западному европейцу в северо-восточной Европе: в форме поверхности преобладавшие равнины и леса, в форме жилых мест преобладавшие села, деревни. Россию и доселе называют страной сел и деревень; тем лучше шло это название к Московскому государству XVI или XVII в. Когда-то скандинавские сказания называли полосу земли по волному пути из Визиг и Грени «страною городов»; и в XVI в. эта речная полоса не теряла права на такое название: к ней присоединились еще другие речные полосы со многими городами, и иностранцы XVI в. не могли не заметить, что наибольшее количество городов, и наиболее значительных, лежит по большим рекам, Днепру, Оке, Волге; но назвать всю область Московского государства «страною городов» в XVI в. было бы слишком неточно, как по отношению количества городов к пространству страны, так и по характеру самих городов, из которых многие и очень многие только носили громкое имя города, но имели вид и значение большого села. XV-й и XVI-й века были временем политического упадка старых русских городов, вследствие новых исторических условий, среди которых они тогда оступились. Старинные веча этих городов давно замолкли; дальше всех слышался их голос в Новгороде и Пскове; наконец пали и эти последние остатки вечового быта, один в конце XV, другой в начале XVI в. И то же время в них привнесло условия чужих форм устройства, различных по различным историческим судьбам, которые они испытывали. Эти исторические судьбы разделили их на две стороны: одни протекли к Литве и потом соединились с

Польшей, другие отошли к Московскому государству. Этим определились и те формы устройства, которые они должны были принять волей или неволей со стороны, так как свои оказались несостоятельными или несогласными с теми новыми началами, которым они должны были подчиниться. Западные и юго-западные города чрез Польшу принимают во второй половине XV-го и в первой XVI-го в. Магдебургское право; Новгород и Псков принимают устройство низовых городов Московского государства. Но одновременно с тем как падают старые вечевые города, в северо-восточной России поднимаются новые, великокняжеские. Во главе последних явилась Москва, которая как по географическому положению, так и по значению стала центром государственного развития.

Почти все иностранцы, писавшие о Московском государстве, сообщают нам более или менее подробные известия о его столице, самое обстоятельное описание ее в XVI в. находим у Герберштейна, который приложил к своим комментариям и план Московского кремля. По словам последнего, город Москва лежит далеко на восток, и если не в Азии, то по крайней мере на самом краю Европы. Повий говорит, что по выгодному положению своему в самой населенной стране, в середине государства, по своему многолюдству и удобству водяных сообщений Москва есть лучший город в государстве, преимущественно пред другими заслуживает быть его столицей и, по мнению многих, никогда не потеряет своего первенства. Так думали в XVI в. московские люди и думали справедливо; только относительно удобств водяных сообщений Герберштейн замечает, что судоходство по Москве-реке, между городами Москвой и Коломною, затрудняется извилинами реки. Самый город весь почти дере-

еликий и очень обширен, но издали кажется еще обширнее. Это происходит от того, что почти при каждом доме есть обширный сад и двор; кроме того на краях города длинными рядами тянутся здания кузнецов и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах; между этими зданиями также находятся обширные поля и сады. Посевини приблизительно определяет пространство, которое занимала Москва до сожжения ее Татарами (в 1571 г.), в 8.000 или 9.000 шагов. По Флетчеру, она имела тогда до 30 миль в окружности. Этим объясняется, почему Маховский говорит, что Москва вдвое больше Флоренции и Праги, а англичанам, приезжавшим в Россию в 1553 году, она показалась с Лондон²⁷¹⁾. Флетчер считает Москву с слободой Наливками даже больше Лондона. С начала XVI в., кажется, стало заселяться в Замошье: по словам Герберштейна, за несколько лет до его приезда в Москву великий князь Василий велел выстроить там новую слободу Нали (от слова «налиль», infundere) для своих телохранителей, которым дозволено было держать и пить водку, мед и вино во великое время, тогда как прочим жителям это разрешалось только в большие праздники; поэтому, чтобы другие не заражались примером государственных телохранителей, посланными выстроили жилища за рвом, вне города. Главными прибавляет к этому, что здесь же имели пребывание крымские солдаты и прислуживающие иностранцы, которые пользовались теми же привилегиями относительно питья. Город широко раскидывался большей частью по ровной местности, но сдерживался никакими пределами, ни рвом, ни стенами, никакими другими укреплениями.

²⁷¹⁾ Довольно в XV в. имел не больше 30.000 жителей.

Улицы на ночь загораживались поперек положенными бревнами ²⁷²), как только зажигались вечером огни, около этих загорожек становились сторожа, которые никому не позволяли ходить по улицам позже урочного часа, а кто попадался, того караульные били и обирали или бросали в тюрьму. Но если шел ночью какой-нибудь известный и знатный человек, сторожа провожали его до дома. Ходить ночью по городу позволено было только по крайней нужде и непременно с фонарем. Такие же сторожа ставились по той стороне города, с которой находился открытый вход в него, потому, что с других сторон город окружен реками Москвой и Яузой; через последнюю трудно было переходить, по высоте ее берегов; на нем стояло множество мельниц. На Москве-реке было несколько мостов. Зимой, когда она покрывалась твердым льдом, купцы ставили на нем свои лавки, прекращая почти совсем торговлю в городе. Сюда свозили на продажу хлеб, дрова, сено и битую скотину. Любо смотреть, восклицает Контарини, на это огромное количество мертлой скотины, совсем уже ободранной и стоящей на льду на задних ногах. Здесь же происходили конские скачки и другие увеселения, откуда многие возвращались с сломанными шеями. Город в дождливое время был очень грязен, потому на площадях и улицах строились кой-где мосты. По словам Климента, улиц было очень много, но расположены они беспорядочно. Флетчер упоминает о мостовой, состоявшей из обтесанных бревен, положенных одно подле другого без всякой связи. Среди города стоит крепость, омываемая с одной стороны рекой Москвой.

²⁷²) «Решетки», которые вместе с решетчатыми приклашниками заведены в Москве в 1494 году.

с другой — Ноглиной, которая, вытекая из болот, у верхней части крепости разливалась в виде пруда; вытекая отсюда, наполняла рвы крепости, на которых стояли земляные, и валовая под самой крепостью впадала в Москву. Крепость очень велика: в ней, кроме обширных дворцовых зданий, выходились дома митрополита, братьев великого князя (по известию Герберштейна), вельмож и многих других лиц; кроме того в ней было много церквей, так что все это вместе давало крепости вид отдельного, довольно значительного города. В XV в., по словам Барбара, крепость со всех сторон окружена была рощами, но писатели XVI в. о них не упоминают. Путешественники XV в. не сообщают никаких известий о стенах крепости. Герберштейн говорит, что до Юлиана III она окружена была бревенчатыми стенами; но мы знаем, что каменную стену начали строить еще при Дмитрии Донском и после неоднократно обновляли. По известиям XVI в., крепость окружали кирпичные стены с башнями и бойницами, построенные итальянскими мастерами. О том Посселин прочел надпись над одним из кремлевских ворот, под образом Богородицы. Во время пребывания Чарльза в Москве, здесь строились стены из кирпичей в 18 футов толщиной. По известиям конца XVI в., в главной крепости, называвшейся большим городом, примыкал Китай-город²⁷³, также обнесенный стенами, в которой Посселин видел новые лавки (вероятно, вновь построенные после 1571 года), расположенные улицами, по рядам товаров; но эти лавки были так малы, что, по выражению Посселина, в одном немецком магазине найдется больше товаров, нежели в целом ряду москов-

²⁷³ Построен в 1594 году.

ских лавок. Барбаро и Контарини говорят, что все здания в Москве деревянные, хотя последний застал уже здесь Аристотели, и с конца XV века столица начала украшаться каменными зданиями. Впрочем каменные постройки и распространялись медленно. В первой половине XVI в. на посаде было очень немного каменных домов, церквей и монастырей; даже в кремле дома и церкви были большею частью деревянные; из церквей каменные были Архангельский и Успенский соборы. При Герберштейне начинали строить и другие каменные церкви. Во второй половине XVI в. их было уже довольно, но из домов вельмож было только три каменных. Всех церквей в Кремле, по показанию того же иностранца, было 16. На посаде было очень много церквей, и многие из них, по словам Поссевина, стояли, кажется, больше для украшения города, нежели для богослужения, потому что большую часть года были заперты. Дома были не очень велики и внутри довольно просторны, отделялись друг от друга длинными заборами и плетнями, за которыми жители держали весь домашний скот, что, говорит Поссевин, дает им вид наших сельских домиков. Дома строились очень скоро и дешево; порядочный дом можно было построить рублей за 20 или 30. Герберштейну сказали, что в Москве всех зданий более 41.000; но он сам называет это число едва вероятным. Это показание повторяет и Флетчер. О числе жителей в Москве у Герберштейна нет известия; по показанию Поссевина, их считалось не более 30.000; но при Поссевине, 11 лет спустя, после разгрома 1571 года, Москва была далеко не тем, чем была она при Герберштейне. Вокруг города видно было несколько монастырей, из которых каждый казался издали небольшим городом. Город со всех сторон окру-

она была приотранными полями, за которыми видны были обширные леса²⁷¹⁾.

С большими подробностями говорят о Москве путешественники XVII века. Иностранцы с любопытством осматривали этот большой город, давший имя целой стране, тянувший к себе все ее жданье. Наиболее полное описание Москвы в XVII в. находим у Олеария и Таниера. Москва лежала в самой середине государства, почти в равном расстоянии от всех границ, приблизительно во 120 милях, по подсчету Олеария. Издали Москва производила выгодное впечатление на путешественника своими бесчисленными церквами и белыми стенами Кремля, возвышавшимися над громадной черной массой домов. Аврель замечает, что вид на Москву издали есть одно из прекраснейших зрелищ, когда-либо им виденных, по величине и великолепию города. Но очарование исчезало, как только путешественник въезжал в самый город: ему представлялись здесь неправильные, неохватные улицы, маленькие переи и множество невзрачных, бедных домов; город, по замечанию Олеария, казавшийся издали великолепным Иерусалимом, внутри являлся болтым Вифлеемом. Улицы были широки, но неровны и в большинстве узкопешен; в ненастное время на них вязли по колено в грязи, хотя кое-где клались, как ни казалось, бревна и небольшие мосты. Некоторые улицы вымощены были досками и круглыми бревнами, положенными поперек улицы с насаженной в промежутках землей; оттого по ним обыкновенно ездил на некованных лошадях. По

²⁷¹⁾ Барбар, 58.—Клестария, 108 и след.—Кампезе, 21—22.—Таньер, 83—87.—Herbertus, 45 и 46.—Олеарий, 147.—Magasin, 155.—Povodino, 14—17.—Флетчер, гл. 4-я.

замечанию Рейтенфельса, на этих улицах в летнее время было или пыльно, или грязно, но за то зимой — гладь. Только при кн. В. В. Голицыне и по его распоряжению весь город был вымощен досками; но со времени оналы этого вельможи мостовая его, по словам Невилля, поддерживалась только на главных улицах. Неопрятность улиц заставляла иногда принимать меры, которые очень удивляли иностранцев: во время крестных ходов, впереди духовенства и образов шло до 130 человек с метлами, которые расчищали улицы и усыпали их песком. Путешественники XVII в. говорят, что город напосилен деревянными домами. Дома казались иностранцам низкими и некрасивыми, строились обыкновенно в два яруса, из сосновых или еловых брусьев, крылись тесом или берестой, которую иногда обкладывали сверху еще дерном. Только у вельмож, некоторых богатых купцов и Немцев были каменные дома, но с маленькими окнами, и которым приделывались жестяные или железные ставни, для защиты дома на случай пожара. С тою же целью дома ставились на большом расстоянии один от другого; при каждом был обширный двор и сад. Каменные постройки особенно усилились во второй половине XVII в. Мейерберг говорит, что с некоторого времени появилось в городе значительное число каменных зданий; особенно распространял каменные постройки в Москве В. В. Голицын; при нем, по свидетельству Невилля, построено было в Москве больше 3,000 каменных домов. Впрочем, распространению каменных домов мешало между прочим и то, что они считались нездоровыми; оттого каменные стены внутри комнат обшивали тесом, подкладывали под него мох. Украшением улиц и всего города были церкви. В начале XVII в., по свидетельству Маржерета

было еще очень много деревянных церквей, хотя, добавляет тот же иностранец, с некоторого времени построено довольно и каменных. Во второй половине XVII в. едва верить Рейтенфельсу, почти все церкви были уже каменные. Каменные церкви были все круглые, пятиглавые с широкими куполами, покрытые жемчугом. Колокола помещались и на колокольнях, и внизу в церковной ограде, на столбах. Олеарий говорит даже, что часто встречались последние. При каждой церкви было по крайней мере 6 колоколов, по большей части они весили не более 4 или 5 пудов. Иностранцев изумляло множество церквей в Москве; весь город наполнен ими, говорит Ташнер; сами жители сознаются, что они не знают точного их числа; по свидетельству Олеария, на каждые пять домов приходилось по церкви. Всех церквей в городе и предместьях с монастырями считали во время Олеария больше 2,000 ²⁷³). Такое множество церквей Олеарий объясняет тем, что в Москве всякий сколько-нибудь знатный господин имел при доме свою церковь, где он один только со своими родственниками слушал божественную службу. Впрочем, церкви были очень небольшие; многие имели, по словам Олеария, не более 15 шагов в ширину. Не меньше изумляло иностранцев и обширность пространства, на котором раскинулась Москва. В XVII в. это пространство далеко не могло равняться тому, какое занимала Москва в половине XVI в.: такие годы, как 1571 и 1611, не могли не оставить на городе глубоких следов, которые трудно было загладить. С тру-

²⁷³) По Буссову по крайней мере 3,000, по Петрею даже около 4,500, по Ташнеру и Штраусу 1,700, по Корбу больше 200.

дом управлялась Москва, но уже не достигала прежних объемов: до конца XVII в. мы встречаем у иностранцев замечание, что, по словам самих жителей Москвы, прежде она была гораздо обширнее и многолюднее. Несмотря на это, и в XVII в. город был очень обширен и принадлежал к числу самых больших городов Европы²⁷⁶); по свидетельству Оlearия, он имел в окружности около 3 миль, а по Мейербергу около 19 верст²⁷⁷). О размерах города можно заключить также по числу домов, какое показывают иностранцы XVII в., и по обширности пустых мест между домами и улицами. Несмотря на разгром 1611 года, уже во второй четверти XVII в. в Москве считалось более 40,000 домов. Писатели второй половины XVII в. показывают еще больше; по Лизеку, домов в Москве было больше 42,000, а по Штраусу около 95,000. О числе жителей также имеем несколько несходных показаний; но все почти иностранцы говорят, что оно соответствовало обширности города. Из одного места в летописи Буссова видно, что до польского разгрома в смутное время не только русские, но и поляки полагали в Москве около миллиона жителей. Позднейшие известия значительно уменьшают это число: по Рейтенфельсу и Аврелию, жителей в Москве было около 600,000, по Невиллю—от 500,000 до 600,000. Кроме Русских, в Москве жило очень много Греков, Персиян, Немцев, Турок и Татар, но Иудов не было вовсе, ибо их не терпели не только в столице, но и в пределах государства.

²⁷⁶) Olearius: il est certain, que c'est aujourd huy une des plus grandes villes de l'Europe.

²⁷⁷) Буссов говорит, что до пожара в 1611 году столица имела в окружности больше 4-х миль. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 1-ая, стр. 208.

История государства положила резкую печать на всю физическую его структуру, на ее расположение и укрепления. видно было, что этот город рос медленно, расширяясь от центра во все стороны, захватывая окрестные селения, слагался под влиянием постоянных внешних опасностей. По описанию Олеария, город состоял из 5 главных частей; три из них имели вид обычных городов, отбавлявших одну другой: это были Китай-город с Кремлем, Белгород, и Земляной город. Китай-город занимал средину и был окружен толстою каменною стеною, восточную возвышали Красной стеной. С юга эту часть омывала река Москва, а с севера Неглинная. Почти половину Китай-города занимал царский замок Кремль ²⁷⁸⁾ он расположен в самой середине города, составляя как бы его сердце, по выражению Ганнера, и окружен был тройною толстою каменною стеною и глубоким рвом ²⁷⁹⁾. Из Кремля вели 5 ворот; те, которые выходили в Китай-город и Белгород, затворялись каждые тремя дверьми. У этих ворот, с внешней стороны Кремля, сделаны были через ров мосты на сваях. Под одними из ворот, ведущих в Китай-город (Флоровскими), возвышалась башня с часами, несамывавшими время по московскому числению; когда царь уходил из Кремля, эти ворота запирались. В самом Кремле внимание наблюдателя прежде всего останавливали на себе две башни, возвышавшиеся на средине его: одна из них, Иван-Великий, очень высокая, со множеством колоколов ²⁸⁰⁾, другая была заме-

²⁷⁸⁾ Иванъ возвышался у Олеария в других Крым-горах.

²⁷⁹⁾ Ганнеръ назвал этот ров за другой рукав Неглинной.

²⁸⁰⁾ По описанию Ганнера, на этой колокольне было 37 колоколов, висевших по окнам четырех ярусов колокольни в гармоническом порядке; подробности см. у Ганнера на стр. 59—61.

чательна по висевшему на ней громадному колоколу, слитому при Борисе Годунове и имевшему 346 центнеров веса; в него звонили только по большим праздникам и во дни придворных торжеств; его раскачивали 24 человека, которые стояли внизу, на площади ²⁸¹). В Кремле было два монастыря, мужской и женский, и больше 50 каменных церквей; Коллинс насчитывает их даже до 80: башенки на них, как и на Ивановской колокольне, покрыты были густо-вызолоченною медью, которая, блестя на солнце, представляла издали очень красивый вид. В углублении Кремля расположены были многочисленные царские палаты; перед ними, на Красной площади, Таннер видел до 200 пушек, расставленных рядами; незадолго до Олеария построен был великолепный каменный дворец (Теремный) в итальянском вкусе, но царь продолжал жить в деревянных хоромах, находя их более здоровыми. В Кремле же находились дома многих бояр ²⁸²; но выше всех их поднимались великолепные каменные палаты патриарха, находившиеся подле царского дворца. Кроме того, в Кремле находилась царская казна, провиантский и пороховой двор и приказы, большая часть которых расположена была между Спасскими воротами и Архангельским собором: при В. В. Голицине здесь построено было огромное здание для приказов, состоявшее

²⁸¹) При Алексее Михайловиче слит был другой колокол, еще больше, под которым, говорит Мъж, могли поместиться 40 человек. Из этого колокола при Ане Иоанновне слит был тот, который ныне лежит около Ивановской колокольни. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 5-я, примеч. 59.— Рейтевфельс видел второй колокол и говорит, что он весил 320.000 фунт.

²⁸²) При Коллинсе здесь были хоромы Черкасского, Морозова, Трубецкого, Милославского, Одоевского и др.

из четырех корпусов, со множеством зал ²⁸²). Вся крепость застроена была царскими и боярскими хоромами, церквями и другими зданиями, так что в ней почти не оставалось пустого места. Кроме царской придворной службы, в Кремле находилось постоянно, по свидетельству Лисака, до 20,000 царских телохранителей ²⁸¹).

Все Кремля, в отделении Китай-города, внимание иностранцев прежде всего останавливала на себе церковь Св. Троицы (Василий Блаженный), которую московские Немцы называли обыкновенно Иерусалимом: она удивляла иностранцев оригинальностью своей архитектуры, и некоторые называют ее очень изящной. Подле этого храма, на площади, лежали на земле две огромные пушки, обращенные на плывучий московский мост и на улицу, откуда обыкновенно нападали Татары. Прямо перед замком находился обширный рынок, главный в городе, со множеством купеческих лавок. Этих лавок считали здесь до 40,000; они наполняли рынок и все соприкасавшиеся с ним улицы; для каждого товара назначены были особые места и лавки. Торговки холстом помещались на средней улице ²⁸³). Перед самым Кремлем, на обширной четырехугольной площади не позволялось ставить лавки;

²⁸¹ Прежде приказывались «dans quelques ganges», по выражению Невилля.

²⁸² Дома патриарха и бояр исчезали в массе дворцовых зданий, так что нам известна неточность некоторых иностранцев, говоривших, что весь Кремль есть не что иное, как дворец царя. *Observations civiles sur, quat mois cazarus inhabitat. Lysek, 62.*

²⁸³ Olinarina, 108 où il se trouve encore une autre sorte de marchandises, qui tiennent des langues dans la bouche et débitent avec leurs règles et leurs turquoises une autre marchandise que l'on ne voit point. Cp. Tanner, 64.

но здесь кипела разносная торговля. Корб пересчитывают следующие ряды с товарами, расположенные один за другим по направлению от Кремля: 1) шелковый, 2) суконовый, 3) серебряный (с золотыми и серебряными пощами), 4) меховой, 5) саножный, 6) хлыстинный, 7) ряд, где продавались образы ²⁸⁶⁾, 8) ряд готового платья, 9) овощной, 10) рыбный, 11) птичий. Были и другие товары, для которых также назначены были особые места. На обширном ровном месте между храмом Св. Троицы и Красной стеной, по направлению к Мясной-реке, находился обширный гостинный двор, принадлежавший Пересидским, который был наполнен лавками Персии, Армении и Татар, числом до 200, с золотыми и серебряными изделиями, драгоценными камнями и другими почтенными товарами. Около этого двора, в Красной стене, находились ворота, которые вели к плочучему мосту на Москвореке. Кроме этого Пересидского двора, в Биташ-городе было еще два гостинных двора для иностранных купцов: в одном, старом, продавались, по словам Рейтевфальса, товары для ежедневного употребления; в другом, новом и самом обширном, помещались немецкие товары и платилась вечная пошлина. Эти три двора были замешаны. В другой части Китая, с той стороны, где он омывался рекой Неглиной, находилось до 200 погребов с медами и заграничными винами. Около Казанского собора Олеарий указывает пожевой ряд ²⁸⁷⁾. Здесь же, близ площади

²⁸⁶⁾ Таннер определяет положение последнего: *est platea perampla, quam ipse dux quoquo-versum pergit, pertransit; haec a Krimgorod porrigitur, non aliis quam pictoribus habitata. In qua divorum effigies venales faciunt, platea Divina dici meruit a Moscis. P. 67.*

²⁸⁷⁾ *Olearius, 256: auprès de la rue, où les marchands couteliers ont leurs boutiques.*

находилась городская башня. Немного от Никольского двора находилось место, устроенное множеством лавочек и вымощенное красивым тротуаром: здесь продавались всякие мелочи, которыми торговали тут купцы, так что, говорит Олсдорф, прохода этим тротуаром, ступаясь только по дощечкам. На Красной площади было стояло до 200 экипажей с множеством экипажей для тележек и одну лавочку. Шлишь с утра до вечера кипела народом; было много было на ней, замечает Олсдорф, толпой и празднично одетых. Особенно оживлены были те места, где продавали шерсть, сырье, холсты и т. д. товары; жилища, продававшие и покупавшие эти товары, по словам Олсдорфа, издавало такой шум, что с некоторой можно было подумать, что горит город или случается что-нибудь необыкновенное. На окраинах этой площадью XVII в. говорят, что почти все здания в Китае были каменные; между ними особенно отличались размерами и красотой Никольский двор, а также географический, Греческий двор, также вышеупомянутые гостиные дворы и дома некоторых владельцев, в том числе Грузинского и др. В Китае жила много башня, а также гости или лучших купцов. При Масквиче Красная стена имела в высоту, а на ней было 16 башен; на башнях и по стене расставлено было множество пушек. Улицы в Китае, как и в других частях Москвы, вымощены были круглыми бревнами; только две главные, — одна против Спасских ворот, по которой обыкновенно царь выезжал из города, а другая у Писаревского дома, — вымощены были обтесанными брусками.

Вторую часть города составлял Белгород; по словам Тавнера, прежде он назывался Царевым горо-

дом²⁸⁸). Белым же стал называться с того времени, как были поправлены и выбелены его стены. Эта часть Москвы огибала в виде полумесяца Китай-город с Кремлем и окружена была высокою и толстою каменною стеною, которая называлась Белой; эта стена шла от Москвы-реки вокруг красной и Кремлевской стены, пересекая реку Неглинную, и наконец возвращалась к Москве-реке по другую сторону Кремля. По свидетельству Таниера, Белгород был вчетверо больше Китая. В этой части города жило много князей и бояр, сыновей боярских, или дворян, значительных купцов и ремесленников, особенно булочников; каждый ремесленник вывешивал на окна вещь, указывавшую на его ремесло: сапожник вывешивал сапог, портной доскутки разных материй и т. п. Между ремесленниками, делавшими обувь, особенно много было таких, которые плели лапти для простого народа. Здесь было много мясных лавок, распространявших невыносимый запах от множества испорченного мяса, которое лежало перед лавками на солнце непокрытым. Здесь находился скотный рынок и было много кружал с водкой, медом и пивом, а также множество лавок с квасом, мукой и другими товарами. Кроме лавок здесь было два больших завода, один пороховой, другой литейный, на котором лили пушки и колокола; место на берегу Неглинной, где стоял этот завод, называлось Поганым прудом. Недалеко от него, на другой стороне Неглинной, находились две царские конюшни, в которых содержалось до 1.000 лошадей; там же была аптека и две тюрьмы, в которых, по свидетельству Таниера, всегда сидело до

²⁸⁸) Маскевич называет его еще Ивангородом. Ср. «Домашний быт русских царей». Н. Забелина, стр. 16.

2000 пленных Турок, Татар, и др. Остальное пространство Белгорода застроено было церквами, домами разных служивых и посадских людей, с обширными садами; между этими домами было много красивых каменных и деревянных, принадлежащих боярам и немцам; при Рейтенфельсе особенным изяществом архитектуры отличались палаты Артамона Сергеевича Матвеева ²⁸⁹). Ряды зданий начинались на значительном расстоянии от стен; незастроенными оставались также небольшие площади у ворот, которые вели в Кремль и Китай-город.

Третья часть города называлась Скорородом; она отбывала Белгород с востока, севера и запада; чрез нее протекала река Южа. До пожара в 1611 году Скородом был обнесен деревянной стеной, тянувшейся миль на 7 (85 сажень), как сказывали Маскевичу, и в три кося вышивой. Эта стена простиралась и за Москву-реку, так что лесная пересекала ее в двух местах. Эта деревянная ограда имела множество ворот, между которыми возвышались на ней по две и по три башни, и на башнях стояло по 4 и по 6 больших орудий, кроме полковых пушек, которых было на стене так много, что и перечислить трудно, по выражению Маскевича. Вся ограда была обшита тесом; башни и ворота, весьма красивые, стояли, вероятно, много трудов и времени, добавляет Маскевич. Церквей было здесь множество, каменных и деревянных, — и все это, самодовольно восклицает Маскевич, в три дня обратили мы в пепел! При царе Михаиле (в 1637) вместо сгоревших деревянных стен высился был высокий земляной вал, который, по сло-

²⁸⁹) Любопытное описание внутреннего убранства палат Матвеева см. у Лавока на стр. 75 и след.

вам Коллинга, обложен был досками и бревнами; с того времени Скородом стал называться Земляным городом. Подле вала шел глубокий ров, наполненный водою²⁹⁰). Тавнеру сказывали в Москве, что этот вал простирался миль на 5. Скородом был самою большою частью города, но за то много уступал двум описанным частям и в красоте зданий и в зажиточности населения. Он был густо застроен бедными деревянными домиками, в которых жили мелкие ремесленники и другие посадские люди; кроме них в Скородоме жило очень немного служилых людей низших чинов. Здесь находились рынки, на которых продавали лес и готовые дома; эти рынки были завалены дровами, бревнами, досками, даже мостами, банями и домами, совсем уже готовыми.

Три описанные части находились в прямой связи между собою и составляли собственно город. К ним примыкали еще две части, расположенные отдельно; это были слободы Стрелецкая и Немецкая. Основанием Стрелецкой слободы послужила слобода Налейки или Наливки, построенная великим князем Василием Ивановичем для иностранных солдат; потом здесь поселены были стрельцы. Эта часть города лежала на другой стороне Москвы-реки, против Кремля и Китая-города; от стороны последнего к ней вел плывучий мост на судах. Стрелецкая слобода подразделялась на 8 частей; с одной стороны ее в виде полумесяца огибала Москва-река, с других сторон она окружена была валом и деревянными укреплениями, которые соединялись с укрепле-

²⁹⁰) Следы прежних деревянных стен видны были еще при Тавнере; при Корбе Земляной город окружен был тыном и валом.

азиатки Земляного города. Стрелецкая слобода была прежде главным укреплением Москвы против крымских татар, которые с этой стороны пронавалили свои нападения на столицу. Кроме стрельцов, в Стрелецкой слободе жили мелкие торговцы и другие люди не простого народа. Подле слободы, по берегу Москвы-реки тянулись длинные сады и обширные дачи, из которых последние царские сады.

В верте от Спиродима, за Покровскими воротами, находилось другое предместье, составлявшее 5-ю часть Москвы и называвшееся Немецкой слободой, или Кокучи. Эта слобода тянулась от Спиродима вбольшинном и состояла из деревянных домов немецкой архитектуры. Таинер передает слышанные им в Москве рассказы о возникновении этой слободы. Когда впопыхах солдаты и мастера, принадлежавшие в Москву, не могли мирно ужиться с москвичами в самом городе, их выселили за Москвою-реку в слободу Наливкин. Но вконец и там не дали своим жителям постоливе палачи им главном укреплением их нового местожительства, укрепили их в количестве: чтобы избавитесь от насестек и оскорблений, вынужденны выростили у паря помещающе поселиться в другом месте подле города. Здесь они построили несколько красивых деревянных домиков, и это новое поселение называло было Немецкою слободою, которая, по словам Таинера, впопыхах имела вид и устройство маленького немецкого городка. Немало до приезда Олсарая, туда же переселены были, вследствие разных неприятностей, значительные купцы и офицеры, жившие прежде в Белгороде. Олсарий рассказывает, что жены помещаема купцов, не желая уступить жилам помещающих офицеров, которые большому частью были прежде служав-

ками, однажды подрались с последними в лютеранской церкви, находившейся в Белгороде, вследствие чего патриарх приказал перенести их церковь в Скородом. К этому присоединились и другие неприятности. Чтобы не подвергаться насмешкам и оскорблениям со стороны москвичей, иноземцы, по словам Олеария, стали одеваться по-русски; но патриарх, заметив при одном церковном торжестве, что иноземцы, вмешавшись в толпу русских, непочтительно относятся к обрядам православной церкви, испросил у государя указ, чтобы иностранцы ходили в своем, а не в русском платье. Тогда иноземцы стали подвергаться еще большим насмешкам и обидам со стороны русских, и чтоб избавиться от этого, выселились, с разрешения царя, из города и основали особое предместье, Иноземную слободу, подле старой Немецкой, с которой она скоро и слилась в одно предместье ²⁹¹⁾. Население Немецкой слободы представляло довольно пеструю смесь наций и вероисповеданий. Больше всего было немцев-лютеран: Олеарий говорит, что их было больше 1,000 семейств. Они пользовались свободой богослужения и имели два храма. Были также кальвинисты разных наций; у них был один храм ²⁹²⁾. Меньше было католиков, Италианцев и Французов; они не пользовались правом публично отправлять свое богослужение и не имели храма. Иностранные писатели говорят единогласно, что в Москве ни к каким иностранцам не относились с таким отвращением и недоверием, как к като-

²⁹¹⁾ О других причинах выселения немцев см. Соловьев, «История России», т. IX, стр. 423 и 424.

²⁹²⁾ Так по Тавнеру; Рейтенфельс говорит, что в Немецкой слободе было 3 лютеранских храма и 2 кальвинских.

ликом. Многие из иностранцев принимали в Москве православную веру. Рейтенфельс указывает около Немецкой слободы особое предместье Басмановку, где жили иностранцы, принявшие русскую веру, отчего это предместье и называлось «слободою перекрестов». По словам Тиннера, большинство иностранцев Немецкой слободы носило платье немецких дворян; даже служанок святых Русских или Татарок они одевали по-немецки. Ближе Немецкой слободы находились три завода—стеклянный, железоплавильный и бумажный, последний на реке Нуге; на них работали иностранцы. На равнине около Немецкой слободы при Алексее Михайловиче были два большие красивые сада, куда царь по словам Тиннера, каждую неделю ездил гулять в хорошую погоду.

Иностранцы писатели не сообщают нам подробностей об экономической жизни столицы, об интересах и отношениях различных классов ее населения; во у них есть заметки о повседневной жизни этого города, как она являлась на улице: они указывают на обычные явления этой жизни, которые помогают измерить уровень общественной и гражданской жизни в образцовом городе Московского государства. День начинался рано; летом с восходом солнца, а зимой еще до света пробуждалось городское движение; в Китае-городе раздавался уже среди толпы вабат боярина, ехавшего в Кремль ударить челом государю. Москвитяне, замечает Невиль, любят ходить пешком и ходят очень быстро. Но это замечание можно отнести только к людям из простого народа: служивый человек считал неприличным для своего звания являться на улицу пешком; даже отправляясь недалеко, дома за три, он брал лошадей и если не ехал на

ней, то приказывал вести ее за собой. Летом боярин ездил обыкновенно верхом, а зимой в санях, запряженных в одну рослую, обыкновенно белую лошадь, с борозком соболой на хвосте: его правиз конюх, сидя верхом без седла. Сани выстилались внутри железной шиурой, у богатых белой, у других черной; о коврах не было и помину. Передки у саней были обыкновенно так высоки, что из саней едва можно было видеть голову конюха. Множество слуг провожало боярина: одни стояли на чердаках, другие по середине, боком к боярину, а некоторые сзади, прицепившись к саням. Летом впереди боярина, ехавшего верхом, также шло много слуг. Едва пышнее и наряднее являлась на улице благородная женщина, зимой в санях, летом в небольшой колымаге, покрытой красным сукном и запряженной также в одну лошадь, увешанную мехами или лисьими хвостами, что считалось лучшим украшением лошади, хотя по отзывам иностранцев, это давало ей странный, безобразный вид. На лошади сидел парень в косматом полушубке и часто босоножий. В экипаже сидела дородная госпожа в широкой, витде не стянутой одежде и так густо набеленная, что с первого взгляда, по замечанию Таннера, можно было подумать, что лицо ее обсыпано мукой ²⁰²). В ногах у нее помещалась служанка, заменившая для нее скамейку ²⁰³). Все это в соединении с тряской, какую производила московская мостовая, делало из поезда дород-

²⁰²) Olearius: elles (женщины) n'oublient point de se garder le visage, le col et les bras.

²⁰³) Tanner: in curru serva scabelli munus paragit, cui praecipuis domina pro lubito et commoditate pedes suos supra caput et humeros superponit.

ной гонимости картиню, потопляющую иностранца¹⁷²). Значит, бодриню провожала месточеловечная толпа слуг, часто достигавшая до 30—40 человек. Еще бодриней странностью показало иностранца похищение в городе зарипива пивала. Когда, говорит Маржерет, даряца пригулявася, за се зарипиво следует несколько женщин, которые садят на лошади верхом, как мужики: на них белые широкие шляпы, выходя на епископские клобуки, длинные платья из белой материи, с большими рукавами шириною более 4 футов.— Хотя, говорит Невилл, в Милане более полугодичноа житолая, однакож найдется не более 300 варет (доймаг): но за то ты по всем площадям ствот более 1,000 парничков в маленьких тележках или санях в одну лошада; на деньги, говорит Массанич, навочил скочет, так бешевый, с одного конца города на другой, и поминутно кричит во все горло: грей, грей. А народ расступается во все стороны. Но в известых местах народни остававляеца и не берет ладок, если не получит другой левыги. Встретясь с другим парничком, он согласится скорее климать у себя ось или колесо, нежели свернуть с дороги. В полдень, в обеленные время, движение стихало, лавки закрывались: перед ними воды были спящие суцы или их прилавочки. В это время ни с кем нельзя было вести никакого дела, ни засыпало, так в полнучи; нет, говорит Олварий мессингянинко, лавото бы ни был он остоявши, который не спал бы после обеда. Много жарсаких явлений замечал иностранец улом на мостовский улице; особенно

¹⁷²) *Ita d. quiescentibus percontantibus hinc videtur, quod ad unum de locis quorundam curus motum locutionem poudas poudas motum agnoscitur.*

поражало его постоянное употребление браних слов, хотя это было запрещено царским указом. По словам Олеария, по рыкам ходили особые пристава, которые хватали и тут же на месте наказывали виновного; но и они уставали наказывать на каждом шагу ругающийся и бранящийся народ. Еще большие темных явлений совершалось ночью. День оканчивался рано, как рано и начинался; длинная ночь, при плохом устройстве городской полиции, давала широкий простор для промысла лихим людям, которых много было в огромной столице Московского государства. Ночью на площадях и перекрестках стояла стража, смотревшая за тем, чтобы никто не ходил без фонаря: всякий, ехавший или шедший ночью без огня, считался вором или лазутчиком и немедленно отправлялся в Стрелецкий приказ для розыска и расправы. Всякий раз, как били часы на Спасских воротах, стоявшие здесь караульщики ударяли палками по доске столько раз, сколько пробило часов. При домах бояр и богатых купцов также стояли сторожа, которые с прочими городскими дозорами, услышав стук у Спасских ворот, вторгли ему, давая этим знать, что они не спят. Между тем иностранцы единогласно говорят, что в Москве не проходило ночи без убийств и грабежей; они указывают и на главную причину этих беспорядков. Дворяне, говорит Маржерет, измеряют здесь свое богатство числом служки, а не количеством денег; поэтому каждый из них держит множество холопей: по свидетельству Олеария, число их в некоторых боярских домах доходило до 100. Но господа не давали своим холопам нищи, а платили им кормовые деньги и в таком малом количестве, что холопы едва могли кормиться на них и от того часто промышляли дурными средствами. Ночные

сторожа служили плохой помехой для людей, напротив, даже помогали им и делили с ними добычу. Еще менее можно было обложившему ждать помощи от обывателей: ни один домохозяин, говорит Олехрий, не решится высузнуть голову из окна, а тем менее выйти из дома на помощь человеку, подвергнувшемуся нападению почемужу разбойников, боясь, что последние сделают и с ним то же или еще хуже, выдождут его дом. Коллинс указывает и на другое явление: обыватель боялся подать помощь умирающему, которого находил на улице, зная, что если застанут его около мертвого тела, сейчас повелюдут и Земский приказ, а там скоро не разделаться. Оттого вечно по Москве нельзя было ходить без оружия и провожатых. Почти каждое утро на московских улицах поднимали несколько трупов; количество их страшно увеличивалось в праздники и особенно на масленицу, когда в разбоях присоединялись многочисленные смертные случаи от пьянства. По замечанию Коллинса, в Москве не проходило масленицы без того, чтобы не поднимали на улицах от 200 до 300 человек, погибших от той или другой причины ²⁹⁶). В праздники множество пьяных валялось по улицам, никто не прибирал их и на другой день многие из них оказывались мертвыми. Поднятые на улице трупы отвозили на двор Земского приказа, где выставляли их на три или четыре дня, чтобы родственники или друзья погибших могли взять и похоронить их; когда же никто не являлся, трупы отвозили

²⁹⁶) Neauville: le desordre est si grand dans ce temps-là que les étrangers qui logent dans les faubourgs n'osoient quasi sortir et venir à la ville, car ils (москвичи) s'enyvroient et s'assommoient comme des bêtes sauvages.

в один «из убогих домов», бывших в Москве²⁹⁷; там их складывали в общую яму, а зимой мая отпевали и хоронили всех вместе, иногда группами по 300, по словам Коллинса. Лихие люди часто прибегали к особому средству поживиться на чужой счет: все поджигали дома зажиточных людей, прибегали на пожар будто для спасения имущества и воровали в обширных размерах. Оттого пожары в Москве чаще случались по ночам, вспыхивали вдруг в нескольких местах. Ночные убавства, воровство и пожары — вот обычные язвоны московской жизни, отмеченные иностранцами²⁹⁸. Кроме этого умства, пожары происходили и от неосторожности. Записки иностранных путешественников о Москве чадозноном несчастиями и пожарах. Не приходило почти впамять без того, чтобы не сгорали целые улицы. Пожары были, так сказать, привычным, ежедневным явлением, к которому относились довольно равнодушно; если пожар истреблял одну или две домов, о нем и не говорили много; только тот пожар считался в Москве большим и оставал по себе память, который истреблял по крайней мере 7,000 или 8,000 домов. Приехав в Москву в 1634 г., Олександр увидел в Белгороде обширные пустыри с остатками сгоревших зданий; незадолго перед тем пожар обратил в пепел до 5,000 домов; погоревшие жили на пепелище в шалахах и налатках. Для предупреждения подобных несчастий

²⁹⁷) См. об этих домах «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. I, примеч. 41 и Adelung, «Uebersicht» etc. II, 69.

²⁹⁸) В дневнике Корба постоянно встречаются известия о Москве в роде следующего: *exitiali incendio multae aedes perierunt; inventi etiam publicis in plateis duo Moscī quibus capita nefando crimine erant abscissa.*

материю топили на горюду стральца и стирала с тилорами, которыми в случае пожара ломали соседние здания, дошли 20, пока не доходили до ближнего угла или цоколя, и отходили веревы дальше от огня; если же выжеглась бы одна стена было обречь, его покрывали водонепроницаемой тканью, которую поливали водой. Впрочем и спрессованная земля не возводила много: что было дороже из мушкетеров, французов и подданных владетельных а дома скоро выжигались совсем тотчас на рынках, где их продавали тысячами: в короткое время и без особенных издержек их разбирали, перевозили в назначенное место и опять складывали. В Москве были плотники, которые в один суток ставили и отделяли дом. Легко понять, что это были не дома ²⁷⁷). Лишь даже видел на рынках продававшуюся старую вышивальную. Кроме того, в обширных лесных рощах произрастала стелюга стрессига леса, что в то время можно было, по выражению Мюллера, выстроить целые города ²⁷⁸).

Первое место между городами Московского государства после столицы в XVI в. принадлежало Повторолю Волжскому. Завидно ему казался его таким, каким был он в лучшее время своей жизни, и так описывают его иностранцы ²⁷⁹: «Город необыкновенно обширен, расположен на прекрасной равнине, окруженной лесами; но отгорожен он плохими стенами, состоящими из плотной (de

²⁷⁷) Nouville, chapitre de son ouvrage de tout d'ailleurs qu'il est visible à côté de la Moskwa en sa France.

²⁷⁸) Auct. 184—Marjorant, 34.—Bussow, 79, 92, 194—Mayerberg, I, 32, 99.—Carlisle, 80, 280.—Olearius, 104, 250, 260, 155, 167, 29.—Lynck, 95, 82.—Struys, 117—120.—Nouville, 193, 194, 173, 189, 14, 180.—Korb, 184.—Маскович, 76—74, 64.—Теннер, 82 Виллем, 175.—Рейтенфельс, 15—24.

cloyes) и земли, хотя башни на них каменные; на берегу протекающей среди города реки расположена крепость, в которой находится главная в городе церковь св. Софии; здесь живет епископ города»³⁰¹). Одерборн говорит, что некогда одно имя этого города приводило в страх соседей и что новгородская поговорка «кто против Бога и Великого Новгорода» очень часто повторялась у саксонцев. Иностранцы говорят об огромных богатствах независимого Новгорода, бывших следствием его обширной торговли: по словам Кампензе и Герберштейна, московский государь, завоевав Новгород, вывез оттуда более 300 возов, наполненных золотом, серебром и другими дорогими вещами. Несмотря на страшные бури, которые пронесли над Новгородом во второй половине XV в., в XVI его продолжают называть знаменитейшим и богатейшим городом Московского государства после столицы. К нему с большею справедливостью, нежели к Москве, можно было приложить замечания Иовия об удобстве водных сообщений, и англичане не без основания называли его лучшим торговым городом в государстве: хотя государь, пишет Ченслер, утвердил свой стол в Москве, по положение при реке, открывающей путь к Балтийскому морю, дает Новгороду первенство перед столицей в торговле, привлекая к нему больше купцов. О наружном виде его в XVI в. иностранцы сообщают немного сведений. По словам Иовия, Новгород славился бесчисленным множеством зданий; в нем было много богатых и великолепных монастырей и изящно-изукрашенных церквей. Здания впрочем почти все были деревянные. Англичане доносили, что, уступая Москве в достоинстве, он

³⁰¹) G. de Lannoy, 19.

значительно превосходил ее обширностью. Новгородский кремль имел почти круглый вид и был окружен высокими стенами с башнями ³⁴²); кроме собора и зданий подлинно, в которых жил архиепископ с духовенством, в нем почти не было других зданий. За год до приезда Поссевины в Новгород один италийский архитектор окружил кремль новой, земляной стеною, на которой поставил несколько башен с пушками. В письме к начальнику иезуитского ордена Поссевини прибавляет, что в кремле, кроме упомянутых зданий, было еще несколько деревянных хиженок, а около города по Ильмену и с других сторон было много монашеских обителей; Поссевини считает в Новгороде в мирное время не более 20.000 жителей: такая была разница между Новгородом XVI-го и Новгородом XIV-го века, когда в нем считали до 300.000 жителей. Кроме материальных потерь, понесенных им в XV и XVI в., иностранцы указывают и потери нравственные: Герберштейн замечает, что жители его отличались прежде большею мягкостью нравов и прямою характером, но что с тех пор, как поселились в нем более грубые и криводушные жители из московских областей, нравы народа сильно испортились. В XVII в. Новгород продолжал сохранять важное значение в торговле Московского государства; но о том, каким был он прежде, во время своего процветания, можно было только догадываться по скудным остаткам: вокруг города видны были еще следы прежних стен, а также развалины церквей и монастырей, бывши некогда в черте города ³⁴³).

³⁴²) Каменная дубина построена в Новгороде в 1491 г.

³⁴³) Oderbornii «Vita Iohanni Basilii» в «Rerum Moscoviticarum collectio varii», p. 243.—Кампензес, 22. tab 36.—Herberstein 34.—Pozzevino, 13, 17 и слѣд.—Ulfield, 13. «Supplementum ad Historiam Russiæ Monachorum», № CLXII—Olivarius, 90. Carlisle, 304.

Псков, этот младший брат Новгорода, подобно ему много потерпел от Москвы, но и в XVI веке сохранял еще важное значение в Московском государстве. В конце этого века он особенно стал известен иностранцам благодаря знаменитой осаде его Ст. Баторием и считался первою крепостью в государстве. Ланнуа, проездом из Новгорода посетивший и Псков, ограничивается относительно последнего немногими словами, что он очень хорошо укреплен каменными стенами с башнями и имеет очень большой замок, в который никто из иностранцев не смеет входить, в противном случае подвергается смерти ³⁰⁴). Затем о внешнем виде Пскова мы не встречаем у иностранцев известий почти до конца XVI в. Герберштейн замечает только, что Псков—единственный город в государстве, который весь окружен стенами. Более обстоятельное описание его сообщает Поссевин, долго живший в польском лагере пред Псковом. По его словам, Псков окружен каменной стеною, с башнями, материал для которой доставляло русло реки (Великой); по середине города, имеющего вид продолговатого треугольника, проходит другая стена, при которой расположены один за другим три замка ³⁰⁵). Ульфелдус рассказывал в Пскове, что этот город имеет 300 церквей и 150 монастырей; и те и другие почти все каменные. По описанию Вундерера, посетившего Псков в 1589 году, город был очень многолюден и делился на 4 части, имевшие вид особых городов, окруженных каменными стенами. Здесь жило много иностранных

³⁰⁴) G. de Lannoy, 22: où nul franc crestien ne peut entrer qu'il ne lui faille murir.

³⁰⁵) Эти три замка были Кремль, Средний город и Большой город.

кушеров и ремесленников; люди каждого ремесла жили особо; жилища кушеров и других мастеров, употребляющих огонь при своих работах, расположены были длинными рядами вдали от других. Дома простых граждан в Пскове были большей частью деревянные и окружались заборами, плетнями, деревьями и огородами; над воротами каждого дома висел литой или писанный образ. В этом городе, битком набитом, по выражению Поссевина, деревянными зданиями, по сомнительному показанию Вундерера, считалось до 41.500 домов. В одном из замков Вундерер видел очень красивый дворец государя, в котором все покои убраны были красным бархатом. Подле замка стоял большой каменный дом, называвшийся Гаспшаг, в котором иностранные купцы выставляли свои товары, продавали, покупали и меняли. Потом Вундереру показывали другое здание, в котором держали несколько белых медведей, белых волков и буйволов для боя ³⁶⁶). Несмотря на множество зданий, какое показывают в Пскове Вундерер и Поссевин, последний и в нем, как в Новгородѣ, считает в мирное время не более 20.000 жителей. По словам Герберштейна, искovitяне отличались прежде обходительностью, торговые дела вели добросовестно, без хитрости и обмана; но со времени поселения между ними москвитян нравы в Пскове, как и в Новгородѣ, изменились к худшему ³⁶⁷). В XVII в. Псков сохранил еще значительные размеры, имел в окружности

³⁶⁶) Darnach führt man uns in ein aewler Hausz, in dem unto der Erde rätlich weisz Bienen, weisz Wölff und Uthrochse zum Kerz pflön erzehret werden. «Frankf. Archiv für ältere deutsche Litt.» etc., herausgegeben, von Fichard, B. II, S. 202.

³⁶⁷) Posssevino, 18.—Herberstein, 36.—Ulfsed, 12.

по свидетельству Штрауса, более 2-х миль, но вблизи представлял жалкий вид; дома в нем были попрежнему почти все деревянные, а стены хотя и каменные, но с плохими балками, улицы нечистые и немощеные, кроме главной, выходявшей на торговую площадь; эта улица вымощена была вдоль положенными бревнами ³⁰⁸).

Москва, Новгород и Псков имели каменные крепости. К таким же крепостям причисляются во второй половине XVI в. Порхов, Старица, Нижний, Александровская слобода, Белозерская крепость и другие города. Построенная при Иоанне III каменная крепость на ливонской границе—Иван-город во второй половине XVI в. отходила на некоторое время к шведам. Но большая часть крепостей и в XVI в. состояла из деревянных укреплений. В начале этого века Московское государство приобрело важную деревянную крепость Смоленск ³⁰⁹), за которую шла давняя борьба между двумя соседними государствами; эта борьба продолжалась и после присоединения Смоленска к Московскому государству, весь XVI и даже XVII век. По описанию Герберштейна, город расположен в долине, обруженной со всех сторон холмами и лесами; в окрестностях его видны развалины многих каменных монастырей. Кобенцелю Смоленск показался величиной с Рим; здания в нем все деревянные, кроме соборного храма в крепости на горе. Крепость, расположенная на левом берегу Днепра, на возвышении, была застроена домами и имела вид отдельного города; с одной стороны она омывалась рекой, а с другой окружена была глубоким рвом и заостренными бревнами (тыном). Посе-

³⁰⁸) Struys, 106.

³⁰⁹) Clavis Moscuæ, по выражению Таннера.

нии не упоминает о тине, но говорит, что крепость окружена насыпью, обделанной плетнем, в отверстиях которой поставлены пушки. В правление Бориса Годунова крепость обведена была новою, каменною стеною; по описанию Масковича, присутствовавшего при осаде Смоленска в 1609 году, эта стена имела три сажени толщины и 3 концы вышнии; на ней было 38 четырехугольных и круглых башен на расстоянии 200 сажен друг от друга. В городе до польской осады в 1609 г. было около 8.000 домов; но разорение, какое потерпел он во время этой осады, было так велико, что еще при Мейерберге он представлял одни развалины. Присажая чрез Смоленск в 1675 году, Таннер заметил в крепости оживленную деятельность: достраивали новые каменные стены. В городе между товарами на рынке Таннер заметил больше всего горшков и деревянной, красиво выточенной посуды ⁸¹⁰).

Некоторые города, по свидетельству Поссевина, были окружены бревнами, сложенными в четырехугольники, которые наполнялись землей или песком, отчего их трудно было разбивать, а чтобы они не легко загорались, их обмазывали глиной ⁸¹¹). Кроме упомянутых городов в XVI в. считались важными пограничными крепостями Казань и Астрахань. По описанию Олеария и Штрауса, Казань довольно большой город с деревянными укреплениями и

⁸¹⁰) Harberstein, 32. — Кобенцель, 140. — Possevino, 19. — Буссон, 29. — Маскович, 19. — Mayerberg, II, 154. — Таннер, 32. — Neuville, 4. — Лезак называет Смоленск inexpugnabile patriae totius antemurale et potentissimum Borysthenis frenum (стр. 20).

⁸¹¹) Possevino, 17.

домами; но крепость окружена толстыми каменными стенами и снабжена артиллерией и значительным гарнизоном; русло реки Казанки служит для нее очень хорошим ровом. В городе живут Русские и Татары; последним запрещено входить в крепость под страхом смертной казни⁸¹²). Тверь, Рязань, Владимир и Нижний принадлежали к числу значительных городов, но не считались важными укрепленными местами, хотя и в них были епости, а в Нижнем была даже каменная крепость, построенная великим князем Василием Ивановичем против Черемис, как замечает Герберштейн. Тверь, по описанию Носсовича, казалась издали очень большим городом; она имела довольно большое количество домов, но населением много уступала Искову и Смоленску, т. е. в ней далеко не было и 20.000 жителей. Город расположен на левом берегу Волги и, если верить показанию Меховского, имел 160 деревянных церквей; против него, на другом берегу реки, стояла деревянная крепость, в которой, по свидетельству того же иностранца, было 9 церквей, и из них только соборная была каменная. В смутное время Тверь, подобно многим другим городам Московского государства, подверглась страшным опустошениям, от которых не могла долго оправиться; от прежних стен ее не осталось и следа. В половине XVI века она была маленьким городком, окруженным деревянными укреплениями, и имела не более 150 домов⁸¹³). К менее значительным по величине городам причисляются в XVI в. Вологда и Ярославль; последний Флетчер называет самым красивым

⁸¹²) Olearius, 287.—Struys, 154.

⁸¹³) «*Rerum Moscoviticarum auctores varii*», p. 207.—Petrejus, 381.—Mayerberg, II. 74.

по местоположению. Вологда имела крепость; но оба эти города были гораздо важнее в торговом отношении. Значение Вологды увеличилось особенно с того времени, как открылась торговля с англичанами чрез Белое море: выходящее покоем на торговом пути между галавю св. Николая и Москвой делало ее важным складочным пунктом в этой торговле. По описанию англичан, Вологда доказано большой город; посад его весь состоит из деревяннм зданій, не исключая и царквей: крепость окружена красною и высокою каменною стеною; в ней много паревоі, между которыми осьь каменные. В городе живет много богатых купцов. Благодаря его торговому значению там всегда бывает большое стечение народа, особенно осенью, когда происходит движение товаров между Москвой и галавю св. Николая; купцы, направляющиеся от Белого моря к Москве, доплыв до Вологды, ждут здесь открытия савинго пути, чтобы двинуться к столице⁴¹¹).

В XVII в. на двух противоположных окраинах Московскаго государства с важным торговым значением являются два города: один новый—Архангельск, другой старый—Астрихань. Архангельск, по описанию Олеария, построена при устье Двины, там, где она разделяется на два рукава и омывает остров Подоземский (Пудожерский). Сперва корабли входили в левый рукав Двины, при монастыре св. Николая; в этом месте, столь важном в торговле XVI в., было маленькое поселение, состоявшее, по описанию английского посла Рандольфа, из четырех русских домов и одного, принадлежавшего английской компании: эти дома расположены были подле деревян-

⁴¹¹) Hakluyt, I. 348 и 349, 423.—Carlsale, 107.

ных стен монастыря, в котором было не более 20 монахов. Но когда устье левого рукава обмелело от наносного песку, а правый рукав сделался глубже, то корабли стали входить в последний, и здесь в 1584 г. основан был новый город. Горсей, проезжая здесь в 1584 г., видел только небольшую крепость ³¹⁵⁾, которой управлял князь Василий Андреевич Звенигородский; при нем было несколько стрельцов. Скоро около крепости образовался посад, благодаря торговому значению этого места. По описанию Олеария, город не велик, но знаменит обширною торговлей; ежегодно голландские, английские и гамбургские корабли приходят туда с разными товарами; к этому времени съезжаются сюда купцы со всего государства, особенно немцы из Москвы с русскими товарами ³¹⁶⁾. Астрахань по описанию того же Олеария, расположена на песчаном острове Долгом, при главном рукаве Волги, в 12 милях от ее впадения в море. Иоани IV, завоевав Астрахань, обнес ее толстою каменною стеною; при Алексее Михайловиче город был распространен; в нем возникла новая часть, где поселены были стрельцы, отчего она и названа Стрелецким городом. Штраус называет Астрахань одним из лучших городов Московии, как по величине, так и по красоте. Она имела более 1.000 саженьей в окружности. Надали, с Волги, город представлял очень красивый вид, благодаря множеству каменных башен и колоколен; но вблизи впечатление переменилось, наблюдатель видел массу почти только деревянных зданий, дурно построенных. Крепость снабжена сильным гарнизоном и пушками, которых было более 500;

³¹⁵⁾ The new castle called Archangel Nakluyt, I, 530.

³¹⁶⁾ Nakluyt, I, 422.—Olearius, 114.

гирейской состоял из 9 стрелецких приказов, по 500 человек в каждом. Находясь на границе двух частей света, Астрахань служила средоточием обширной торговли; сюда стекались купцы из разных стран Европы и Азии; на южном дворе в Астрахани Апрель встретил представителей почти всех наций мира. Армяне занимали в Астрахани левое предместье; кроме того, сюда приезжали Бухарцы, Персияне, Черемисы, крымские и ногайские Татары, даже Индейцы ²¹⁷⁾.

Возвышая часть крепостей Московского государства и в XVII в. имела деревянные укрепления; каменные укрепления имели, кроме столицы, следующие города, как их перечисляет Маржерет и Мейерберг: Борисов, Смоленск, Можайск, Ивановгород, Новгород-Северский, Псков, Новгород-Великий, Нижний, Коломна, Казань, Астрахань, Нархов, Вологда, Путивль и Тула ²¹⁸⁾.

Чем более поражал своею громадностью и многолюдством главный город Московского государства, находившийся в центральной его области, тем заметнее был недостаток больших городов в других областях. Если и во внутренних областях было много городов, едва заслуживавших это название, то еще менее заслуживала его большая часть городов, бывших на окраинах государства. Мы имеем весьма много указаний на то, каковы были эти города в северных областях. Пустомерск, по одному английскому известию, имел в XVII в. от 50 до 100 домов; в городке Почере было всего три церкви; другой городок Усть-Ильма состоял из 60 домов; в Коло была всего два

²¹⁷⁾ Olearius, 318 и след.—Struys, 165—Avril. 90 и 100.

²¹⁸⁾ Маржерет, 34—Mayerberg, 11, 62 и 63.

улицы, состоявшая из низких деревянных домиков, покрытых рыбьими костями ³¹⁹⁾.

Что касается вообще до характера городов в Московском государстве, то иностранцы замечали, что количество населения в них гораздо меньше, нежели сколько можно было бы предполагать, судя по количеству зданий. Это происходило от того значения, какое имел город в Московском государстве: он был прежде всего огороженным местом, в котором окрестное население искало убежища во время неприятельского нашествия. Чтоб удовлетворить этой потребности, так часто возникавшей благодаря обстоятельствам, среди которых слагалось государство, города должны были иметь большие размеры, нежели какие нужны были для помещения их постоянного населения,—и мы знаем, что окрестные землевладельцы и монастыри имели в городах «осадные» дворы, куда они перебирались с своими пожитками в случае неприятельского нашествия. Посевин, говоря о числе жителей в некоторых городах, делает оговорку, что столько бывает в них жителей, когда нет войны. Эта оговорка была необходима: в случае нападения неприятелей окрестное население с движимым имуществом сбегалось в ближний город, который вследствие этого непомерно наполнялся. Сколько собиралось в таких случаях народа в городах, видно из того, что одних погибших от пожара в Москве во время крымского разгрома в 1571 году полагали до 800,000 человек. Но мы напрасно стали бы искать в русском городе XVI или XVII века тех основных черт, которые мы привыкли соединять с понятием евро-

³¹⁹⁾ Мильтон, «Исторія Московіи» («Отеч. Зап.», т. СXXXI, отд. I, стр. 106 и 107).

высокой города как центра, в котором сосредоточивается торговое и промышленное население известного округа. И Московском государстве, как стране преимущественно земледельческой, где в такой степени преобладала первоначальная промышленность и так слабо развито было ремесло, очень немногие города подходили сколько-нибудь под понятие города в европейском смысле; остальные вообще только тем отличались от окрестных селений, что были огорожены и имели большие размеры; но большинство населения их занимало теми же занятиями, как и окрестные сельские жители. В стране, где так еще слабо было разделение труда, где каждый старался по возможности сам удовлетворить своим ограниченным потребностям, ремесленный труд не мог достигнуть значительного развития и цениться дорого. Иностранцы говорят, что только в Москве можно было найти несколько опытных мастеров по разным ремеслам, да и те были большей частью Немцы; в других городах почти не было никаких мастеров, кроме сапожников и портных. По свидетельству Герберштейна, промышленные ручным трудом по найму получали в Москве $1\frac{1}{2}$ деньги за день работы, мастера по 2 денны; о золотых дел мастерах он говорит, что труд их вообще ценился очень дешево. Гаминин прибавляет к этому, что когда жизненные припасы дорожали, труд мастеров еще более падал в цене, так что гонимой работой они едва могли заработать себе хлеба на день ²¹⁹). Наконец, мы знаем, что большая часть новых городов и городков Московского государства возникла не вследствие экономических потребностей страны, но вследствие государственных соображений, по

²¹⁹) Васильев, 246—Herberstein. 40 и 42—Guagnini. 170.

распоряжениям правительства. Эти причины и производили то любопытное явление, что даже в XVII в. в описях многих городов перечисляются дворы служилых людей, пашенных людей, но о лосадских, торговых и ремесленных людях говорится, что их нет.

XI.

Торговля.

Из неразвитости искусств и ремесл и из преобладания промышленности первоначальной можно уже заключать, какие предметы торговли ставила на рынок страна и в каких сама нуждалась: ставила продукты земледелия, меха и вообще сырые произведения, нуждалась преимущественно в произведениях непервоначальной, мануфактурной промышленности, в предметах роскоши и культуры. Главными торговыми городами на севере и в XVI в. оставались Новгород и Псков, имевшие значение преимущественно как посредствующие рынки, чрез которые страна отпускала на запад свои товары и получала иностранные. Во второй половине XVI в. важным торговым пунктом сделалась гавань св. Николая при устье Северной Двины, благодаря открытию торговых сношений с Англией. Затем следовали Вологда и Ярославль, имевшие важное значение и во внутренней торговле. На юге, во второй половине XVI в., государство приобрело важный для восточной торговли город Астрахань. В XVII в. Астрахань и Архангельск были главными пунктами внешней торговли Московского государства. Москва имела значение преимущественно как центр внутреннего торгового движения. Впродолжение всей зимы привозили сюда из окрестных мест дрова, сено, хлеб и другие

предметы; в конце ноября окрестные жители убивали свиней коров и свиней и во множестве свозили их замороженными в столицу. Рыбу также привозили замороженной и твердой, как камень, что очень дивило иностранцев³²⁹). Цены этих товаров, свозившихся в Москву, казались иностранцам необыкновенно дешевыми. Барбаро говорит, что говядину продавали не на вес, а по глазомеру; за один марк (marchetto) можно было купить 4 фунта мяса; 70 кур стоили червонец; по словам Ювия, курицу или утку можно было купить за самую мелкую серебряную монету. Во время пребывания Контарини в Москве 10 володавских стар (30 четвериков) ипеницы стоили червонец; так же дешево продавался и прочий хлеб; три фунта мяса стоили один сольд, 100 кур или 40 уток — один червонец, а самый лучший гусь не более 3 сольдов³³¹). Контарини видел на Московских рынках много зайцев, но другой дичи почти совсем не было видно. Герберштейн говорит, что мера хлеба продавалась в Москве по 4 и по 6 денег. Можно верить такому обилию припасов на московских рынках и их дешевизне, зная, что Москва была главным средоточием внутреннего торгового движения страны. Англичане писали, что по дороге от Ярославля к Москве они видели иногда до 700 или 800 возов с хлебом и соленой рыбой, направлявшихся к столице; туда же ехали за хлебом жители отдаленного севера и везли с собой на продажу рыбу, меха и кожи³³²). С другой стороны направлялись к Москве Татары с юга

³²⁹) Контарини, 109.—G. de Lannoy, 22.

³³⁰) Сольд $\frac{1}{100}$ червонца и $\frac{1}{200}$ девра.

³³¹) Ювий, 49.—Herberstein, 53.—Clemens Adam в «Rerum Moscoviticarum auctores vari» p. 159.

по Волге, Оке и Москве-реке. До завоевания Астрахани из Москвы ежегодно ходило сюда несколько судов за солью и рыбой. С присоединением Астрахани к Московскому государству, это движение по Волге должно было оживиться и принять Солиные размеры. В 1636 году Олеарий видел на Москве-реке много больших судов, шедших из Астрахани к столице с медом, солью и соленой рыбой. Из внутренних областей суда отправлялись к Астрахани весной, в полоую воду, когда судоходство по рекам не встречало таких затруднений в мелях, как летом. Около Саратова тот же путешественник встретил две большие барки, шедшие из Астрахани; на каждой было по 400 работников. Одна принадлежала патриарху и везла разные жизненные припасы; другая была царская с икрой ³²³). По Волге шло самое оживленное торговое движение; в речной области Волги указываются и важнейшие пункты внутренней торговли. В двух милях от города Мологи, вверх по реке Мологе, по берегу се. при церкви, которая вместе с развалинами крепости осталась от находившегося здесь прежде Холоного города, бывала самая многолюдная, по словам Герберштейна, ярмарка в целом государстве, куда, кроме Шведов, Ливонцев, Русских, съезжалось много Татар и других иностранцев из отдаленных северных и восточных стран. Торговля здесь была исключительно меновая: стрелы, ножи, ложки, топоры, готовые одежды и другие подобные вещи меняли преимущественно на меха. Ярославль славился своей торговлей, главными статьями которой были кожи, сало и хлеб; там продавался также воск кругами, хотя этот товар в большем количестве являлся

³²³) Olearius, 272, 278 и 300.

на других рынках. Герберштейн говорит, что Дмитров лежит на р. Яхроме, впадающей в реку Сестру, а последние впадает в Дубну, приток Волги; вследствие этого в Дмитрове жило много богатых купцов, которые привозили товары с востока Каспийским морем и Волгой и разносили их по городам Московского государства. Агент Английской компании писал, что из областей по Верхней Волге каждое лето ходило к Астрахани до 400 больших и малых судов за солью и рыбой. Некоторое из этих судов были в 500 тонн ³²¹). По значению в торговле берзее место после Волги занимала Северная Двина, поддерживавшая торговые связи отдаленного северного края с внутренними областями государства. В системе Северной Двины также были пункты важные во внутренней торговле России. Такова была Вологда, в которой один агент Английской компании писал, что нет города в России, который не торговал бы с ней. Преподобными предметами на вологодском рынке были мех, повея и сало. На значение Вологды, как средоточия торгового движения по Северной Двине, указывает и другое английское известие, что Вологодским купцам принадлежала большая часть насадов и дощаников, плававших по Северной Двине, на которых перевозилась соль от морского берега в Вологду. Одной из главных статей промышленности и торговли северного края были меха; важным рынком меховой торговли был Устюг Великий. По свидетельству Ювия, сюда съезжались промышленники из Пармы, Печоры, Угорьи и других отдаленных краев, привозя с собою разные меха. Но первое место в торговле мехами и другими произведениями севера занимали

³²¹) Herberstein, 50 и 57.—Наклучт, I, 408.

Холмогоры: сюда на зимнюю пикольскую ярмарку привозили на оленях из Печоры, Пинеги, Лампожни и Пустозерска редкие и дорогие меха соболя, куницы, лисьи белые, черные и рыжие, заячьи и горностаевые. Этот же город в изобилии снабжал северный край солью и соленой рыбой. Из новолжских городов значительную торговлю мехами производила Казань ²²⁵). О меховой промышленности находим некоторые любопытные подробности у иностранцев XVI в., преимущественно у Герберштейна. Ювию объясняли прежнюю дешевизну мехов тем, что жители отдаленного севера по простоте своей прежде часто меняли их на самые дешевые вещи московским купцам; так жители Перми и Печоры, по его словам, еще недавно платили за железный топор столько соболей, сколько московские купцы, связав вместе, могли продеть их в отверстие топора, куда влагается топориче. Соболя меха ценились по густоте, черноте и длине волоса, также по времени, в которое пойман был зверь. Герберштейн слышал, что в Москве бывали иногда соболя меха, продававшиеся по 20 и по 30 золотых, или рублей, но ему самому не удалось видеть такою. В XVII в. некоторые соболя меха продавались в Москве рублей по 100 и более; самые маленькие стоили 1 рубль. Горностаевые продавались по 3 и по 4 деньги за шкуру; лисьи, особенно черные, из которых преимущественно делали шапки, ценились очень дорого; иногда десяток продавали по 15 рублей. Беличьи меха привозили связками, по 10 шкурок в каждой; из них две были самые лучшие, три похуже, четыре еще хуже и одна последняя самая дурная; каж-

²²⁵) - *Rerum Moscovitarum auctores varii*, p. 151.—Hakluyt, I, 264.—Барбаро, 60.

для воронья продавались по 1 или по 2 деньги. Бобровые меха были в большой цене, ими обшивали полы верхнего платья. Меха домашних кошек носили женщины. Из тещего зверового меха делали преимущественно одежды для гадких зимних поездок. По известиям XVII в., в Мезьгу привозили по Волге много барашковых шкур, очень волнистых, которые ценились довольно дорого ²²⁶).

Герберштейн в географическом очерке страны указывает и торговые пути от Москвы на север. Из Москвы через Переяславль лежал путь к Костроме, Ярославлю и Угличу. Уже здесь не знали точно расстояний, по причине множества болот и лесов; то же замечание постоянно повторяется при описании страны далее на север. От Ярославля шел прямой путь к Вологде, а оттуда к Устюгу, от которого по Двине шел прямой водный путь на север; но кратчайший путь из Вологды в Двинскую область был на реку Вагу. На Белоозеро из Москвы было два пути, — кратчайший зимний чрез Переяславль на Углич и летний на Ярославль, но и тот и другой были очень неудобны, особенно летний, по причине множества лесов, болот и рек, чрез которые во многих местах надо было делать мосты и гати; трудность этих путей за Волгой увеличилась еще тем, что они проходили большей частью по малолюдной стране, где земли почти не обрабатывались и редко попадались жилые места. В Вятку было также два пути: один кратчайший через Кострому и Галич, но более трудный и опасный, по причине болот и лесов между Галичем и Вяткой и разбойничества бродявших здесь Черемис; другой более длинный, но и более безопасный шел на Вологду и Устюг. В Пермь сухим

²²⁶) Туппер, 104.

путем ездили только зимой; летом ехали туда на Вологду и Устюг, откуда плыли по Двине в Вычегду ²²⁷). Ехавшие из Перми в Устюг плыли вверх по Вышере и, прошедши чрез несколько рек, при чем иногда надо было перетаскивать лодки из одной реки в другую сухим путем, приплывали наконец к Устюгу. Огромность расстояний и характер поверхности земли делали сообщения в северных странах крайне затруднительными и медленными. Летом ездить сухим путем было большею частью невозможно, потому должно было плыть реками, хотя от этого путь иногда очень удлинялся. Понятно, какое значение для торговли имела в этих странах зима с своими снегами и льдами. Кроме оленей для перевозки тяжестей на севере употребляли, по свидетельству Герберштейна, больших собак, запрягая их в сани. Зимой, говорит Ковтарины, на русских саниах, запряженных в одну лошадь, весьма легко перевозить всякие тяжести, тогда как летом езда почти невозможна от большой грязи и множества мошек. Сани, по описанию того же путешественника, были очень похожи на дом и запрягались обыкновенно в одну лошадь, которая везла их с необыкновенною скоростью.

Торговое движение на юге едва ли встречало меньше затруднений, чем на севере; путь по безводной и безлесной степи был часто так же труден и опасен, как и путь по лесным и болотным пространствам севера. Ранние известия говорят нам о сильном развитии торговли по

²²⁷) Въ житіи Стефана Пермскаго указывается послѣдній путь: «всякому хотящему шествовати въ Пермскую землю удобствѣнъ путь есть отъ града Устыва рекою Вычегдою вверхъ, дождеже видѣть въ самую Пермь». Соловьевъ, «Исторія Россіи», IV, 264.

широкому водному пути, который представляла Волга; но то же широкое говорят и о развитии разбойничества на ней. Со второй половины XVI в. юго-восточные степи начали заселяться из Московского государства; при сыне Ивана Грозного явились на Волге города: Шанчурин, Саратов, Перемышля, Царицын; таким образом путь к главному торговому городу на юге более и более очищался, но как медленно совершалось это, можно видеть из правдивых известий очевидцев о путешествии из Астрахани в Москву в конце XV и в конце XVI в. Ковтарина, приехавший в 1476 г. по этому пути с большим кунеческим караваном, пишет, что ехали в большом страхе, поминутно ожидая нападения, особенно там, где Дон подходит на ближайшее расстояние к Волге, через которую переправлялись на плотах, наскоро сработанных в ближнем лесу; в степи почти не было видно следов дороги; путинки ограждались на ночь повожами в виде крепости и ставили караульных; ехали 47 дней. Очевидцы рассказывали Поссевину, что в обширных пустынях между Астраханью и Москвой путешественники иногда по целым месяцам остаются без хлеба, питаясь рыбой и дичью²²⁵). От Астрахани до Казани плыли по Волге 10 дней. Другой водный путь для торговли Москвы с магометанскими странами шел по Дону. По словам Герберштейна, при Данкове, старом и разрушенном городе, нагружались суда, отправлявшиеся в Азов, Кафу и Константинополь; эта нагрузка происходила обыкновенно осенью, в дождливое время года, потому что летом Дон здесь мелководен и не подымает значительных судов с грузом. До Азова плыли отсюда

²²⁵) Ковтарина, 91—104.—Поссевино. 12.

20 дней. В Азове собирались купцы из разных стран. По словам Лассекаго, здесь турки и татары производили торговлю с московскими купцами, выменивая у них меха на шелковые и шерстяные материи и драгоценные камни ³²⁹). От Азова в 5-ти днях пути находился Перекоп; но сюда из Москвы ездили другим путем, чрез Путивль; путь этот был сопряжен со многими неудобствами, затруднявшими торговое движение. По словам Герберштейна, в здешних пустынях, при переправе чрез реки, на путников часто нападали бродячие Татары и уводили их в плен. Михалон также говорит, что когда купцы, для избежания двойной переправы через Днепр и платы литовской пошлины, оставив старую дорогу чрез литовские владения, направляются из Тавриды прямо в Москву чрез Путивль или возвращаются оттуда непроходимыми степями, то часто делаются добычей бродячих в тех местах разбойников ³³⁰). Михалон называет путь из Тавриды чрез Литовские владения старую дорогой торговли с Крымом. Эта дорога шла на Киев, который, по своему положению на третьей главной реке восточной Европы, текущей на юг, имел в важное значение в восточной торговле. По словам Михалона, Киев изобилвал иноземными товарами, ибо для всего, что привозилось из Персии, Индии, Аравии, Сирии на север в Москву, Псков, Новгород, в Швецию и Данию, не было, по его словам, другой более верной, прямой и известной дороги, как от порта Эвксинского моря, т. е. от Кафы чрез ворота Тавриды и Тованский перевоз на Днепре

³²⁹) Herberstein, 48 в 49. — «Historica Russiae Monumenta», I, № СХХIII

³³⁰) Михалон, 67.

и потом через Киев. Этой дорогою часто ездили иноземные купцы, собираясь большими караванами человек по 1000, с повозками и верблюдами. Как иногда была верна и безопасна эта прямая дорога, как называет ее Михалон, можно видеть из его же замечания, что упоминаемые караваны, приносящие большие выгоды киевским поводам, купцам, менялам, лодочникам и проч., были выгодны и тогда, когда проходили в зимнее время по полям и их заносило снегом; таким образом случалось, что грелные киевские хижины наполнялись дорогими пшеничными тканями, мехами, ароматами и проч., так что,—добавляет Михалон,—я находил там шелк, продававшийся дешевле льна в Вильне, а перец дешевле соли ²²¹).

Наряду торговому движению — Крыма на Киев шло торговое движение из Московского государства по Днепру. Контарини говорит, что в Киев съезжалось множество купцов из Великой России с мехами, которые они отправляли в Кафу ²²²). Герберштейн указывает сборные пункты этого движения по Днепру: на верхнем течении Днепра, там, где с ним соединяется Днепрец, нагружались суда товарами из Москвы и Холоцкого города и отправлялись в Литву; недалеко оттуда находился монастырь св. Троицы, где купцы останавливались. Под Вязьмой течет речка того же имени, которая в двух верстах ниже впадает в Днепр; по ней суда, нагруженные товарами, одни отправлялись от этого города в Днепр, а другие приходили сюда из Днепра, поднимались вверх по его течению ²²³).

²²¹) Там же.

²²²) Контарини, 21.

²²³) Herberstein, 52.

Иностранцы сообщают несколько известий о состоянии средств сообщения в Московском государстве. Сообщение между Москвой и пограничными городами производилось посредством ямов. Это были местечки с одним или несколькими дворами, которые поставлены были по большим дорогам от важнейших пограничных пунктов к столице. По словам Горсея, при Иоанне Грозном построено было в пустынных и диких краях государства до 300 ямов. Каждому ямщику давался участок земли с обязательством держать известное число ямских лошадей; за то он был освобожден от прочих повинностей. Олеарий прибавляет, что ямщикам выдавалось еще денежное жалованье рублей по 30 в год. Ямские дворы становились на расстоянии 6, 10, даже 12 миль один от другого. Между Москвой и Вологдой, на расстоянии 500 верст, было 14 ямов. Ямские лошади предназначались собственно для государевых гонцов и вообще людей, ехавших по казенной надобности; но из донесений англичан, торговавших в России, видим, что этими лошадьми могли пользоваться и купцы, как русские, так и иностранные, имея при себе вид из приказа и платя известные прогоны. Рейтенфельс говорит, что почтовых лошадей мог брать всякий за небольшую плату. О почтовых прогонах находим известие у Герберштейна: за 10 или 20 верст платили обыкновенно 6 денег. Снафари рассказывает Невиллю, что при кн. В. В. Голицыне, для облегчения административных и торговых сношений с Сибирью, предпринято было провести кратчайшим путем от Москвы до Тобольска ряд ямов на расстоянии 10 миль один от другого, назначив в каждый ям на первый раз по 3 лошади, так чтобы этими лошадьми могли пользоваться и частные лица, проезжающие по своим делам

в Сибирь или из Сибири, платя по 8 коп. за 10 верст. Ямщик выехал летом на небольшой телеге, запряженной в одну лошадь, а зимой на небольших санях, также в одну лошадь. Ездили очень быстро, особенно зимой: от Архангельска до Вологды ездили зимой на санях 8 суток, а от Вологды до Москвы не более 5 суток из Новгорода в Москву ездили на ямских лошадях летом 6 или 7 суток, зимой 4 или 5 суток; слуга Герберштейна проехал этот путь верхом в 72 часа; такая быстрота, добавляет Герберштейн, тем более удивительна, что лошади здесь очень малы и содержатся гораздо хуже, нежели у нас. Особенно быстро производилось движение по казенной надобности; благодаря этому, государь, по словам Петра, каждую неделю получал новые известия о том, что делалось на отдаленных границах его государства. Чтобы не было остановки при смене лошадей, ямщики, подъезжая к яму, производили громкий свист, на который из двора тотчас выводили свежих лошадей. Когда Герберштейн, в качестве иностранного посла, ехал из Новгорода в Москву, на всех ямах ему выставляли по 30, 40, 50 лошадей, тогда как ему нужно было не более 12; потому каждый из его свиты мог выбирать себе любую лошадь. Если лошадь утомлялась или падала, не достигнув яма, можно было взять другую на ближайшего селения или у первого встретившагося проезжего, исключая государева гонца; ямщик должен отыскать лошадь, оставленную на дороге, также взыскую у кого-нибудь лошадь возвратит хозяину, заплатив ему при этом прогоныя деньги. Из слов Олеария видно, что кроме ямщиков извозом занимались и простые крестьяне; Олеарий говорит, что езда на обывательских лошадях очень дешева, что каждый крестьянин согла-

нится везти 50 миль за $1\frac{1}{2}$ или по большей мере за 2 рубля³³¹⁾. По словам Дженкинсона, по русским дорогам зимой легко было проехать 500 верст в трое суток; зато летом езда была чрезвычайно затруднительна и медленна. Движение затруднялось обширными лесами, в которых дорога часто не была хорошо проложена, шла по пням недавно срубленных деревьев; но более всего затрудняли движение летом многочисленные топи и болота, на которых, и то не везде, делались плохие гати и мосты. На пути от Москвы до Смоленска Таннер насчитал 533 моста; в иных местах на протяжении 4 миль попадалось больше 40 мостов. Эти мосты делались из толстых бревен, плохо связанных между собою, и тянулись иногда на целую милю; переезд по ним на тяжелом экипаже был очень опасен. Невиль встречал гати, тянувшиеся верст на 12, плохо поддерживавшиеся и чрезвычайно неудобные для езды. Нередко встречались на дороге болота и речки, на которых не было и таких мостов и гатей; путешественники должны были сами рубить лес и кой-как настилать мост. На больших реках большею частью делались пловучие мосты; при проезде польского посольства в 1678 г. по такому мосту в Дорогобуже тяжелые экипажи погружались в воду до половины. Понятно, как медленно совершалось движение по таким дорогам: Невиль говорит, что летом можно было проехать не более 4 или 5 миль в сутки³³²⁾. При таком

³³¹⁾ Herberstein, 41. — Buchau, 251. — Hakluyt, I, 293, 349 и 408. — Горсей в «Виб. для Чт.», 1855 г., № 6, стр. 7. — Petrejus, 316. — Olearius, 43, 117 и 184. — Рейтенфельс, 45. — Tanner, 33. — Neuville, 222.

³³²⁾ Lyseck, 29. — Tanner, 38, 108 и 113. Ср. «Дневник польских послов» в «Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце», ч. IV, стр. 116. — Carlisle, 31. — Neuville, 35.

составляли путей сообщения летом понятно значение, какое имели большие реки, идущие во все почти стороны из средины Московского государства и заменявшие для торгового движения те удобства, какие доставляла ему зима. Торговое движение по большим водным путям производилось посредством больших судов с двумя рулями, но с одним парусом, который действовал только при попутном ветре. На севере, между Холмогорами и Вологдой товары перевозились летом на стругах, дощанках и насадах. По описанию Дженкинсона, насады были длинные и ширине плоскодонные суда, погружавшиеся в воду фута на 4 и вмещавшие в себе до 200 тонн груза. Эти суда строили только из дерева, вовсе без железа; при сильном попутном ветре они плыли с помощью паруса; в противном случае, плыви вверх по реке, шли бичевой, которую тянули до 70 дюжих работников, между тем как другие стояли на самом насаде с длинными баграми в руках и направляли его ход. По Северной Двине и Сухоне ходило много таких судов; большая часть их принадлежала вологодским купцам. Подобные же суда ходили по Волге и ее большим притокам. По небольшим рекам, напр., Мосее, ходили обыкновенно струги тонн в 30. По словам Рандольфа, английская компания построила для извоза по Волге барку в 27 тонн; ее постройка и снаряжение стоило компании не больше 100 марок. Во время Олвария по Волге ходили струги тонн в 800 и даже в 1.000. Английские купцы ездили от гавани св. Николая в Вологду водой 14 суток; от Вологды до Ярославля ехали сухим путем двое суток; от Ярославля до Астрахани по Волге 30 суток; таким образом весь путь от Николаевской пристани при устье Северной Двины до Астрахани совершали летом в 46 суток. Движение по

Москве-реке Герберштейн называет не совсем удобным; Олеарий проехал по ней к Коломне 120 верст в 24 часа, плывя безостановочно. Гораздо тяжелее и медленнее было плавание вверх по рекам; это происходило от того способа, которым двигали суда вверх по большим рекам, наприм., по Волге: бросали якорь на четверть миль впереди; люди, помещавшиеся на барке, которых на больших судах было человек по 200 и более, тянули за веревку, к которой был привязан якорь; таким образом им удавалось в день продвинуть барку не далее 2 миль вперед ³³⁶).

Иностранные путешественники сильно жалуются на бесчисленные затруднения, с которыми соединено было путешествие по Московскому государству. Многие из этих затруднений происходили от редкого населения страны: постоянные дворы попадались редко; в селах не всегда можно было достать хлеба за деньги. На пути от Холмогор до Вологды по Двине Дженкинсон не пришлось побывать ни в одной избе; путешественники оставались на берегу реки, под открытым небом, и здесь готовили пищу из запасов, взятых с собою. Дженкинсон советует всякому, предпринимающему поездку по России, непременно иметь при себе топор, огниво с трупом, котел и пищу на всю дорогу, потому что всего этого обыкновенно нельзя достать на дороге. Путешественнику грозила опасность от хищных зверей, а еще более от лихих людей, которые промышляли по большим дорогам. В лесах по дороге не редко встречались кресты на могилах путников, убитых разбойниками. Корб видел такой крест в

³³⁶) Hakluyt, I, 348. 408 и 423.—Struys, 146.—Olearius, 272 и 281.—Neuville, 215.

дугу между Москвой и Можайском; под ним схоронено было 30 человек, погибших в одно время от разбойников. То же было и по рекам, особенно Волге; путешественнику указывали на Волге множество местностей, прославленных рассказами о разбоях степных кочевников и казаков; ему нередко приходилось испытывать на себе справедливость этих рассказов. На английскую барку, плывшую в 1658 году по Волге, в Персию, напало недалеко от Астрахани до 300 Ногаев. на 18 лодках, и только после двухчасового боя удалось англичанам, при помощи огнестрельного оружия, прогнать разбойников. На возвратном пути из Персии в 1573 году, близ устья Волги тех же англичан встретила русские казаки в числе 150 человек, вооруженных топорами и пищалями; они прикинулись мирными людьми, обманом взошли на корабль и начали резню, которая оканчивалась тем, что англичане сдали им свой корабль со всеми товарами, взяв с разбойников клятву, что они отпустят их живыми³³⁷).

Стараясь завязать политические сношения с западно-европейскими государствами, московское правительство вместе с тем старалось завести с ними и деятельные торговые сношения. В половине XVI в. открылась торговля с англичанами; шведским купцам, которые во время Герберштейна могли торговать только в Новгороде, дано было право ездить не только в Москву, Казань и Астрахань, но через Россию в Индию и Китай, с условием, чтоб и русским купцам позволено было из Швеции отправляться в Либек, Антверпен и Испанию. Иоанн IV долго и упорно добивался гавани на Балтийском море и потратил огромные средства для достижения этой цели. Но

³³⁷) Korb. 37. — Hakluyt. I 413—440.

если в Москве сознавали важность торговых связей с Западом и для упрочения их добивались приморской гавани, то такъ же ясно понимали выгоды от этого для Москвы и ее соседи, стараясь всеми мерами помешать ей в достижении ее целей. Московский государь,—писал Сигизмунд Август польский Елизавете английской,—ежедневно увеличивает свое могущество приобретенным предметом, которые привозятся в Нарву; ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художеств, но приезжают и самые художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех; Вашему Величеству не безызвестны силы этого врага и власть, какую он пользуется над своими подданными; до сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности и не знал искусств; но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет, ему неизвестно ²³⁸).

В одно время с расширением западной торговли Московского государства усиливалась его торговля и на востоке; главным пунктом этой торговли была Астрахань. В 1395 г. Астрахань была разрушена Тамерланом, что нанесло сильный удар ее торговле. Еще в конце XV века, когда через Астрахань проезжал Контарини, она состояла из нескольких небольших мазанок и была окружена низкими стенами, хотя кое-где видны были еще следы гораздо больших зданий ²³⁹). Открытие морского пути в восточную Индию, грозившее торговым городам южной Европы большими потерями, заставило их искать нового пути в Индию с другой стороны, более удобной

²³⁸) Nakluyt, I, 378.

²³⁹) Контарини. 91.

для них, и при этом обратить внимание на забытую Астрахань. Примером того, какие планы строились по этому предмету, может служить рассказ Иовия об одном антрепренере, искателе восточного пути, генуэзском капитане Павле. Негодуя на Португальцев за то, что они одни скупали все благовония востока и по непомерным ценам продавали их в Европе и что благодаря им почти вовсе прекратилась выгодная для городов по Средиземному морю торговля с востоком через Евфрат и Персидский залив, он построил план нового пути для торговли с Индией. В XV в. Европа потеряла устье Танаиса, где был ее давний складочный пункт в торговле с востоком ³¹⁰), а потому Павел вел свой новый восточный путь от Риги на Москву, оттуда реками Москвой, Окой и Волгой в Астрахань, далее Каспийским морем к Страве (Астрабаду), оттуда рекой Обьом и через Паропамиз к реке Инду. Чтобы привести в исполнение свой план, предприниматель два раза ездил в Москву, просил у великого князя Василия поддержки, обещал его казне и подданным огромные выгоды, если этим путем удастся подорвать торговлю ненавистных Португальцев; но в Москве его не поддержали и широкий замысел остался без исполнения, послужив только поводом к отправлению в Рим московского посла Дмитрия Горасимова в 1525 году ³¹¹). Но если события на востоке повредили торговым сношениям южных городов Европы с восточными странами через Азию и Астрахань то восточная торговля Московского государства, вместе с утверждением и распространением его влияния на вос-

³¹⁰) Исход за Астраханью, в 1366 г., до основания разрушен был Тамерланом и Азия, а в 1471 г. он был завоеван Турками.

³¹¹) Иовий, 14—18.

токе, приобретала большую твердость и большие размеры. Во второй половине XV в. из Москвы ежегодно ходили по Волге в Астрахань суда за солью ³¹²). По словам Контарини, хан астраханский ежегодно отправлял к великому князю московскому посла за подарками; с этим послом обыкновенно отправлялся целый караван татарских купцов с джодскими тканями, шелком и другими товарами, которые они меняли на меха, седла, мечи и другие нужные им вещи ³¹³). Вообще Астрахань и в XV в. была для Москвы важным посредствующим рынком в торговле ее с востоком. Из Дербента ездили в Астрахань купцы с сарачинским пшеном, шелковыми тканями и другими товарами востока, и меняли их там русским купцам на меха и другие предметы, требовавшиеся в Дербенте ³¹⁴). В княжение Василия относительно восточной торговли принята была московским правительством мера, имевшая важное значение как для московских, так и для восточных купцов: желая подорвать торговлю враждебной Казани, великий князь велел быть ярмарке в Нижнем и под страхом тяжелого наказания запретил московским купцам ездить на казанскую ярмарку, которая собиралась на Купеческом острове, недалеко от города. Казанцы, конечно, много потеряли от этой меры, но не менее их потеряла в первое время и Москва, потому что во всех товарах, доставлявшихся Каспийским морем и Волгой из Персии и Армении, оказался на московских рынках большой недостаток и они очень вздорожали; особенно поднялась в

³¹²) Барбаро, 57.

³¹³) Контарини, 91.

³¹⁴) Там же, 83.

цве волжская рыба ³¹⁵). Восточная торговля Московского государства по Волге должна была значительно усилиться, когда все течение этой реки вошло в пределы государства. Поссевины говорят, что восточные купцы стали меньше посещать Астрахань после ее присоединения к Московскому государству; это событие могло подвергнуть астраханскую торговлю некоторым колебаниям, но нельзя признать, чтоб явление, указываемое Поссевиным, действительно долго, как нельзя принять во всей силе английское известие, что Астрахань вовсе не такой значительный торговый город, как думают, что Русские привозят туда одни безделницы, как то: кожи, деревянную посуду, уады, гадла и проч. Магометанские владельцы еще в царствование Иоанна IV, стараясь побудить султана к отступлению Астрахани у царя московского, указывали на огромный доход, который получал этот царь в Астрахани от таможенных пошлин ³¹⁶). Кроме указанных товаров, русские купцы отправляли в Астрахань хлеб и другие съестные припасы, также шерстяные и полотняные одежды, ножи, топоры, стрелы, зеркала, кошельки; оружие и железо можно было вывозить только тайком или по особому разрешению начальства. В обмен на эти товары в начале XVI в. купцы джагатайские (из-за Аральского моря) снабжали русских в Астрахани множеством шелковых тканей, а татарские доставляли им

³¹⁵) Herbelotain, 73.

³¹⁶) Ханы хивинский и бухарский доносили султану: «въ Астрахань изъ многихъ земель кораблямъ съ торгомъ приходъ великій, доходить ему (царю московскому) в Астрахань тамги въ день по тысячѣ золотыхъ» (Соловьев, «Исторія Россіи», VI, 293) известие, безъ сомнѣнія, очень преувеличенное, но показывающее, что было что преувеличивать.

лошадей и превосходные белые материи, не тканые, а сваленые из шерсти, из которых делались красивые и хорошо защищавшие от дождя епанчи. Лошадей они пригоняли в Москву и другие города табунами от 30,000 до 40,000. По английским известиям XVI в., из Бухарии привозили в Астрахань и Москву пряные корни, мускус, серую амбру, ремень, хлопчатобумажные материи, шелк, краски, также меха, которые они скупали в Сибири. По известиям XVII в., с востока шли в Московское государство, кроме шелковых и хлопчатобумажных материй, ковры, парча, шелк сученый разных цветов, драгоценные камни и широкие сабли из Бактрии; драгоценные камни привозились в Москву с востока в таком количестве, что иностранцы из западной Европы дивились низким ценам, по которым они продавались в Москве: мелкие рубины, по словам Таллера, продавали фунтами, по 6 немецких флоринов фунт. Из товаров, шедших в Москву из Крыма через Киев, Михалон упоминает драгоценные камни, шелковые и золотом шитые ткани, ладан, финиан, шафран, перец и проч. С Турками в XVII в. шла сухопутная торговля чрез Бессарабию: турецкие купцы привозили в Москву драгоценные камни и разные ткани и вывозили отсюда кожи, меха и белый моржевый зуб, из которого в Турции искусно делали рукоятки кинжалов. По английским известиям XVI в., купцы турецкие и армянские платили в Москве десятую деньгу со всех привозимых ими товаров, кроме того за вес по две деньги с рубля. В Астрахани, по свидетельству Олеария, торговые пошлины были очень умеренны; однакож их ежегодно собиралось там более 12,000 рублей. В заключение о восточной торговле укажем на известие о торговых сношениях Русских с Китаем во второй половине XVII в.:

по словам Коллинса, Русские привозили из Китая через Сибирь чай и бадьян (*anisum indicum stellatum*), который пился с сахаром от стеснений в груди и желудке; эти растения привозили в бумажных пакетах, по 1 фунту в каждом ²¹⁷).

В западной торговле Московского государства во второй половине XVI в. произошли важные перемены. Возникшее стремление Московского государства к сближению с западной Европой, выразившееся в усилиях добиться берегов Балтийского моря, встретилось с стремлением морских западно-европейских государств в противоположную сторону—в богатые восточные страны; вследствие этого в западной торговле Московского государства образовались новые связи, явились новые деятели и новые рынки, давшие другое направление торговому движению. В конце XVI в. ревельский совет жаловался, что торговля Ревеля с Русскими падает, потому что ею завладела, ко вреду его и всех гавзейских городов, чужие народы. Кроме Шведов и Датчан, получивших право торговли в России, в Новгороде утвердились Голландцы с правом беспашинной торговли. Но, без сомнения, всего более тревожили ревельских купцов Англичане. Известно, как начались торговые сношения с ними; сосредоточием этого торгового движения стала пристань в пустынном северном крае при устье Семерной Двины. Компания лондонских купцов, составившаяся для торговли с Россией и утверждаемая королем Филиппом и королевой Марией

²¹⁷) Новая, 20.—Herberstein, 44.—Флетчер, гл. 19-я —Махалон, 67.—Hakluyt, I, 372, 352, 256.—Olearius, 310.—Mayerberg I, 88 и 89. II, 152.—Коллинс, 574; см. Newville, 236.

в 1555 году, деятельно повела завязавшиеся сношения с отдаленною Московией и старалась надежными средствами обеспечить успех своего дела. Инструкции, которыми она снабжала своих агентов в России, всего лучше показывают, в каком духе и с какими целями она действовала. В инструкциях 1555 года агентам предписывалось изучить характер Русского народа во всех его классах ³⁴⁸⁾, его нравы, обычаи, подати, монету, вес, меру, счет, товары, какие нужны этому народу и какие нет, чтобы вследствие незнания всего этого компания не потерпела какого-нибудь вреда или убытка: агенты обязаны были также остерегаться, чтобы никакой закон русский, ни религиозный, ни гражданский, не был нарушен ни ими, ни людьми их, ни моряками, ни кем-либо из англичан; смотреть, чтобы все пошлины были платимы исправно, дабы не навлечь конфискации товаров, чтобы все происходило покойно, без нарушения порядка в тех местах, где англичане будут торговать; агенты должны в Москве или другом каком-нибудь городе, или в нескольких городах, где будет выгоднее торговать, построить один или несколько домов для себя и всех своих людей, с магазинами, погребами и другими службами, и смотреть, чтоб никто из низших служителей не смел почевать вне агентского дома без позволения. Агенты и факторы будут ежедневно собираться и советоваться вместе о том, что было бы всего приличнее и выгоднее для компании. Агенты должны подробно заметить все роды то-

³⁴⁸⁾ Hakluyt, I, 289: that all the saide agents do well consider, ponder and weigh such articles as bee delivered to them to know the natures, dispositions, lawes, customes, maners and behaviours of the people of the countiries where they shall traffike, as well of the novilitie as of the lawyers, marchants, mariners and common people.

варов, которые могут быть с выгодой проданы в России, должны иметь постоянно в уме, как бы всеми возможными средствами узнать дорогу в Китай, морем или сушим путем ³²⁹). В 1555 г. суда компании совершили второе плавание северным путем в Россию, и с тех пор компания ежегодно посылала к устью Северной Двины обыкновенно три корабля с английскими товарами в конце мая или в начале июня, чтобы к осени корабли могли возвратиться в Англию с русскими товарами. В 1582 г. отправлено было даже 9 кораблей. Один из агентов (Гермау ³³⁰), советовал компании отправлять корабли из Англии в начале мая, потому что к концу этого месяца, когда корабли могли достигнуть гавани св. Николая, русские товары уже свозились туда по весеннему речному пути, а для тех товаров, которые появлялись на рынке позже этого времени, он советовал оставлять в Николаевской пристани один или два корабля. Приехав в гавань св. Николая, англичане помещали свои товары на английском дворе подле монастыря ³³¹). Из записок агентов компании видно, что торговое движение, открывшееся между Лондоном и гаванью св. Николая, произвело неблагоприятное действие на страны западной Европы, прежде торговавшие с Россией, и они старались помешать этим новым сношениям. Отправляя в 1582 г. 9 кораблей к гавани св. Николая, компания снабдила их сильной артиллерией и военными людьми под управлением адмирала и вице-адмирала, которым дала подробные инструкции, как действовать в случае встречи на

³²⁹) Там. 295—296. Книга заглав. см. на стр. 295—296.

³³⁰) См. это записку у Гаклюфта, I. 513.

³³¹) Там. 517.

пути с неприятелем ³⁵²); к этому присоединились неудобства и опасности северного морского пути: по словам агента Лена, со времени открытия торговых сношений Англичан с Россией северным путем, в 1560 г. корабли компании впервые возвратились в Англию благополучно, без всяких потерь и повреждений, из своей ежегодной поездки к гавани св. Николая ³⁵³). Врагов компании встречала и в самой России: когда Ченслер приехал в Москву и вступил в переговоры о торговле Англичан с Россией, голландская компания в Новгороде обратилась к царю с письмом, взводя на Англичан разные клеветы и между прочим стараясь уверить царя, что это — морские разбойники, которых следует задержать и посадить в тюрьму. Узнав об этом, Англичане отчаялись даже возвратиться в отечество; но царь не поверил доносу и дело уладилось ³⁵⁴). Пред приездом Бауса в Москву также голландская компания хлопотала об уничтожении торговых льгот, данных Англичанам московским правительством, и приобрела себе в Москве друзей—Никиту Романовича, Богдана Бельского и Андрея Щелкалова, ибо, кроме ежедневных подарков этим советникам царским, Голландцы заняли у них столько денег по 25 процентов, что платили одному из них ежегодно по 5.000 рублей; английские же купцы не имели в это время при дворе ни одного доброжелателя ³⁵⁵). С своей стороны, и Англичане старались иногда не совсем чистыми средствами помешать утверждению в Москве постороннего влияния,

³⁵²) Ibid. 511 и 512.

³⁵³) Ibid., 525.

³⁵⁴) «*Rerum Moscovitarum auctores verii*», p. 150.

³⁵⁵) *Hakluyt*, I, 517.

которое находили для себя невыгодным. В 1582 г. Посевин писал, что в бытность его в Москве английские купцы, здесь жившие ⁴⁵⁶), подали царю записку, в которой «какой-то еретик» старался доказать, что римский первосвященник — антихрист; это заставило и Посевина подать царю записку с целью оправдать папу от еретического обвинения. Агенты посылали компании доверения в ходе ее дел в России; письма, посланные о нарочных чрез континент и содержавшие в себе различные извещения о мерах, которые могли бы дать компании в торговле с Россией перевес над купцами других стран, агенты должны были писать цифрью ⁴⁵⁷). Компания прежде всего хлопотала о том, чтобы привлечь к себе русских торговых людей и захватить в свои руки все важнейшие товары России. Компания писала агентам, чтобы они предлагали русским купцам по возможности выгодную цену за их товары, чтобы эти купцы охотнее вели свои товары в Вологду к Англичанам, чем в Новгород к купцам ганзейским. Компания не даром хлопотала об этом: во время мира между Москвой и ее западными соседями оживлялись и торговые сношения между ними, конкуренция для Англичан усиливалась, вследствие чего цены на русские товары, особенно на воск, поднимались; за это именно жаловалась компания, указывая агентам своим, что все эти обстоятельства поведут к понижению цен на английские товары. Потому компания находила

⁴⁵⁶) Pissevino, «Moscovia», p. 124. «Supplementum ad Historica Russica Monumenta», № CLXII, qui (Angli) in ea civitate commercia confidenter exercent, a vestigalibus ea lege immunitis (?), et semper eorum XII in Moscovia vivunt.

⁴⁵⁷) Hakluyt, I, 326.

нужным обратиться к московскому царю с просьбой запретить движение русских товаров к Ревелю и Риге и направить его к Вологде и Холмогорам, за что компания готова была обязаться брать русские товары и продавать свои по выгодной для русских купцов цене; иначе, заключает компания в письме от 1560 года, нам не остается надежды на выгодное ведение дел в России ³⁸⁸). Компания уговорила в Лондоне русского посла согласиться на ее просьбу о дозволении агентам ее покупать в России товары в долг и приказывала последним закупать этим или другим способом как можно более воску, не заставляя его долго лежать на руках продавцов, чтоб, с одной стороны, захватить весь этот товар в свои руки и снабжать им не только свою страну, но и чужие. а с другой—привлечь к себе русских купцов, облегчая им сбыт их товаров; слыша, что наибольшее количество воска, получавшегося в Данциге, Любеке и Гамбурге, идет из России чрез Новгород, Ригу и Ревель, компания надеялась таким образом отвлечь этот товар от упомянутых рынков и направить его к Николаевской пристани и другим пунктам, где господствовали англичане ³⁸⁹). С тою же целью компания предписывала агентам дать ей знать, какого рода шерстяные ткани привозятся в Россию из Риги, Ревеля, Польши и Литвы, с подробным описанием их ширины и длины, цвета и цены, и какое количество их можно сбыть в год, чтоб такое же могла заготавливать компания; также выслать всякого рода кожи, ибо компания слышала, что Немцы и Голландцы заку-

³⁸⁸) *Nakluyt*, 342.

³⁸⁹) *Ibid.*, 335.

дают их в России большое количество²⁶⁰). Таковы были цели и приемы, с которыми английская компания вела свои дела в России.

Англия снабжала Россию чрез компанию не только своими, но и чужими произведениями. Из счета, представленного Иоанну IV агентами компании, видно, какие товары поставляли они ко двору: в 1574 году взято было у английских купцов для царя 12 пуд. сахара, по 8 рубл. пуд, и 200 стоп бумаги, по 20 алт. стопа; в 1576 г. взято меди на 1082 рубл., в следующ. году взято сукна разных сортов несколько кусков, в 1580 г. взято свинцу на 267 рубл. и 15 кусков толстого сукна на 210 рубл. ²⁶¹). В 1557 г. компания отправила в Россию 4 корабля с товарами, между которыми было 25 тюков толстого сукна, один тюк фиолетового и один алого, 40 тюков бумажной материи, 618 кусков гемпширской каразеи, именно 400 синей, 43 голубой, 53 красной, 15 зеленой, 5 коричневой и 2 желтой, и 9 бочек олова. Компания обозначает цены и этих товаров: кусок толстого сукна 5 фунт. стерл. 9 шил., тонкого фиолетового 18 фунт. 6 шил. 6 пенс., алого 17 фунт. 13 шил. 6 пенс., тюк бумажной материи по 7 кусков в каждом, 9 фунт. 10 шил., кусок каразеи 4 фунт. 6 шил. ²⁶²). Из письма компании к агентам от 1560 г. узнаем, что она посылала в Россию бастр,

²⁶⁰) Hakluyt, 333 и 336. We must procure to utter good quantity of wares, especially the commodities of our realme, although we afford a good pennyworth, to the intent to make other that have traded hither, warrie, and so to bring our selves and our commodities in estimation etc.

²⁶¹) Ibid., 522 и 523.

²⁶²) Ibid., 337.

изюм, чернослив и миндаль ³⁶³). Англичане привозили в Россию оружие и лошадиную сбрую ³⁶¹). Горсей пишет, что он закупал в Англии для царя львов, позолоченные алебарды, пистолы, ружья и другое оружие, разные аптекарские снадобы, органы, клавикорды и другие музыкальные инструменты, кармины, нитки жемчуга, посуду вычурной работы; в 1585 г. закупил таких вещей на 4.000 ливров ³⁶³). Агент Гасс писал в 1554 г., чтобы компания доставляла Русским такие товары, которыми снабжали их Голландцы, именно голландские фландрские сукна, указывая на то, что английская компания может доставлять их через гавань св. Николая с меньшими расходами, нежели купцы голландские чрез Ригу, Ревель или Дерпт ³⁶⁶).

Согласно с инструкциями компании, агенты ее скоро указали в России города, которые могли служить главными складочными пунктами для ее товаров и вместо лучшими рынками для покупки русских товаров. Джон Гасс доносил в 1554 г., что лучшим местом для склада английских товаров он считает Вологду, потому что это город большой, находящийся на удобном водном пути, в сердце России, окружен многими большими и хорошими городами, изобилует хлебом, вообще жизненными припасами и всеми русскими товарами, особенно льном, пенькой, воском и салом, все вещи здесь вдвое дешевле, чем в Москве или Новгороде; нет города в России, который не торговал бы с Вологдой; даже Москва не так

³⁶³) Ibid., 344.

³⁶⁴) Hakluyt, 340.

³⁶⁵) Записки Горсея в «Библ. для Чит.» 1865 г., № 6, стр. 19.

³⁶⁶) Hakluyt, I. 287.

удобней для компании в этом отношении, ибо там, благодаря прибыванию двора, компании придется тратить половину своих барышей на подарки царским чиновникам и другие расходы ³⁶⁵). На основании этого донесения Гасса, компания устроила в Вологде контору. Другой важный пункт северной торговли находился почти на конце водного северо-двинского пути: это были Холмогоры. Здесь сосредоточивалось торговое движение северного поморского края. Сюда, по словам Гасса, на большую ярмарку в зимний Николин день свозились все роды товаров, какие производил северный край России, как то: тюлений жир, соль, рыба (семга и треска), ворвань, меха; ворвани, замечает Ченслер, в Двинском крае добывалось больше, чем в других местах России. Рыбу привозили сюда из Мурманского моря ³⁶⁶), а меха—с Пинеги, из Ламнаса и Пустозерска; промышленники этих мест скупали их у Самоедов и меняли холмогорским купцам на сукно, олово, медь и другие товары. Из Холмогор меха отвозили в Новгород, Вологду или Москву; в Новгород возили также с Холмогорской ярмарки в большом количестве тюлений жир и вяленую рыбу и сбывали там эти товары голландским и ливонским купцам ³⁶⁷). Холмогоры, по словам Ченслера, снабжали Новгород, Вологду, Москву и все окрестности страны солью, добываемую из морской воды, и соленою рыбою. Жители Пустозерска и других приморских местностей промышленники ловили моржей, из которых добывали ценный мор-

³⁶⁵) Ibid., 286.

³⁶⁶) Hakluyt, I. 286: their stock-fish and salmon cometh from a place called Malums, not farre from Wardhouse.

³⁶⁷) Ibid., 286.

жевый зуб; его вместе с другими произведениями севера возили на оленях в Лампас, а из Лампаса в Холмогоры ³⁷¹⁾. Холмогоры так же, как и Вологда, скоро сделались важным складочным пунктом английской торговли; в конце XVI в. здесь жило много английских купцов, имея свою землю и прекрасные дома ³⁷²⁾. Кроме дворов в Вологде, Холмогорах и у пристани Св. Николая, у Англичан был еще двор в Ярославле; этот город был важным торговым пунктом на пути между Москвой и Вологдой; главные товары его были хлеб, кожи, сало и воск ³⁷³⁾. В Лампасе, откуда привозилось много товаров в Холмогоры, два раза в год бывала большая ярмарка, на которую съезжалось множество разноплеменного народа—Русских, Татар, Самоедов и проч. ³⁷⁴⁾.

Приведенные известия о северной торговле уже определяют отчасти, какие товары могла компания вывозить из России с наибольшими удобствами: это были преимущественно произведения северного края России, преобладавшие на упомянутых рынках Вологды и Холмогор. Компания скоро обозначила своим агентам, какие из этих товаров имели наибольший сбыт в Англии: это были воск, сало, ворвань, лен и пенька. Последнего товара компания приписывала не посылать в Англию в необработанном виде, потому что перевозка его обходилась компании слишком дорого, по 6 фунт. стерл. за тонну; но компания послала в Россию 7 канатных мас-

³⁷¹⁾ Ibid., 264.

³⁷²⁾ Мильтон, «История Московии» (в «Отеч. Зап.», т. СXXXI, отд. I, стр. 107).

³⁷³⁾ Hakluyt, I, 264

³⁷⁴⁾ Hakluyt, 338.

торгов, которых агенты должны были тотчас посадить за работу в Вилегде или Холмогорах, снабдив их работниками и инструментами; компания предписывала заготавливать как можно больше канатов, потому что, добавляла она, это главный русский товар, и приготовление канатов таким образом обойдется компании дешевле, нежели выписывать их из Данцига. Согласно с этими предписаниями построен был дом в Холмогорах для канатного производства, и 8 мастеров ежегодно переделывали в канаты более 90.000 фунтов пеньки ²⁷⁵). Из мехов наибольший сбыт имели в Англии беличьи, лисьи и куницы; компания предписывала высылать из России больше дешевых мехов и меньше дорогих, потому что последние трудно сбывались в Англии. Вообще меха далеко не составляли главной статьи в торговле компании с Россией: как на причину малого сбыта мехов в Англии, компания указывала в 1560 г. на распоряжение правительства не допускать иностранных мехов. Напротив, увеличивался спрос на сало, и компания в том же году предписывала увеличить присылку этого товара, хотя бы пришлось возвысить несколько покупную цену его; она требовала, чтоб агенты ежегодно отправляли в Англию по 3.000 пудов сала ²⁷⁶). Второстепенными статьями вывоза были мачты, смолы и некоторые другие товары, перевозка которых обходилась компании слишком дорого. Но кроме товаров, вывозившихся в изобилии на русских рынках, компания старалась отыскать и захватить в свои руки также товары, которые долгое не имели важного значения во внешней торговле России, но о которых компания слышала, что

²⁷⁵) Ibid., стр. 138.

²⁷⁶) Hakluyt, 333 и 342.

их можно добывать там в изобилии; так, компания предписывала агентам выслать образцы меди и железа, ибо она слышала, будто в России и Татарии добывается большое количество этих металлов; также прислать на пробу известное количество земель или трав или чего бы то ни было, чем Русские красят свои льняные и шерстяные материи, кожи и т. п., а равно выслать и те красильные вещества, которые Турки и Татары привозят в Россию, с описанием, как употреблять их при крашении; наконец, она послала знающего человека для отыскания тиса в Пермской и Печорской областях, указывая на то, что эта статья хорошо пошла бы в Англии ³⁷⁷). Соли компания не вывозила из России: предписывая агентам высылать из России значительное количество соленого мяса, компания послала для этого соль из Англии, находя ее лучше русской ³⁷⁸).

Мы видели, какие цены назначала компания некоторым английским товарам, которые она отправляла в Россию. О том, какие выгоды получала она от продажи здесь этих товаров, можно отчасти составить себе понятие по донесению агента Гудсона, который продавал в Нижнем Новгороде сукно, стоившее на месте 4 фунт. стерл., по 17 руб. за кусок, что, по его словам, составляло почти тройную цену ³⁷⁹); в Москве товары, стоившие 6608 фунт., проданы были за 13,644. Другой агент не согласился про-

³⁷⁷) Ibid., 333 и 335.

³⁷⁸) Ibid 345. Ср. жалобу вологодских и бѣлозерских купцов в «Истории России» Соловьева, VII, 63.

³⁷⁹) Компания принимала русский рубль за 16 шиллинг. 8 пенс., хотя и замечала, что он стоит не больше 13 шиллинг. Nakluyt., I, 337.

дать русскому купцу сукно, стоившее компании около 5½ фунт. за кусок, по 12 руб., надеясь получить больше³⁸⁰⁾. В донесениях агентов компании находим несколько указаний на цены, по которым она покупала русские товары. Агент Келлигуорт покупал воск по 7 пенса за фунт; пенька продавалась в Вологде в 1557 г. по 2¼ руб. за берковец, но в то же время другие агенты купили в Новгороде пеньки на 700 руб. по 1½ руб. за берковец; белый новгородский лен продавался по 3 руб. за берковец. В том же году Англичане купили в Вологде 400 пудов саль за 77 руб., 17 берк. 6 пуд. 6 фунт. небеленого льна и пеньки за 28 руб. 11 алт. 2 деньги; в Холмогорах куплено в 1558 г. 13 пуд. 7 фунт. пеньки за 2 руб. 28 алт. 4 деньги. На пеньку ворвани в России нет указаний в донесениях агентов: но в 1560 г. компания жаловалась в письме к агентам, что в Англии цена на ворвань была не так хороша как прежде, именно, бочка продавалась по 9 фунт. стерл.³⁸¹⁾.

Утвердившись в гавани св. Николая, англичане протерли отсюда свои торговые предприятия в страны, лежащие на восток и запад от Белого моря, и оставили нам любопытные известия о промышленности и торговле на отдаленных северных окраинах Московского государства. Выше мы привели известия агентов о торговом движении в стране на восток от устья Семерной Двины; другие агенты сообщают известие о торговле на Мурманском берегу. Начало сношений компании с жителями

³⁸⁰⁾ Ibid., 328.

³⁸¹⁾ Ibid., 326, 327, 333 и 344. См. цены привозных и вывозных товаров в Архангельске, по отпискам 1604 и 1605 годов, у Краманова, т. X, стр. 234 и 235, примеч. 485.

этого края сделано было в 1557 году: агент ея Стефан Берроу, отыскивая пропавшие английские корабли, приплыл летом этого года в залив, недалеко от местечка Кегора, к северу от устья р. Колы, и встретил здесь несколько норвежских и голландских судов, пришедших сюда для менового торга с Русскими и туземцами, Лопарями и Корельцами. Голландцы привезли сюда серебряную посуду, ложки, позолоченные кольца, украшение для поясов, ожерелья с серебряными цепочками, сукна разных цветов и очень выгодно обменивали на эти товары или покупали у туземцев треску и семгу. Голландцы не хотели сказать английскому агенту, по какой цене покупали они здесь эту рыбу, но он узнал, что они брали по 100 штук трески за 1 доллар. Голландские купцы сказывали английскому агенту, что они ежегодно приезжали к Кегору, где добывалась лучшая треска, и с большою выгодой нагружали здесь свои суда этою рыбой. Корельцы и Лопари предлагали и англичанину купить у них рыбы, и когда последний сказал им, что он не за тем прибыл сюда, они просили его побывать у них на следующее лето. Берроу заметил им, что тогда у них не достанет рыбы, чтобы удовлетворить запросам голландских и английских купцов; но туземцы отвечали, что если больше будет приходить к ним кораблей, то и у них больше народа будет заниматься рыболовством, что и тепер для этого некоторые из них приезжают сюда на оленях издалека, но жалеют, что некому сбывать рыбу, и потому должны отдавать ее Голландцам по цене, какую назначат последние. Русским они продавали 24 рыбы (семги или трески) за 4 алтына. То же сказал агенту и московский чиновник, который собирал подать с Лопарей и пригласил Берроу в свою палатку. Он советовал Англичанам

впечатать торговля сношения с туземцами, и на вопрос агента, какие товары всего лучше привозить сюда, отвечал: серебро, жемчуг, сукно, муку, крепкое пиво, вино, оливо и золото. Агент обещал, что в будущем году сюда прибудет английский корабль,—и сношения завязались. Тот же агент в другом донесении писал, что в Кегор к 29-му июля собралось множество Русских, Норвежцев, Корельцев и Лапарей, и происходил большой меновой торг; туземцы выменивали на рыбу, рыбий жир и меха товары проезжих купцов. Главный надзор и сбор пошлины на этом торгу принадлежал московскому чиновнику; но кроме того здесь присутствовали с тою же целью чиновники датский и шведский. Прежде, чем открывался торг, московский чиновник осматривал товары у Лапарей и Корельцев, подвластных московскому государю, и давал им разрешение на продажу; то же делали и другие чиновники. Бергву добавляет, что за право рыболовства у Лапландских берегов, от монастыря на Поченге до монастыря св. Николая, подданные московского царя платили значительные суммы в казну. Добыванием рыбы и рыбьего жира у Лапландского берега занимались и Англичане: в 1577 г. рыболовы компании, имея при себе одну рыболовную лодку, поймали около 10.000 штук трески, что вместе с добытым из нее жиром доставило компаниям 320 фун. стерл.; кроме того английский корабль выменял у туземцев рыбьего жира и других товаров на 200 кусков сукна. Однакож агенты жаловались компаниям, что она не обращает достаточно внимания на торговлю с Лапландией и этим уступает преобладающее значение в той стране другим европейским промышленникам; один агент писал, что в 1574 году два английские корабля вывезли из Лапландии только 300 бочек рыбьего жира,

тогда как другие купцы, преимущественно голландские, купили там у Русских, Корельцев и Лопарей 1.183 бочки ³⁸²⁾.

В конце царствования Иоанна IV льготы английской компании были ограничены, но в царствование Феодора, благодаря приязни Бориса Годунова к Англичанам, последние опять добились позволения торговать в России вольною торговлей, освободившись от платежа пошлин, простиравшихся со времени ограничения льгот более чем на 2.000 фунт. стерл. в год ³⁸³⁾. Но Англичане добивались не одной свободы от пошлин: они добивались права исключительной торговли в России. На предложения об этом со стороны королевы Елизаветы из Москвы отвечали, что дело несхожее указывать царю в его государствах тому торговать, а иному не торговать. За старания компании вытеснить из России других иноземных купцов, даже Англичан, не принадлежавших к компании, последние преследовали ее суда и агентов, на что она сильно жалуется в своих инструкциях и письмах к агентам; но она и сама прибегала к подобным же средствам с целью избавиться от соперников. В Москву приходили жалобы других иностранных купцов, что Англичане не пропускают их кораблей к Московскому государству ³⁸⁴⁾. Вытеснить соперников не удалось компании: Горсей пишет, что летом в гавани св. Николая всегда можно было найти кроме английских суда немецкие, голланд-

³⁸²⁾ *Nakluyt*, I, 329, 467, 469, 464—Флетчер, гл. 20-я.

³⁸³⁾ *Nakluyt*, I, 521.

³⁸⁴⁾ По поводу этих жалоб царь писал Елизавете: «Если так делается в самом деле, то это твоих гостей правда ли, что за наше великое жалованье иноземцев отговяют? Божию дорогу, Океан-море как можно переывать, унять и затворить». Соловьев, «История России», VII, 335.

ские и французские ³⁸⁸). Но во внутренних областях государства Англичане не встречали таких сильных соперников, как на пограничных рынках России. Агенты компании домогались, что Англичане пользуются большим доверием русских купцов, что последние с особенной ихотой предлагают им свои товары, зная их как хороших покупателей и исправных плательщиков; но из инструкций компании видно, какими соображениями руководилась она, старалась привлечь к себе русских торговых людей: ей хотелось вытеснить иноземных конкурентов и господствовать на русских рынках, потому что конкуренция возвышала цены русских товаров и понижала цены английских. Действуя таким образом с помощью льгот, предоставленных у московского правительства, компания давила русских торговых людей; последние чувствовали свою бессилне пред богатыми и ловкими английскими купцами, которые действовали соединенными силами, систематически; русские торговые люди не могли стянуть с ними и завидели их за их привилегированное положение в России. Горсей рассказывает, что когда Буз стал на аудиенцию во дворец, народ в Москве, догадываясь о цели его приезда в Россию, носил его обидными прозвищами ³⁸⁹). В начале царствования Михаила Федоровича Англичане получили грамоту на свободную беспощадную торговлю в России; русские торговые люди ждалась на стеснения и потера, которым они подвер-

³⁸⁸) На переговорах с Бузом узнали, что к Николаевский пристави приходит известный антверпенский купец Жюль Велдфорд (Jules de Welford) а Кольскую пристави восстали купцы французские. Словарев, «История России», VI, 400.

³⁸⁹) Горсей а укладах. месте, № 4, стр. 62.

гаются от иноземных купцов, преимущественно Англичан, желая удаления этих купцов из внутренних областей государства³⁸⁷); но Спафари сказывал Невиллю, что Англичане сохраняли преобладающее значение в русской торговле до смерти короля Карла I³⁸⁸). В 1649 году наконец исполнено было давнее желание русских торговых людей: Англичане, по царскому указу, высланы были из внутренних областей государства, и им позволено было торговать только у Архангельского города. В объяснение этой меры Карллию говорили в Москве, что Англичане продавали в России табак вопреки царскому запрещению и не доставляли в царскую казну английских товаров, сукна, олова, свинцу по цене, по какой продавались они в Англии, о чем постановлено было условие в царствование Михаила³⁸⁹). По высылке из внутренних областей и уничтожении льгот Англичане платили в казну пошлины 6.000 руб. ежегодно³⁹⁰). После этого преобладающее значение в торговле на севере Московского государства получили купцы голландские, несмотря на то, что платили царю 15% пошлины с привоза и вывоза; по словам Невилля, они держали в Архангельске более 200 агентов, которые зимой ездили в Москву и другие города для закупки русских товаров. К Архангельску приходили также суда из Гамбурга и других ганзейских городов. В XVII веке Архангельск был глав-

³⁸⁷) См. об этих жалобах Соловьев, «История России», IX, 416 и след.

³⁸⁸) Neuville, 210.

³⁸⁹) О другом побуждении, которым правительство объясняло высылку англичан, см. Соловьев, «История России», X, 161.

³⁹⁰) Carlisle, 189, 200 и 257.

ным местом сбыта хлеба за границу, который покупали преимущественно голландцы³⁹¹). По известиям XVII века, на Северной Двине ходило вверх и вниз множество судов; русские купцы съезжали по ней к Архангельску водить и дорогие кожи, пеньку, смолу, дьявоёе семя, золу, разные меха. Меняя все это на товары, привозившиеся голландскими и английскими купцами из Испании, Италии, Франции, Голландии и Англии, как то: пряные коренья, сахар, шафран, сырые сельди, вина, разные ткани, голландское сукна и полотна, зеркала, ножи, шпаги, ружья, или томаты, мушкеты, медь, свинец, олово, серебро и золото, тьфту, атлас, бархат, парчу, шерстяные и бумажные чулки, позлащенное золото, жемчуг, алмаз и другие драгоценные камни, наконец большое количество серебряной и золотой монеты³⁹²). Купцы фламандские и гамбургские, по свидетельству Невилля, вывозили из России чрез Архангельск преимущественно воск и железо. Иногда же корабли приходили к Архангельску в июле и уезжали в сентябре. Ежегодно приходило сюда до 30 иностранных кораблей³⁹³). Северная иностранная торговля чрез пристань св. Николая и потом Архангельск имела важное значение на северо-двинский край: ей приписывали увеличение народонаселения и развитие промыслов в этом крае³⁹⁴). Кроме западных купцов, сюда приезжали

³⁹¹) Carliato, 72. Продажа хлеба за границу была делом этой казны. См. грамоту об этом в «Истории России» Сидельева, IX, 419.

³⁹²) Mayerberg, II, 56 и 57. Иногда на одном корабле привозилось до 40.000 франков, с которых платили пошлину, как с товарами. Карамзин, X, 265.

³⁹³) Neuville, 213.

³⁹⁴) Mayerberg, II, 56.

и восточные — Татары, Бухарцы, Персияне ³⁹⁵). О значительности архангельской торговли в XVII веке можно судить по величине таможенной пощлины, которой, по свидетельству Олеария, в иные годы собиралось в Архангельске больше 300.000 руб. ³⁹⁶).

Перемена, начавшая обнаруживаться в торговле Московского государства с западною Европою с половины XVI века, состояла в том, что движение этой торговли стало более и более отклоняться от прежних своих средоточий и направляться в другую сторону — на север, к устью Северной Двины. Но прежние средоточия западной торговли и после открытия северной торговли не потеряли своего значения. Мы упоминали о торговом движении по Днепру, передававшем в Литву русские товары из Москвы и Холоцкого города. Лаинна встречал в Литве вещи с названием русских, именно шубы, постели, перчатки и чашки ³⁹⁷); по известию Герберштейна, в Калуге искусно вырезывали из дерева чарки и другую домашнюю посуду, которую отправляли на продажу в Литву ³⁹⁸). В торговле Московского государства с Польшею важное значение имела Люблинская ярмарка, куда вместе с купцами из Пруссии, Ливонии, Германии, Венгрии, Литвы, Татарии приезжало много и московских купцов ³⁹⁹). Но главное место в торговле с западом занимали города, находившиеся в стороне от больших речных систем, на реках сравнительно менее значительных,

³⁹⁵) Рейтенфельс, 43.

³⁹⁶) Olearius, 221.

³⁹⁷) G. de Lannay, 35 и 37.

³⁹⁸) Herberstein, 50.

³⁹⁹) Ibid. 102.

ви зато имевших примую и близкую связь с Балтийским морем: это были Новгород и Псков. В начале XVI века купцы московские, особенно из Новгорода и Пскова, складывали свои товары на правом берегу реки Нарвы, в деревянном городке того же имени близ Ивангарда, и потом отправляли их рекой к морю ⁽¹⁰⁰⁾. Во второй половине XVI в. Нарвская приставь была некоторое время во власти московского царя; но и после того, как она отошла к Шведам, торговое движение к ней из России не прекращалось. Из Пскова и Новгорода отправляли туда лен, пеньку, сало, воск и кожи; в торговле этими товарами Новгород и Псков занимали первое место в России. Особенно славился между иностранными купцами новгородский лен; по словам одного английского агента, в Новгород привозили лучший русский лен и продавали связками; было два сорта льна: 100 связок высшего сорта продавались 4-мя рублями дороже такого же количества низшего сорта. Лен высшего сорта был длиннее и чище: пуд его выходил из 22—24 связок, тогда как пуд низшего сорта выходил из 27 или 28 связок ⁽¹⁰¹⁾. Англичаве отдавали Новгороду решительное преимущество пред Москвою в торговом отношении. В первой половине XVI века Голландцы имели в нем свой двор и торговали беспрепятливо; незадолго до открытия сношений России

⁽¹⁰⁰⁾ О Положении Русской Нарвы Олваръ пишет: Au pied de ce château (Иван-Гарда) on voit un bourg que l'on nomme la Nerwa Moscovite, pour le distinguer d'avec la Nerwa Teutonique ou Allemande. Ce bourg est habité par des Moscovites naturels (pag. 36). Следовательно Русскою, или Московскою Нарвою называлась тогда Иван-гарда.

⁽¹⁰¹⁾ Паклют, I, 488, 287.

с Англией они потеряли свои льготы за какие-то противозаконные поступки и снова возвратили их, заплативши 30.000 руб. ⁴⁰²). Псков и в конце XVI века был наполнен иностранными купцами, по выражению Вундерера. О значении Пскова для прибалтийских городов можно составить себе понятие из того, что писал в Любек в 1593 г. ревелльский совет; он писал, что торговля с Русскими чрез Псков всегда составляла для жителей Ревеля и других ганзейских городов один из главных источников пропитания и благосостояния. Расширение западной торговли Московского государства во второй половине XVI века чрез Нарву, появление в Нарвской пристани кораблей из отдаленных морских государств западной Европы грозило ганзейским городам большими потерями, и совет города Ревеля, жалуясь в упомянутом письме на эти перемены, указывает на необходимость перевести торговый порт из Нарвы в Ревель, чтоб удалить чужих купцов из России или по крайней мере заставить их действовать в интересах Ревеля и других ганзейских городов ⁴⁰³). Соображения, высказанные в письме ревелльского совета, объясняют нам известие агента английской компании Лена, который пишет, что Англичане давно имели торговые сношения с Ригой и Ревелем, но до

⁴⁰²) Ibid. 286 «Rerum Moscoviticarum auctores variis», p. 150.

⁴⁰³) Wir aber nun mit höchsten Schmerzen vernehmen, wie zu dieser Zeit derselbe Handel zur Pleskow der erbaren Stettens Inwohner unndt Bürgers je lenger je mehr durch die frembde Nationen zu Schaden, Verderb unndt Untergang getrieben werden etc. Въ 1596 г. совет опять жалуется, что торговля Ревеля съ Россией падает и торговый порт попрежнему в Нарве. «Supplementum ad histor. Rus. Monumenta», №№ LXXXVII—XCIV.

1560 г. почти не знали о нарвской торговле, которую тщательно скрывали от них купцы Даниила и Любеда ⁽¹⁰⁴⁾. В 1560 г. корабли английской компании в первый раз посетили нарвский Порт, и с тех пор началась постоянная сношения Англичан чрез этот порт с важнейшими торговыми городами Московского государства, которые служали приходившие к Нарве корабли bringing товарами. Какие выгоды получала компания от этой торговли, можно заключать по известию о торговой поездке везта де Гудсона, который в 1567 г. приплыл в Нарву с товарами на 11,000 фунт. стерл.; товары эти состояли из сукна, каразен и соли; при продаже их компании получила 40% прибыли. Но и нарвская торговля Англичан соединена была с такими же затруднениями, как и беломорская. В 1569 г. тот же агент Гудсон приплыл из Лондона в Нарву на трех кораблях и писал компании, чтобы на следующую весну она прислала 12 кораблей, которые все он надеется нагрузить товарами; но при этом он писал, что корабли надобно хорошо снабдить огнестрельным оружием на случай встречи с воярами. Действительно, английские корабли встретили 6 кораблей польских корсаров; бой был неравный: один воярский корабль ушел, другой был сожжен, остальные 4 были приведены в Нарву и 82 человека пленных выданы были московскому воеводе ⁽¹⁰⁵⁾. Несмотря однакож ни на жалобы ревельцев, ни на разбой польских корсаров, Нарва и в XVII веке продолжала быть важным посредствующим рынком в торговле ближайших к ней городов Ливонии и Московского государ-

⁽¹⁰⁴⁾ Histoyt. I, 525.

⁽¹⁰⁵⁾ Histoyt. I, 451.

ства с приморскими странами западной Европы. По известию, сообщенному Олеарием, туда привозили водным путем товары из Дерпта и Пскова; в 1654 году к Нарве приезжало более 60 судов, которые нагрузили здесь товаров более чем на 500,000 эку ⁴⁰⁶).— Кроме Нарвы, товары из России шли по Западной Двине к Риге; это были: мыло, кожи, хлеб, смола, лен, пенька, мед, воск, сало и меха; эти товары шли чрез Ригу в Пруссию, Швецию, Данию и Германию ⁴⁰⁷). По словам Рейтенфельса, русские куницы имели складочные дворы в Риге, Ревеле и Вильне; если им нужно было вести товары за море, они нанимали суда у иностранцев за высокую плату ⁴⁰⁸).

Сличая изложенные известия о восточной и западной торговле Московского государства, мы находим любопытную разницу между той и другой относительно предметов вывоза: в товарах, отпускавшихся на восток, преобладали произведения не первоначальной промышленности, продукты более или менее обработанные; на запад, напротив, Московская земля отпускала почти исключительно сырые произведения—мед, воск, сало, меха, кожи, лен, пеньку, лес. Во время Новия меха по значительному спросу на них до такой степени возвысились в цене, что мех для шубы стоил не менее 1,000 золотых; западные куницы вывозили из России в большом количестве дуб и клен, высоко ценившиеся в Западной Европе; Кампензе, сообщая обилие меда и леса в Московском государстве, думает, что все количество воска и смолы, а также мехов, потребляемое Европой, вывозится из Московских вла-

⁴⁰⁶) Olearius, 85.

⁴⁰⁷) Mayerberg, I, 50.

⁴⁰⁸) Рейтенфельс, 43.

девой¹⁰⁹⁾. Мед и воск Олсари́й называет лучшими вывозными статьями внешней торговли России; на внутреннем потреблении, весьма значительным, воску, по свидетельству Флетчера, вывозилось за границу в его время до 10,000 пуд., но прежде гораздо больше, до 50,000 пуд.; по показанию Олсария, воску вывозилось в XVII веке ежегодно более 20,000 центнеров¹¹⁰⁾. За указанными статьями вывоза следовали меха; московские купцы сказывали Флетчеру, что за несколько лет до его приезда в Москву купцы турецкие, персидские, бухарские, грузинские, армянские и из разных христианских стран вывозили мехов на 400,000 или 500,000 руб. В XVII веке вывоз мехов усилился: Олсари́й пишет, что в иные года русские купцы продавали за границу мехов более, чем на миллион рублей¹¹¹⁾. Относительно других статей вывоза Флетчер оставил нам цифры, показывающие, насколько уменьшился вывоз разных товаров в его время в сравнении с прежним, при этом Флетчер ссылается на свидетельство людей знающих, говоря, что от них так слышал. Сады вывозилось прежде до 100,000 пуд., а теперь, во время Флетчера, не более 30,000; ковры прежде вывозили до 100,000 штук, а теперь около 30,000; льдом и бивалой ежегодно нагружалось в Нарвский пристани до 100 больших и малых судов, а теперь не более 5. Здесь Флетчер не определяет ясно, что разумет он под

¹⁰⁹⁾ Новей. 40. Относительно смелы и весьма эти известия не совсем точны, ибо мех и смела шли в Европу и из Лифляндских владений, но это указывает, откуда привозилось наибольшее количество этих товаров.

¹¹⁰⁾ Флетчер, гл. 3-я. Olmagius, 120.

¹¹¹⁾ Флетчер, там же. Olmagius, 121.

словом прежде; из приводимых им причин уменьшения вывоза, именно отнятия Нарвской пристани у Москвы и закрытия сухопутного сообщения через Смоленск и Полоцк по случаю войны с Польшей (которой в царствование Федора не было), можно заключать, что он разумел время до царствования Иоанна IV или по крайней мере всю первую половину XVI века⁴¹²).

Между тем, с половины XVI века торговые связи Московского государства расширяются; видим со стороны московского правительства попытки завести деятельную торговлю с западными европейскими государствами, открыть русские рынки большому числу иностранных купцов, с условием, чтобы и русским торговым людям открыто было больше заграничных рынков. В первой половине XVI века в Москву могли приезжать для торговли купцы польские, литовские и из некоторых восточных стран; во второй половине XVI века туда допущены были еще купцы шведские и английские; но купцам из Ливонии и Германии открыты были только рынки в Новгороде и Пскове. В первой половине XVII века по всему государству вели деятельную торговлю купцы голландские, ганзейские, английские, датские, шведские, немецкие, татарские, польские, персидские, армянские и другие. По словам Невиля, в Москве, в Немецкой слободе жило в его время больше 1.000 купцов голландских, гамбургских, английских и итальянских⁴¹³). Впрочем, и в XVI в. бывали случаи, когда всякий иностранный купец мог попасть в Москву с товарами: когда, говорит Герберштейн, отправляются в Москву послы из какого-нибудь государства,

⁴¹²) Флетчер, там же Ср. Carlisle, 72.

⁴¹³) Neuville, 211.

к ним обыкновенно пристают купцы из разных стран, потому что под покровительством послов всякие купцы могли свободно приезжать в Москву и торговать здесь беспрепятливо; иногда они получали в Москве даже содержание от государя как члены посольства, с которым они приходили¹¹¹⁾. Привозные в Москву заграничные товары тут же представлялись таможенным приставам, которые осматривали и оценивали их; но и после того нельзя было еще продавать эти товары, пока их не показывали государю или палачинным для этого сановникам; при этом осмотре лучшее покупалось в государеву казну. Отсутствии прямых и правильных торговых сношений производило иногда странные явления в торговле с иностранцами. Своевременный привоз даже дешевых товаров неумеренно обогащал продавцов; но не легко было рассчитать эту своевременность. Часто случается, пишет Герберштейн, что является сильный спрос на какой нибудь товар, и кому первому удавалось привезти его, тот получал непомерные барышни; но потом, когда другие купцы нависли много этого товара, он так падал в цене, что первые купцы, которые продали свой товар по высокой цене, опять скупили его по гораздо меньшей цене и возвращались из родины с большими барышнями. Мы видели, как выгодно отождался Герберштейн о торговых обычаях жителей Новгорода. Совсем иначе отзывается тот же иностранец о торговых людях других городов, особенно Москвы. Они, — говорит Герберштейн, — ведут торговлю с величайшим лукавством и обманом. Покупая иностранные товары,

¹¹¹⁾ Paskovine, 28. nec aliquid prodeunt et alantur a Principe. Ср. «Вестн. Московитических докторох Варш. р. 136.

они всегда понижают цену их наполовину, и этим поставляют иностранных купцов в затруднение и недоумение, а некоторых доводят до отчаяния; но кто, зная их обычаи и любовь к проволочке, не теряет присутствия духа и умеет выждать время, тот сбывает свой товар без убытка. Иностранцам они все продают дороже, так что иная вещь стоит им самим 1 дукат, а они продают ее за 5, 10, даже за 20 дукатов, хотя случается, что и сами покупают у иностранцев за 10 или 15 флоринов какую-нибудь редкую вещь, которая не стоит и одного флорина. Если при сделке неосторожно обмолвишься, обещаешь что-нибудь, они в точности припомнят это и настойчиво будут требовать исполнения обещания, а сами очень редко исполняют то, что обещают. Если они начнут клясться и божиться, — знай, что здесь скрывается обман, ибо они клянутся с целью обмануть. Я просил одного боярина, рассказывает Герберштейн, помочь мне при покупке мехов, чтобы купцы не обманули меня: тот сейчас обещал мне свое содействие, но потом поставил меня в большое затруднение: он хотел навязать мне свои собственные меха, а тут еще начали приставать к нему другие продавцы, обещая заплатить за труд, если он спустит мне их товар по хорошей цене. Есть у них обычай ставить себя посредниками между продавцом и покупателем, и взяв подарки особо и с той и с другой стороны, обещать свое верное содействие. Бегъ у них обширный двор недалеко от Кремля, называемый Гостиным двором (*Curia dominorum mercatorum*), в котором купцы складывают свои товары; здесь перец, шафран, шелковые материи и т. п. товары продаются гораздо дешевле, чем в Германии. Причину этого надобно полагать в преобладании меновой торговли.

Если московские купцы назначают очень высокие цены своим мехам, приобретенным ими очень дешево, то и иностранные купцы, чтобы не быть в убытке, дают им в обмен на эти меха дешевые товары, назначая им высокие цены; но в этой мере московский купец выигрывает столько, что может продавать иностранные товары, вывезенные на меха, по такой низкой цене, по какой не мог бы продавать их иностранный купец, привезший их в Москву. Из всех этих известий видно, что торговля московских купцов с иностранцами носила на себе в сальной степени характер игры. Олеарий указывает на другие операции московских купцов, которые еще лучше характеризуют дело: я изумлялся, — пишет он, — видя, что московские купцы продавали по 3½ экю аршин сукна, которое они сами покупали у англичан по 4 экю; но мне сказывали, что это им очень выгодно, потому что, купив у англичан сукно в долг и продавая его за наличные деньги, хотя и дешевле своей цены, они обращают вырученные деньги на другие предприятия, которые не только покрывают потери, понесенные ими при продаже сукна, но и доставляют сверх того значительные барыши. Московские купцы, по словам Олеария, высоко ставили в купце ловкость и изворотливость, говоря, что это — дар Божий, без которого не следует и приниматься за торговлю; один голландский купец, самым грубым образом обманувший многих из московских торговых людей, приобрел между ними такое уважение за свое искусство, что они, несколько не обижаясь, просили его принять их к себе в товарищи, в надежде научиться его искусству ⁽¹¹⁾). Один Герберштейн оставил нам известно о

⁽¹¹⁾ Herberstein, 42 и 43. — Olearius, 143.

росте; он называет его невыносимо-большим, иудами брали, по его словам, обыкновенно не менее 20 процентов, и только церкви соглашались давать ссуды по 10 процентов ¹¹⁶⁾.

ХII.

М о н е т а.

Оканчивая изложение известий иностранцев о промышленности и торговле Московского государства, изложим некоторые сообщаемые ими сведения о монете. Рубруквис, проехавший по южной России в половине XIII в., говорит, что обыкновенная русская монета состоит из кожаных пестрых лоскутков ¹¹⁷⁾. Эти кожаные деньги еще ходили на Руси в начале XV в., и их видел Ланнуа, бывший в Новгороде в 1412 году. Этот путешественник пишет, что монетой в Новгороде служат куски серебра ¹¹⁸⁾ около 6 унций весом, без всякого изображения; золотой монеты нет, а мелкою монетой служат головки белок и куниц ¹¹⁹⁾. С этим известием согласно и свидетельство Герберштейна, который говорит, что за сто лет до него в России отливали продолговатые кусочки серебра ценою в рубль, без надписи и изображения; он прибавляет, что

¹¹⁶⁾ Herberstein, 44.

¹¹⁷⁾ Карамзин, IV, 60.

¹¹⁸⁾ Рубля, или прежние гривны серебра. Счет гривнами замедился счетом рублями в первой половине XIV века.

¹¹⁹⁾ G. de Lannoy, 20: Il est leur monnoye de keucelles d'argent, pesans environ six onces, sans empreinte; et est leur menue monnoye de testes de gris et de martres.

в это время таких рублей уже не было в обращении ⁴⁰⁰). В то же время, продолжает Герберштейн, оставили мордки и ушки белиз и других зверей, употреблявшиеся до того времени вместо денег ⁴⁰¹). В первой половине XVI в., в Московском государстве ходила монета 4-х родов: московская, новгородская, тверская и псковская. Низшей монетной единицею была деньга. Московская деньга имела овальную форму с различными изображениями. Герберштейн различает в этом отношении древние и новейшие деньги, древние имели на одной стороне изображения роны, а на другой надпись; на новейших по одну сторону изображался человек на коне, а по другую была надпись. Из оловянки денег составлялись вышние счетные единицы: 6 денег московских составляли алтын, 20 гривну, 100—шатицу, 200—рубель; во время Герберштейна чеканились новые монеты (полденьги), с надписями по обе стороны; в рубле их было 400. Тверская деньга имела надпись по обе стороны и по цене равнялась московской. Новгородская деньга по цене была вдвое больше московской; на одной стороне ее изображался государь на престоле и преклонивший перед ним человек, а на другой была надпись; в новгородской гривне считалось 14 денег, а в рубле 222. Псковская деньга имела на одной стороне изображение увенчанной головы быка, а на

⁴⁰⁰) Герберштейн говорит, что до этого времени на Руси денег не было серебряных в монеты: *vix senium annis utuntur pecunia argentea, praesertim apud Moscoviam*. На существование серебряной монеты до XV века доказываются несомнительными свидетельствами. Соловьев, «История России», т. III, стр. 53.

⁴⁰¹) Об отмене кожаных денег в временах в чинской монете в Пскове и Новгороде в первой половине XV века см. «Поли. Соб. Р. Дух.», V, 21 и 24, Соловьев, «История Россия», IV, 262 и 263.

другой надписью. Золотой монеты в Московском государстве не делали; но в обращении было много золотых венгерских и рейнских. Ходили еще рижские рубли, из которых каждый равнялся двум московским. Московская монета делалась из хорошего чистого серебра. Почти все золотых дел мастера в Москве, Новгороде, Пскове и Твери, по свидетельству Герберштейна и Гваньини, чеканили монету. Желавший обменять кусок серебра на деньги приносил его к мастеру и получал равное по весу количество серебряной монеты, платя мастеру указную, очень незначительную сумму за труд. В правление Елены (в 1535 году) произошли перемены в монетной системе: счетная единица рубль понижилась в значении, стала обозначать меньшее количество металла. При Герберштейне в рубле считалось 200 московок, или московских денег; во второй половине XVI века, по словам Гваньини и других иностранцев, в рубле считалось 100 денег. На степень понижения рубля указывают известия о цене венгерского золотого в Москве: при Герберштейне обыкновенная цена его была 100 денег московских, т.-е. полурубля; во время Гваньини венгерский золотой стоил 60 денег, т.-е. больше нового полурубля. Монетная единица также уменьшилась в достоинстве: при Герберштейне за московку давали 60 медных пул, а во время Гваньини только 40 ⁴²²⁾. Герберштейн, Гваньини и

⁴²²⁾ Эти известия о перемене в денежной системе объясняются словами летописи: «Повеле Великий Князь делати новые деньги на свое имя без всякого примеса из гривенки из каловые 300 денег новгородских, а в московское число три рубля равно; а по указу отца его из гривенки делали 250 денег новгородских, а в московское число полтретья рубли с гривною. А при Великом Князе Васильи Ивановиче бысть знамя на деньгах князь великий на

авгавчане XVI века пишут, что в Московском государстве не чеканили золотой монеты; в обращении были только иностранные золотые, но Бухау говорит, что попадались, хотя очень редко, и золотые монеты, сделанные в Московском государстве, с таким же изображением и надписью, как на серебряных деньгах; эти золотые монеты были несколько меньше венгерских золотых. Все упомянутые иностранцы XVI века указывают на употребление в Московском государстве маленьких медных монет, называвшихся пулами; при Герберштейне их ходило за московскую денгу 60, а при Гваньини 40; но таких монет было немного в обращении; по свидетельству Гваньини и Бухау, они делались преимущественно для бедных и употреблялись на мелкие покупки и на милостыню нищим ⁴²³). Таким образом, ходячею серебряною монетою были полденьги, или полущки, деньги, или преж-

коше, а зима меч в руке; а князь великий Иоанн Васильевич учинил злато из денег князь великий на коне, а имел коню в руке, и отдала промышлася деньги копейные». Карамзин, VIII, примеч. 67. Из этого видно, что название копейки перешло на новгородскую денгу, только уменьшенную в количестве металла, название же деньги, как половина копейки, удержалось за московской денгой. Этим объясняется, как же деньги разумел Гваньини, говоря что в нем рубле 100 московских денег. Московки и в XVII в. имели прежнее изображение человека на коне с саблею. Котошчин, гл. VII, ст. 9.

⁴²³) Herberstein 41 и 42.—Guagnini 157 и 158.—Printz и Buchau, 243—245. Агент английской компании Гасс прибавляет: there is a coin of copper, which serveth for the relief of the poor in Muscovy and no where else. Паклюйт, I, 286. Таких медных монет, или пул, ходило 18 за полденьгу, т. е. почти столько же, сколько показывают Гваньини. В торговле медные монеты, по словам Гасса, не обращались: it is no current money among merchants.

ние московки, и копейки, или прежние новгородки; из сложения копеек составлялись высшие счетные единицы— алтын, гривна, полтина, рубль, которые не имели соответствующих им металлических знаков ⁴²⁴).

В первой половине XVII века в достоинстве монеты не произошло перемены, по крайней мере значительной. По словам Петрея, 36 денег (т. е. новгородских или копеек) весили немного менее 2 лотов; следовательно, в рубле было немного менее 16 золотников серебра; по указу 1535 года, из полуфунта серебра велено чеканить ровно три рубля ⁴²⁵). Ходячей серебряной монетой в первой половине XVII века продолжали быть копейки, ценою около 16 денариев, по Маржерету и Олеарию, московки и полушки; последние были так мелки, что, по словам Потрея и Олеария, русские на рынке горстями клали их в рот, чтоб не потерять, и это несколько не мешало им говорить. Чеканили монету по прежнему в 4-х городах,— Москве, Новгороде, Пскове и Твери (где право на это, по Петрею и Олеарию, иногда отдавалось на откуп богатым купцам). Серебряная монета чеканилась из привозного серебра, особенно «ефимочного», т. е. из перелитых рейхсталеров, привозившихся в Россию, как мы видели,

⁴²⁴) Мелкий денежный счет был такой: в рубле 400 полушек, 800 полуполушек, 1.600 пирогов, 3.200 полупyroгов, 6.400 четв. pyroгов.—К а р а м з и н X, прим. 435.

⁴²⁵) М а р ж е р е т говорит, что московский рубль его времени равнялся 6-ти ливрам и 12-ти су; на этом основании К а р а м з и н ценит рубль второй половины XVI в.: в 5 серебр. рублей своего времени, «История Государства Российскаго», т. X, прим. 404. Но г. У с т р я л о в, на основании известия П е т р е я, считает рубль начала XVII в. почти равным 3 руб. 30 коп. серебром по курсу 30-х годов текущего столетия. «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», ч. 3-я, примеч. 63.

во множестве чрез Архангельск в виде товара ¹²⁶⁾; но то же употреблялись, по свидетельству Олеария, и испанские реалы. Ефимки, по свидетельству того же иностранца, были по весу немного больше полурубля ¹²⁷⁾, но в Москве принимали их от иностранных купцов по гораздо низшей цене. По словам Маржерета, цена их иногда падала до 12 алтын или 36 денег ¹²⁸⁾; как видно из иностранных известий, мена иностранных монет была для московских торговых людей предметом настоящей биржевой игры, в которой большею частью проигрывали иностранцы. Герберштейн говорит, что, как скоро иностранец покупал что-нибудь на свою монету, московские купцы понижали ее цену; но если иностранец продавал свой товар москвитинам или, уезжая из Москвы, искал иностранной монеты, ему предлагали ее по возвышенной цене. Особенно сильно колебалась цена иностранной золотой монеты, даже во внутреннем обращении; по словам Маржерета, русские покупали и продавали золотую монету, как и прочие товары; иногда за червонец платили 24 алтына, а иногда 16; обыкновенная же цена им была 18—21 алт. Но бывали случаи, когда цена червонцев возвышалась до 2 рублей, и тогда сильно наживались купцы, успевающие во-время заготовиться ими: такая доро-

¹²⁶⁾ Ефимками, по Олеарию, назывались в Москве рейхсталеры потому, что некогда на них делалось изображение св. Иоханна и эту монету сперва чеканили в Богемии, в городе Joachimsthal. См. Олеарий, 153.

¹²⁷⁾ Имелась рубль весил на $\frac{1}{2}$ лота менее 2-х ефимков: *moins d'un demi que il y en fait deux gros que les cent courans ne pèsent deux rixdalers, les Manrovitins etc.*—Олеарий, 152.

¹²⁸⁾ Царская казна принимала от иностранцев ефимки в уплату за свои товары по 40 или по 42 коп.—Котошихин, гл. VII, ст. 9.

говизна случалась во время царского коронования или брака, также при крестинах, ибо тогда много червонцев шло на подарки царю и царице. То же было и за несколько дней до Пасхи, ибо на Пасху Русские, христосуясь с боярами и другими влиятельными людьми, подносили им вместе с красными яйцами, и червонцы ⁴²⁹). Вследствие этих колебаний цен на иностранную монету заграничные купцы в Москве предпочитали меновую торговлю, платя за русские товары своими товарами, а не деньгами. Во время Петра медных денег в Московском государстве уже не было в обращении. В царствование Алексея Михайловича выпуск медных денег по одинаковой цене с серебряными не удался, и только в царствование Петра медная монета вместе с другими нововведениями в денежной системе вошла в обращение.

⁴²⁹) Маржерет, 50 или 51.—Petrejus, 309.—Olearius, 182.

ПРИЛОЖЕНИЕ ¹⁾.

I.

«Сказания иностранцев о Московском государстве» были представлены В. О. Ключевским «для получения степени кандидата по историко-филологическому факультету»; аттестат на эту степень был выдан ему 25 июня 1865 года; в следующем году «Сказания» были напечатаны в «Известиях Московского Университета» (Приложения, № 7, стр. 3—80; № 8, стр. 81—160; № 9, стр. 161—264); тогда же они появились отдельно, в оттисках (М., в Университетской типографии, 8°, стр. 1—264) и в издании Общества распространения полезных книг (М., 1866, 8°, стр. 1—264); спустя пять лет Василий Осипович представил «Сказания» в совет Московской духовной академии в качестве диссертации (*pro venia legendi*) и защитил ее публично в присутствии профессоров церковно-исторического отделения; 8 июня 1871

¹⁾ Слит. для быстрого напечатания Я. Л. Барсковым.

он прочел пробную лекцию на тему, по назначению комиссии, «О житиях русских святых, как источнике сведений для Русской гражданской истории»: «как защищение Ключевским его кандидатского сочинения, так и пробная его лекция найдены комиссией удовлетворительными» и он был избран, по баллотированию, на должность приват-доцента ¹⁾.

Новое издание «Сказаний» появляется полвека спустя после их появления в свет. На перепечатку «Сказаний» Василий Осипович не соглашался — он считал необходимым переделать или значительно исправить книгу. В настоящем издании текст оставлен без перемен; лишь в примечаниях под строкой изменена нумерация; в дополнения к примечаниям внесены заметки, сделанные автором в печатном экземпляре «Сказаний» (рукопись не сохранилась). Согласно желанию Василия Осиповича, выраженному в последний год его жизни, в дополнения помещены также сведения о новых переводах Герберштейна, Мейерберга, Олария, Флетчера и др. и составлен указатель личных и географических имен.

¹⁾ Василий Осипович Ключевский. Издание Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1914, стр. 388 и 442.

До половины XIX века библиография известных иностранцев о России наиболее обстоятельно была разработана в двух трудах:

1) Meiners, C., Vergleichung des ältern und neuen Russlandes, in Rücksicht auf die natürlichen Beschaffenheiten der Einwohner, ihrer Cultur, Sitten, Lebensart und Gebräuche so wie auf die Verfassung und Verwaltung des Reichs. Nach Anleitung älterer und neuerer Reisebeschreiber B. I—II., L., 1798;

2) Adelung, F., Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. B. I—II. St.-P.—L., 1846 (Русский перевод А. Клеванова в Чтениях О. И. и Д. Р., 1848, кн. 9 (22), стр. III—VIII, 1—48; кн. 1 (23), стр. 49—104; 1863, кн. 1 (44), 105—174; кн. 2 (45), стр. 175—301; кн. 3 (46), стр. 1—86; кн. 4 (47), стр. 87—168; 1864, кн. 1 (48), стр. 169—264, I—V, I—IV). На труд А. Н. Шемакина «Жизнеописания древних, средневековых и нового времени путешественников, посещавших Россию или говоривших о ней и других соседственных с ней странах (перевод с немецкого), изданный Обществом О. И. и Д. Р. при Московском Университете (М., 1865; Чтения О. И. и Д. Р., 1864, кн. 2., от. IV, стр. 1—77; кн. 3, отд. IV, стр.

79—210; кн. 4, отд. IV, стр. 211—292; 1865, кн. 1, отд. IV, стр. 293—359; кн. 2, отд. IV, стр. 361—479; кн. 3, отд. IV, стр. 481—521) в «Сказаниях» нет ссылок.

Хотя в «Сказаниях» отдается решительное предпочтение подлинникам, но иногда Василий Осипович должен был пользоваться переводами — так, например, у него не было под руками лучших изданий Олеария и Мейерберга. В течение полувека «рассуждение» студента Ключевского сохраняло свою научную ценность: другого труда, в котором с такой же законченностью и полнотой были бы изучены известия иностранцев о Московском государстве, все еще нет. Большой интерес представляют «Сказания» и для того, кто стал бы изучать жизнь и творчество Василия Осиповича Ключевского — уже в этой юношеской работе отчетливо выступают черты, какими отличаются его позднейшие труды.

Далее, в дополнениях к примечаниям, указаны важнейшие труды русских ученых, посвященные известиям тех иностранцев, на которых ссылается В. О. Ключевский в своей книге; более полные библиографические сведения заключаются: 1) в «Русской исторической библиографии» В. П. Межова, Т. I,

С.-П.Б., 1892; 2) в «Опыте русской историографии» В. С. Иконникова, Т. I, кн. 1, Киев, 1891, кн. 2, 1892; т. II, кн. 1 и 2, 1908; 3) в «Обзоре записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке» С. Р. Мицлова, Вып. 1, Новгород, 1911; а также в «Catalogue de la section des Rossica ou écrits sur la Russie en langues étrangères», V. I—II, St.-P., 1873.

II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПРИМЕЧАНИЯМ:

(В этом списке принята во внимание только русская литература. Работы, указанные В. О. Ключевским, здесь не повторены).

2) О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григорья Котошихина. Издание четвертое С.П.Б., 1906.

[4 а] *Мицлов*, 28.

«Фламандский рыцарь, служивший в Пруссии и Ливонии (род. 1383, † 1452). В 1413 посетил Новгород. Издан Лелевелем в 1844 г. с комментариями. [*Заметка в авторском экземпляре книги*].

Ф. Брун. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншнена, Бомона, Васени; в 1399—1450 годах. [Записки Одесского Общества Истории и Древностей, III, 433—465 (Одесса. 1853)].

Небольшой отрывок на путешествия 1421 года по Южной России, с обширными примечаниями Бруна. Он издан в отдельном оттиском (33 стр.)—Одесса. 1852.

[К. Говорский?] Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Ланнуа. [«Вестник Западной России», 1837, № 7, стр. 38—47. (Вильна 1867)].

Отрывок из путешествия 1433 года.—Ср. «Ковенския Губернская Ведомости» 1845, №№ 1, 2, 5 и 7.

Емельянов. Путешествия Гильберта де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413—14 и 1421 годах. [«(Киевские) Университетские Известия» 1873, № 8, стр. 1—46].

Известны обширный отрывок.—См. изд.: П. С. Саволяев. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Волжский-Новгород и Псков, совершённого рыцарем Гильбертом де-Ламон, в 1412—1414 годах. («Географическое Известие» 1850, стр. 17—35).

5) Минцлов, 29.

6) Минцлов, 35.

7) Матвей из Мехова, польский историк и продолжатель хроники Дзуготы, профессор и ректор Краковского университета, род. 1457 в Мехове, ум. 1523 в Кракове. См. о нем в Wielka encyklopedia powszechna ilustrowana, seria I, tom XLV—XLVI, стр. 1007—1010 (Warszawa, 1911).

8) Минцлов, 47.

«Записки» Герберштейна, пер. А. Старчевского. Берлин, 1841.

Вейденгома иностранных писателей о России. Отделение первое. Том второй. Сигизмунда Герберштейна (sic!). Часть первая. Санктпетербург, 1847. 8°; стр. 2 нем.+128 русского перевода+32 латинского подлинника.

Редкость; издавно осталось недопечатанным и не выпущено в продажу; оба текста, русский и латинский, обрываются на полуслове.

Записки о Московии (Rerum Moscoviticarum commentarii) барона Герберштейна. С латинского базельского издания 1556 года перевод Н. Афанасьев. С.-Петербург, 1866. 8°; стр. 2 нем.+VI+280+XIV.

Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах. Иванъ Иовъвъ Новокомский. Книга о московитском посольстве. Введенье, перевод и примечания А. Н. Малегина. С приложением 2 портрета в красках, 8 рисунков на отдельных листах, 34 рисунка в тексте и подробных указателей. С.-Петербург, А. С. Суворки, 1908; стр. 4 нем.+XLVI+12 нем.+38'+9 табл.

Сведения о частных переводах, помещенных в сборниках и периодических изданиях, см. у Минцлова. — Ср. Иван Лобойко. О последних изданиях Герберштейна «Записки о России» о критическом обзоре их содержания. С.-Петербург 1818. — К. Е. Замысловская В. Герберштейн и его историко-географические известия о России. С приложением материалов для историко-географического атласа России XVI в. Спб., 1884.

9) Минцлов, 51.

10) *Минцлов, 52.*

Новый перевод проф. Маленина надан А. С. Суворовым в одном томе с Герберштейном, стр. 251—275 (см. выше).—Об извлечениях см. у Минцова.

11) *Минцлов, 54.*

Донесение Д. Иоанна Фабра Его Высочеству Фердинанду, Инфанту Испанскому, Ерцгерцогу Австрийскому, Герцогу Бургундскому и Правителю Австрийской Империи, о нравах и обычаях Московитян. С латинского К. У. [«Отечественные Записки», XXV, 285—305 и XXVII, 47—67 (1826, № 70 и 75)].

Перевод по тексту «Regum Moscoviticarum victores».—Извлечение см. у Минцова.

12, 14, 16, 18, *Минцлов, 62.*

Известие англичан о России во второй половине XVI века. Перевод с английского, с предисловием, С. М. Середонина. [«Чтение в И. О. И. Д. Р.» 1884, кн. 4, стр. IV + 106].

Здесь помещены в сокращенных переводах:

I. Ричард Ченслер (стр. 1—12).

II. Неизвестный (стр. 12—29).

III. Антон Дженквисон (стр. 30—91).

IV. Томас Рандольф (стр. 91—95).

V. Ер. Баус (стр. 95—109).

Отдельного издания не было.—Ср. Н. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. Спб., Ст. I: 1865; Ст. II, 1869; стр. 1—308. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593. Грамоты, собранные, переписанные и изданные Юрием Толстым. Спб., 1875, стр. 441 + VIII. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Спб., 1883. (Сборник И. Р. И. О., т. XXXVIII). С. Середонин. Английские известия о России во второй половине XVI века (Ж. М. Н. П., ССХІІ, 116—165 (1885, № 12)). С. М. Середонин. Известие иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI века. С.-Петербург. 1891. Приложение к журналу «Библиограф» 1891, № 2 и №№ 3—4). Инна Любименко. История торговых сношений России с Англией. Выпуск 1. XVI век. Юрьев, 1912.—Другие переводы и выдержки указаны у Минцова.

13) *Минцлов, 63.*

Первое путешествие англичан в Россию, описанное Кляментом Адамом, другом Чанелера, капитана сей экспедиции, в посвященное Филиппу, королю английскому. С латинского К. У. [«Оте-

«Честивый Монахи». XXVII, 366—366. XXVIII, 83 — 103 и 177 — 189 (1862 №№ 77—79).

Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году. С латинск. П. Таршала-Боричевский. [Ж. М. Н. П., XX, 33—64 (1823, № 10)].

Ср. П. Иванов. Собрание сведений о приходе Числера. [«Архангельские Губернские Ведомости» 1869, № 63].

«Журн. М. Н. П. 1833, окт.». [Замечка в авторском экземпляре книги].

14) В. Н. Берх. Путешествие английского купца Антона Дженингсона из Лондона в Москву в 1557 году. [«Сын Отечества» LXXVIII, 113—129 (1822)].

15) Минцлов, 35; указания незначительные выдержки в журналах 30-х—40-х годов.

[16 а] Минцлов, 83.

Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке. Перевод с латинского, с предисловием Елпидифора Варсоноя. Москва. 1889. Стр. 2 нем. + IV + 62.

(«Из чтений в И. О. Н. Д. Р.». 1883, кн. 1—4).

«См. Погова. Прав. Об. 1878. 2. стр. 300». [Замечка в авторском экземпляре книги].

17) Минцлов, 88 и 89.

Извлечения из иностранной книги, о старине Русской. [В. Б. CXIII, 196—208 (1820, № 19); статья осталась без окончания].

Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века. [Перевел Экстремордшарный Профессор Киевского Университета Домбровский [Ж. М. Н. П., XXXV, 127—153 (1842, № 9)].

Федор Вержбовский. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях.

Выпуск IV. Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575—1576 гг. Исторический очерк Федора Вержбовского. Варшава. 1890. №, стр. 4 нем. + 65.

Выпуск IV. Докладные Иоанна Кобенцеля о Московии от 1576 года. Наданъ [в оригинальном немецком тексте]. Федор Вержбовский. Варшава, 1901. №, стр. XII + 65.

[17 а] Минцлов, 86.

Начало и возвышение Московии. Сочинение Давида Пруса из Вурцбурга, советника Августовских Императоров Максимилиана II

в Рудольфа II и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, Великого Князя Московского. С латинского перевел Ив. А. Тихомиров. Москва, И. О. И. Д. Р., 1877. Стр. 10 нел. + IV + 74.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1876, кн. 3).

Отрывок указан у Минцлова.—Ср. [Ив. Снегирев]. Об иностранных посланниках в России. [Ж. М. И. И., 1845, ч. 45, отд. II, стр. 45—56].

[17 б] *Минцлов, 100 и 146.*

Повествование о Дмитрие Самозванце, собранное Баренцо Баренци [=Автоном Поссевином]. Москва, И. О. И. Д. Р. 1847. Стр. 4 нел. + VIII + 22 + 16 (вместо 20; дефект во всех экземплярах). (Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. 4).

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1848, кн. 5, стр. VIII + 22 + 20).

Ср. П. Ширлинг. Баренцо Баренци или Поссевино? («Русская Старина», CIV, 193—200 (1900, № 16)). — Н. И. Лихачев. Дело о приезде в Москву Автономия Поссевино. С.-Петербург. 1903. [Из «Летописи занятий Археологической Комиссии», вып. XI].

19) *Минцлов, 76.*

Путешествие в Московию Еремея Горсея. Перевод с английского Юрия Толстого. Москва. 1907. Стр. 4 нел. + 2 нел. + 110.

(Стр. 2 нел. в 1—30 из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1877, кн. 1; стр. 4 нел. в 31—110 допечатаны в 1907 году).

Россия в конце шестнадцатого столетия. Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея. Перевод с английского Н. А. Белозерской. С предисловием и примечаниями Н. И. Костомарова. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1909. Стр. 160.

Ю., Толстой. Сказание англичанина Горсея о России в исходе XVI столетия. [«Отеч. Зап.» 1859, т. CXXVI (сентябрь), стр. 99—158].

[19 а] *Минцлов, 115.*

О государстве Русском. Сочинение Флетчера. [Москва, И. О. И. Д. Р., 1843. Стр. 2 нел. + XVI + 106.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1848, кн. 9).

Fletcher. О Государстве русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. Сочинение Флет-

чара. (Лондон? Вазиль?) En vente chez tous les libraires. 1867. Стр. XVI + 116.

О государственном Русском. Сочинение Флетчера. С.-Петербург, А. С. Суворина, 1905. Стр. 2 пустые + XXII + 138 + 2 пустые. — Издание второе. 1905. — Издание третье. 1906.

8) Тилстий, Флетчер и его книга «О Русском государстве при царе Федоре Ивановиче» [«Библиотека для Чтения» 1-60, январь, стр. 25—44, февраль, стр. 45—74]. — А Пыпин? Джилье Флетчер. [«Современник» 1-65, март, стр. 105—132]. — С. М. Сергеевич. Сочинение Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. С.-Петербург, 1841. [Из «записок историко-филиологического факультета Императорского С.-Петербургского Университета», часть XXVII].

21) Минцлов, 152.

Состояние Российской державы и великого княжества Московскаго, с присовокуплением известий о достопамятных событиях, случившихся в правление четырех государей, с 1590 года по сентябрь 1606. Сочинение Капитана Маржерета. Перевод с французского [Н. Устрялова]. Санктпетербург. 1830. Стр. XXVI + 122 + 62 + 1 табл.

Историческая записка, содержащая в себе повествование о замечательных происшествиях, случившихся в царствовании пяти Государей, как-то: Ивана Васильевича Грозного, сына его Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова, Лжедмитрия и Василия Ивановича Шуйского, начиная с 1590 по 14-е сентября 1606 года с присовокуплением описания нравов и обычаев Двора Российского и нравов народа в то время. Сочинения очевидцем Маржеретом. Перевод с французского. Москва. 1830. Стр. 218.

22) Минцлов, 152.

Судьба Отречьева. Из Записок Георга Пьерле. Перевел с немецкой рукописи Николай Устрялов. [«Сын Отечества», CXLV 253—270 и CXLVI, 21—29 (1831, №№ 44—45)].

23) Минцлов, 152.

Дневник Самуила Масковича, бывшего в России во время второго Самосава, названного Тушинским вором. [«Сверный Архив», XIII, 8—30, 100—128, 221—242; XIV, 117—136, 217—245 (1825, №№ 1—3, 6—7)].

Москва в 1612 году. (Отрывок из Записок Масковича) [«Сверный Архив» 1834, № 249, стр. 694—700].

24) *Минцлов, 151.*

История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, поманних смутах, происшеденных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, правах, правлении, вере и обрядах, которую собрад, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезуида в Лейпциге 162 года. Перевод с немецкого А. П. Шемякина. Москва. 1867. Стр. 2 нем.+XII+478 [sic, не 578].

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1865—1867).

[24а) *Минцлов, 303.*

Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московню и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарнем. Перевел с немецкого Павел Барсов. Москва, И. О. И. Д. Р., 1870. Стр. 2 нем.+XIV+76+1040+32+X.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1868—1870).

Адам Олеарий. Описание путешествия в Московню и через Московню в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатель А. М. Ловягина. С 19 рисунками на особых листах и 66 рисунками в тексте. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1906. 4°; стр. 8 нем.+XXVIII+4 нем.+582+2 пустыя+17 табл.

Об извлечениях см. у Минцлова.

25) *Минцлов, 267.*

Донесение Августина Майерберга императору Леопольду I о своем посольстве в Московню. Перевод с латинского с предисловием и примечаниями Е. В. Барсова. Москва, И. О. И. Д. Р., 1882. 4°; стр. 2 нем.+II+54.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1882, кн. 2).

Путешествие в Московню барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальпуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. [Перевод А. П. Шемякина]. Москва, И. О. И. Д. Р., 1874. 4°; стр. 2 нем.+VIII+216+XXX.

(№ «Чтения в И. О. И. Д. Р.» 1873, кн. 3—4 и 1874, кн. 1).

[Том I]. Барон Меерберг и путешествия его по России. С прилежною точностию рисунок, представляющих виды, образы, портреты и т. п., в продолжение сего путешествия собранных. Издан Фадором Адолуфом. Перевод с немецкого. Санктпетербург. 1827. №; стр. VIII+374.

[Том II]. Рисунки и путешествию по России римскогерманского посланника барона Меерберга в 1661 и 1662 годах, представляющие виды, народные обычаи, окрестки, портреты и т. п. Издан Фадором Адолуфом. С.-Петербург. 1827. № 461; стр. 4 табл.+61 табл.+1 портрет+1 фронтиспас.

Одновременно вышло в немецкое издание; оба—на гравиров. И. П. Румлином. Значительно вышло на воспроизведение рисунков стоет.

Альбом Меерберга. Виды и бытовые картины России XVII вв. [Том I—Том II]. С.-Петербург, А. С. Суворин, 1903.

[Том I]. Рисунки древнерусского альбома, воспроизведение с вышивки в натуральную величину, с приложением карты пути севарского посольства 1661—62 г.г. № 461; листов 4 табл.+61+2 табл.

[Том II]. Обязательные примечания к рисункам. Составлены Ф. Адолуфом, вновь просмотрены и дополнены А. М. Лодыгиным, №; стр. XVIII+192.

Об издателях см. «Древняя» и «Путешествия» см. у Миллера.

[23] Николе Карамзин, сделавши под редакцией русского ученого

La relation de trois ambassadeurs de Moscou vers le comte de Carillac, De la part de Sébastien et d'été passant par Charles II roi de la Grande-Bretagne, vers Louis Sébastien de Prusse Alexis Michailovitch, chef de grand duc de Moscovie, Charles, roi de Suède, et Frédéric III roi de Danemarck et de Norvège. Commencée en l'an 1763 et finie sur la fin de 1764. Nouvelle édition revue et augmentée par le prince Augustin Galitzin. Paris, P. Janet, 1837. Стр. XXXII+388. (Bibliothèque Slavonienne). Редактор разъяснил в предисловии автор об участии в первых изданиях Миллера (Guy Meyer). См. предисловие 261.

[24] Миллер, 261.

Известно историком России, находившим в ссылке в кругу, находившему в Лондоне. Состояние Самуила Копляева, который имеет 301 проща при дворе членом и был в числе царя

Алексея Михайловича. [Эпиграф]. Перевел с английского Петр Киреевский. Москва. 1846. стр. VIII+48.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1846, кн. 1).

Перевод глав XX—XXII:

О Дворе Российском при Царе Алексее Михайловиче. [«Московский Вестник», VII, 243—256 (1828, № 2)].

Здесь на стр. 245—246 переведены 12 строк в главе XX (о Б. И. Морозове), отсутствующие у Киреевского на стр. 31.

[26 а] *Минцлов*, 277.

Путешествие по России Голландца Стрюйса. Переводил П. О. Юрченко. [«Русский Архив» 1880. кн. I, стр. 5—128].

«Р. Арх. 1880, I». [Заметка в авторском экземпляре книги].

Библиографическая заметка о немецком переводе книги Штрауса [Johann Jansen Straussens Reise durch Italien etc., Gotha und Ilfurt, 1832, помещена в Ж. М. Н. II., II.—Ж. М. Н. II., 1834, ч. 2, стр. 326—328]. Ср. Adelong, II, стр. 344—346. Приводя отрывок из путешествия Стрюйса, А. Кожлилович называет его: «голландец Ян Япсен Стрейс» [«Северный Архив», 1824. № 5, стр. 275—290; № 7, стр. 26—40].

Об извлечениях см. у Минцлова.

27) *Минцлов*, 281.

Яков Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. Издвденном книгопродавца Петра Мариа Фрамботти. С разрешения старших. С латинского перевел Алексей Сташкевич. Москва. 1905 на обложке—1906]. Стр. X+228.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1905).

Об извлечениях см. у Минцлова.

[27 а] *Минцлов*, 287.

Посольство Боттони от Австрийского Императора Леопольда к Царю Алексею Михайловичу в 1675 году, описанное Адольфом Лизеком, секретарем посольства. С латин. К. У. «Отечественные Записки», XXXIII, 290—316; XXXV, 280—296, 301—332 (1828, №№ 94, 100, 101)].

Сказание Адольфа Лизека о посольстве от Императора Римского Леопольда к Великому Царю Московскому Алексею Михаи-

ловку, в 1676 году. Перевод с латинского Н. Таурова-Боричевского. С. Петербург, 1837. Стр. 2 илл.+65.

(На Ж. М. Н. П., XVI, 327—334 (1837, № 11).

27 в) Минцлов, 292.

Неригауд Такнер. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. Перевод с латинского, примечания и приложения Н. Нвакина. Москва, 1891. Стр. XII+204+5 табл.

(На «Чтениях в И. О. И. Д. Р.»)

27 с) Минцлов, 310.

Сведения о Сибири и пути в Китай, собранные мажорантом Ф. Аврелием, в Москве, в 1686 году. («Русский Вестник» VI, 69—104 (1842, № 4).

«Обл. 14, 67». [Заметки в авторском экземпляре книги].

27 д) Минцлов, 312.

Добытые и новые известия о Московии, 1689 года (де ла Невилля). («Русский Вестник», III, 596—614 и IV, 95—157 (1841, №№ 9 и 10)).

Заметки де-ла Невилля о Московии 1689 г. Перев. с французского А. Н. Браудо. («Русская Старина», LXXI, 419—450 и LXXII, 241—261 (1901, №№ 9 и 11)).

28) Корб, Георгий Георг (Минцлов, 333).

Доклад сделан в Московское государство Игнатия Христофора Гваранта, посла императора Леопольда I к Царю и Великому Князю Московскому, Петру Первому, в 1696 году, ведомый секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом. Перевод с латинского В. Желова и М. Семевского. Москва, И. О. И. Д. Р., 1867 [на обложке—1836]. Стр. 2 илл.+XII+322+XXIV+6 табл.

(На «Чтениях в И. О. И. Д. Р.» 1866—1867).

Иоанн Георг Корб. Доклад путешествия в Московии (1698 в 1699 г.г.). Перевод и примечания А. Н. Малинина. С приложением 19 рисунков на отдельных листах и указателей. С. Петербург, А. С. Суворов, 1906. Стр. 4 илл.+XX+322+19 табл.

«Устр. Изв. II, 4, 62». [Заметки в авторском экземпляре книги].

Переводы отрывков указавы у Минцлова.

Михаил Литвин (*Минцловъ*, 59).

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Выпуск I (XVI т.). Михаил Литвин. Б. де-Виженир. Л. Гораций. Э. Ласота. Перевод К. Мельник (под редакцию В. Антоновича). Киев. 1890. Стр. 2 нел. + IV + 192.

(Из «Киевской Старины» 1889, № 5—6 и сл.). —

В. Н. Берх. Суд английского купца Генриха Лона с местным жителем Ширяем Костромитским в 1560 году. («Сын. Отеч.» 1822, ч. LXXVIII, стр. 158—261).

30) *Минцлов*, 57.

Московия Джона Мильтона, с статьею и примечаниями Юрия Вас. Толстого. Москва, И. О. И. Д. Р., 1875. Стр. 6 нел. + 21 + 2 нел. + II + 84.

(Из «Чтений в И. О. И. Д. Р.» 1874, кн. 3).

43) Ян Ласки (Johannes de Lasco), архіепископ гнзненский, получил на Латеранском соборе (1515) титул «legatus novus». См. Zeisberg, Johannes Laski, Erzbischof von Gnesen [Е. Е. Замысловский]. Герберштейн, стр. 40, прим. 15 в след.].

281) Полный текст у Лизека (стр. 47—48) следующий:

[Царь] in triginta enim argenteis majoribus pitinis, per totidem bajulos, varias huic nationi unprimis charas cupedias, alio et cepis non parce conditas, addito insuper in duodecim cantharis potu, mulo nimum, cremato et cerevisia transmisit, quibus potus Germanorum oculi, quam stomachus, his condimentis non assuetus cogebantur «utari».

92) Meiners, I. 26: «La Relation de trois Ambassadeurs de... Carlisle de la part de... Charles II... Diese Reisebeschreibung erschien zuerst in Englischer Sprache. Ich habe die erste Englische Ausgabe eben so wenig, als die erste französische gesehen und kann also auch von beiden das Jahr nicht angeben. Die französische Edition hatte vor dem ersten Englischen Druck den Vorzug, dass sie das Original war. Dies sagt der Herausgeber, Guy Miège, in der Dedication an den Sohn des Grafen von Carlisle. Ich führe diese Reisebeschreibung unter dem Namen Miège an». Ср. издание под редакцией кн. Голлицыа (Paris, 1857), стр. XXII—XXX.

III.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.

- Австраля—17, 20, 74.
 Азия—20, 21, 27, 40, 175, 178, 214, 240.
 Азиатское море—22.
 Азия—12, 203, 220, 230, 260.
 Александровская слобода—223, 244.
 Англия—19, 60, 252, 275, 276, 279, 280, 282, 283, 284, 285, 286, 291, 294.
 Антверпен—267.
 Аравия—200.
 Аральское море—271.
 Арсенал—270.
 Архангельск—101, 107, 167, 169, 189, 201, 247, 252, 268, 286, 290, 294, 307.
 Астрибод (Острова)—269.
 Астраханское царство—34, 132, 192.
 Астурия—22, 23, 34, 127, 128, 192, 204, 205, 200, 207, 208, 209, 210, 211, 245, 247, 248, 249, 254, 259, 263, 267, 268, 269, 270, 271, 272.
 Африка—6.
 Азия—200.
 Бавария—272.
 Балтийское море—24, 240, 267, 278, 296.
 Баскиловка — (в Москве) — 223.
 Башкирия—20.
 Березов—201.
 Бессарабия—272.
 Богемия—107.
 Болгарское царство—32.
 Болгары—34, Борисов—31, 43, 249.
 Борисов р.—29.
 Бранск—190.
 Бухария—83, 272.
 Белая Россия—27.
 Белая стена (в Москве)—229.
 Белгород—31.
 Белое море—20, 20, 43, 148, 247, 285.
 Белозерская крепость—244.
 Белозерская область—181, 190.
 Белозеро—166, 167, 180, 257.
 Великий город (в Москве)—52, 101, 223, 224, 229, 230, 241, 258.
 Вель р.—257.
 Вайгачский архипелаг—22, 29.
 Вальдгуз—29.
 Васильевск—82, 85.
 Волжская р.—20, 242.
 Венгрия—74, 292.
 Венский-Юнкер—211.
 Велана—43, 230, 246.
 Велла р.—24.
 Вифлия—219.
 Владимирская область—179, 185.
 Владимир—246.
 Вилга р.—26, 29, 32, 33, 34, 40, 158, 176, 180, 181, 182, 187, 188, 194, 195, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 245, 248, 254, 257, 259, 263, 265, 267, 269, 270, 271.
 Вологда—162, 163, 194, 246, 247, 255, 257, 262, 263, 264, 266, 277, 278, 280, 281, 282, 283, 285.

Вологодская область—181, 184.
Вытегда р.—193, 258.
Вышера р.—258.
Вышний Волочек—180.
Вена—56, 98.
Вязьма—43, 196, 261.
Вятка—35, 181, 200, 257.
Вятская область—181, 202.

Гавань св. Николая — см. Ни-
кольская пристань.
Галич—185, 257.
Гамбург—278, 290.
Gwostoffski—188.
Германия—24, 292, 298, 298, 300.
Гиперборейская Скифия—26.
Голландия—101, 291.
Горетов стан—114.
Городецкая волость—189.
Гостиный двор — (в Москве) —
300.
Грустина—35.

Дания—33, 43, 260, 293.
Данков—259.
Данциг—278, 283, 295.
Двинская область—185, 187, 188,
195, 257, 281.
Дербент—270.
Дерпт—40, 290, 296.
Десна р.—40.
Дмитров—255.
Днепрец р.—261.
Днепр р.—29, 32, 34, 39, 40,
193, 203, 213, 244, 260, 261, 292.
Днестр р.—25, 29, 202.
Долгий остров—248.
Донец р.—40, 203, 203.
Дон р.—11, 26, 28, 40, 91, 178,
202, 203, 254.
Дорогобуж—43, 264.
Дубна р.—255.
Дубровна—30, 43.

Евфрат р.—269.
Енисей р.—35.
Енисейская губерния—36.

Закавказье—33.
Замоскворечье—215.

Западная Двина р.—276.
Земляной город (в Москве) —
223, 231.
Ивангород (в Москве)—228.
Иван-город—241, 249, 293.
Измюм—31.
Ильмень озеро—241.
Индия—5, 260, 267, 268.
Инд р.—269.
Иновская слобода (в Москве)—
232.
Иртыш р.—35, 195.
Испания—74, 267, 291.
Италия—187, 291.
Ichkebre—206.
Jerom—35.
Иерусалим—219, 225.
Иоachimсталъ (Ioachimthal)—307.
Кавказский хребет—33.

Кадом—186, 211.
Казанка р.—246.
Казанская область—186.
Казанское царство—29, 34, 85,
133, 199.
Казань—34, 35, 134, 152, 185,
183, 190, 204, 215, 212, 245,
249, 256, 259, 267, 270.
Kaïnkowa—188.
Калуга—292.
Кама р.—32, 33, 84, 195.
Самени Сагауол—206.
Камышенка р.—208.
Кавдалакса—39.
Каргополь—189.
Карское море—37, 33.
Каспийское море—33, 210, 235,
270.
Cassima—36.
Cossin—36.
Кафа—25, 32, 259, 260, 261.
Кегор—39, 200, 293, 297.
Кетский острог—201.
Киверова гора—76.
Китай—267, 272, 273, 275.
Китай город (в Москве) — 58,
217, 223, 225, 226, 227, 228,
229, 230, 233.
Китайское озеро—36.
Киев—29, 40, 260, 261, 272.
Клязьма р.—180.

Козу́д (в Москве)—241.
Козы—39, 185, 240, 296.
Колыванское—51.
Колывань—214, 240, 260.
Колыванская земля—35.
Колыванскость—32, 250.
Копаный Яр (Косерин)—206.
Корыма—30, 39, 159.
Корычан—30.
Кострома—102, 257.
Красно—16, 25, 43.
Красная площадь (в Москве)—
104, 224, 227.
Красная Россия—26.
Красная степь—223, 226, 227.
Красна (в Москве)—52, 53, 58,
143, 163, 218, 219, 223, 224,
225, 226, 228, 229, 230, 233,
300.
Крым—269, 272.
Кубань р.—32.

Кудачинский остров—270.
Кудачь—281, 282.
Кудачья—256.
Курю—35.
Кудачья—49, 257.
Кудачья—69.
Кудачья—200.
Кудачья—12, 26, 29, 40, 43, 62,
86, 94, 202, 265, 269.
Кудачьяский остров—24.
Кудачья—25, 30, 29, 60, 40, 43, 62, 74,
83, 107, 113, 213, 261, 275, 282.
Кудачья—14, 19, 313, 275, 276,
305.
Кудачья—36.
Кудачья—317, 276, 294, 295.

Малое—29.
Малая Татария—31, 40.
Малороссия—40.
Мангайская область—35.
Манга—43.
Мангайск—48, 110, 240, 267.
Мангайск—159.
Манга р.—205.
Манга—224.
Манга р.—234.
Мангастро—232.
Манга р.—214, 216, 223, 228,

229, 230, 231, 251, 254.
Мангайский уезд—114.
Мангайск—30.
Мангайский берег—49, 185, 186,
255.
Мангайское море—251.
Мангайская область—184.
Манга—133, 137.

Надьяки (в Москве)—215, 220,
231.
Нара—22, 258, 294, 295, 296,
297, 298.
Нара р.—40.
Нарым—201.
Нарынь р.—223, 226, 228.
Нижегородская область—180.
Нижегород—29, 187, 188,
205, 244, 246, 249, 270, 284.
Нижняя Россия—26.
Никольская приставь—248, 252,
265, 275, 276, 278, 280, 282,
285, 287, 288.
Новая Голландия—6.
Новая Земля—39.
Новгородская область—39, 180,
185, 187.
Новгород—12, 13, 25, 43, 45, 89,
94, 104, 101, 102, 107, 180,
182, 183, 185, 214, 220, 240,
241, 242, 243, 244, 249, 252,
260, 263, 267, 273, 278, 280,
281, 284, 285, 302, 304, 305.
Новгород-Северский—249.
Нижегородская область—33.
Нижегородская область—39.
Нижегород—39.
Нижегород—30.
Нижегород—40.
Нижегородская область—60, 232, 243,
298.

Областьская земля—35, 185.
Обь р.—30, 35, 81, 29, 301,
301.
Олений брод—204.
Олея р.—24.
Олея р.—28, 92, 155, 190, 195,
212, 254, 269.
Олея р.—269.
Олея—31, 43.
Олеябургская губерния—43.

- Орша—43, 107.
 Polow (Polowon)—206.
 Паппов город—37.
 Паропампа—269.
 Пейтус оз.—40.
 Пелим—201.
 Переволока—206, 259.
 Перекоп—260.
 Переяславль—257.
 Пермская область—181, 182, 255, 257, 281.
 Пермь—35, 164, 182, 185, 188, 195, 255, 256.
 Персидский залив—266.
 Персия—12, 17, 33, 204, 260, 267, 270.
 Печенга р.—200, 287.
 Печора—249, 256.
 Печора р.—38, 185, 189, 199.
 Печорская область—38, 164, 185, 256, 284.
 Пиннега—256, 282.
 Pinzer (Резна?)—211.
 Поганый пруд (в Москве)—228.
 Покровские ворота (в Москве)—231.
 Подземский (пудожерский) остров—247.
 Полоцк—43, 298.
 Польша—30.
 Польша—24, 26, 27, 28, 29, 40, 43, 62, 74, 76, 193, 214, 278, 292, 294.
 Полярный круг—40.
 Понть Эвксинский—9.
 Порохов—244, 249.
 Прага—215.
 Пруссия—11, 292, 296.
 Псел р.—40, 203.
 Псковская губерния—40.
 Псков—89, 134, 162, 193, 213, 214, 242, 243, 244, 246, 249, 252, 260, 293, 294, 296, 298, 299, 303, 304, 306.
 Пустозерск—256, 281.
 Путивль—249, 260.
 Ревель—273, 278, 280, 294, 296.
 Рыга—269, 278, 280, 294, 296.
 Рим—43, 179, 269.
 Ростовская область—190.
 Рязанская область—180, 189, 198.
 Рязанском княжестве—40.
 Рязань—26, 192, 246.
 Самур р.—24.
 Самогития—29.
 Сан р.—24.
 Сарай—204.
 Саранск—211.
 Саратов—34, 207, 211, 212, 204, 259.
 Сараматия—26, 31, 33.
 Сараматские горы—28, 29.
 Святой пос—39.
 Сернопов—36.
 Серпухов—189.
 Сестра р.—255.
 Сибирь—30, 31, 35, 143, 164, 168, 182, 185, 191, 195, 199, 201, 262, 263, 272, 273.
 Сирия—260.
 Сицилия—179.
 Скифия—26.
 Скифский океань—26.
 Скородом (в Москве)—241, 232.
 Смоленская область—184, 185, 188.
 Смоленск—30, 40, 48, 45, 59, 94, 134, 162, 177, 180, 182, 198, 196, 244, 245, 216, 264, 296.
 Соловки—189.
 Соляная гора—188.
 Сосва р.—35.
 Спасские ворота (в Москве)—53, 224, 227, 236.
 Среднее море—269.
 Старая Руса—162, 187.
 Страва—см. Астрабад.
 Старца—244.
 Стрелцовая слобода (в Москве)—230.
 Sturino—206.
 Сура р.—29, 32, 202.
 Сухона р.—265.
 Северная Двина—189, 195, 252, 254, 257, 258, 273, 285, 291, 292.
 Северный Ледовитый океань—26, 29, 36, 39, 40, 43.
 Северская область—29, 40, 185, 186, 247.

- Тверь—291.
Тверь—291.
Тверь р.—26, 40, 209.
Татария—33, 189, 292.
Татарское море—57.
Ташкент—85.
Тверская область—180.
Тверское княжество—90.
Тверь—162, 246, 304, 306.
Тевиса р.—53.
Терский город—33.
Тетюши—204.
Тобол р.—162.
Тобольск—215, 262.
Томский уезд—260.
Торжок—162, 180.
Тотема—196.
Троицкий монастырь—261.
Троица—139.
Тула—31, 150, 200, 219.
Турамея—34.
Турция—272.
Тюмень—85, 201.

Удвинская волость—154.
Удья—180, 190, 257.
Угрюм—255.
Урал—33, 39, 162, 197, 198.
Уса р.—165.
Устима—256.
Устишана—249.
Устюг—130, 225, 257.
Устюжская область—191, 199.

Федюхино—29.
Федюхино—200.

Фларенго—215.
Фларенское море (в Москве)—
221.
Франция—201.

Холмогоры—250, 265, 266, 273,
281, 282, 283, 285.
Холмский город—254, 261, 292.

Царь-Займище—196.
Царев-город—31.
Царев-город (в Москве)—227.
Царистина—204.
Царицын—204, 207, 219.
Цыма р.—189.

Черное море—33.
Черный яр—207, 206.
Чудское море—36, 40

Шанчурин—250.
Шенция—30, 40, 62, 200, 201.
Шекса р.—157.
Шклов—40.

Земляное море—200.

Югорская область—135.

Як р.—33, 34, 35, 209, 210.
Якутская область—36.
Ярославль—162, 166, 187, 189,
194, 246, 252, 253, 257, 263.
Ярославская область—180, 184.
Нуза р.—210, 225, 233.
Яхрома р.—225.

IV.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН.

- Август—173.
 Апрель (Philippe Avril)—13, 34, 40, 201, 210, 211, 212, 219, 222, 239, 249.
 Адам (Clemens Adamus) 12, 13, 90, 102, 108, 115, 142, 146, 192, 216, 219, 252.
 Аделунг (Adelung)—11, 12, 17, 233.
 Алексей Михайлович—14, 16, 53, 67, 166, 170, 224, 233, 248, 308.
 Анна Ивановна—224.
 Альберт Кампенский (Alberio Campense) 18, 25, 26, 86, 108, 175, 177, 185, 186, 192, 219, 240, 241, 296.
 Аристотель—52, 218.
 Атилла—85.
 Барбаро (Jos. Barbaro)—12, 17, 24, 26, 117, 178, 193, 203, 217, 218, 219, 253, 256, 270.
 Батый—23.
 Барроу (Steven Burrough)—17, 200, 204, 205, 209, 286, 287.
 Боттони (Bottoni)—51.
 Боус (Jerome Bowes)—13, 57, 276, 289.
 Буссов (Conrad Bussow)—221, 222, 239, 245.
 Бухау см. Принц.
 Белобород Иван (John de Wallo)—289.
 Бельский Б. кн.—276.
 ешев Н. Д.—114.
 Вазльк—101.
 Василий Иванович III—11, 13, 29, 69, 81, 82, 85, 93, 100, 151, 215, 230, 246, 270, 304.
 Василий Иванович Шуйский—79, 112.
 Викфор (Wicquefort)—15.
 Витовт—203.
 Вундерер (Johann David Wunderer)—15, 242, 243, 294.
 Гаклюйт (Richard Hakluyt)—12, 13, 17, 19, 20, 32, 33, 39, 40, 57, 103, 134, 139, 145, 195, 201, 205, 206, 209, 210, 211, 247, 248, 256, 264, 266, 267, 268, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 283, 293, 295, 305.
 Гасс—17, 230, 281, 305.
 Гваньини—(Alessandro Gваньино)—14, 22, 77, 84, 91, 93, 100, 104, 105, 106, 118, 164, 166, 172, 215, 219, 251, 304, 305.
 Герасимов Дм.—269.
 Герберштейн (Sigmund Freih von Herberstein)—13, 21, 22, 23, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 40, 43, 45, 46, 51, 52, 53, 60, 61, 62, 69, 70, 73, 74, 77, 78, 83, 84, 85, 86, 90, 91, 93, 100, 103, 107, 108, 113, 115, 118, 119, 134, 136, 137, 142, 145, 146, 147, 163, 164, 165, 166, 172, 176, 177, 179, 181.

- 195, 197, 198, 199, 194, 196,
198, 199, 200, 200, 214, 215,
217, 218, 219, 240, 241, 242,
243, 244, 245, 246, 251, 253,
255, 256, 254, 257, 258, 259,
260, 261, 262, 263, 264, 265,
267, 273, 262, 268, 299, 300,
301, 303, 304, 305, 307, 315.
- Палуин Барнс — 30, 79, 127,
254, 245, 268.
- Паллади Н. В. кн.—220, 224,
202.
- Парсонс (Jerome Parsons) 15, 245,
202, 204, 290, 258, 259.
- Пудин—294, 295.
- Пашатов—112.
- Пашков Витовник—148.
- Пемблисон (Anthony Pemb-
lison)—14, 63, 205, 206, 288, 209,
264, 265, 266.
- Пеннон (Richard Johnson) 17,
89.
- Петровский Давид—217.
- Петровский Самовладим—15, 81,
41, 78, 51, 132, 142, 166, 222,
224, 238, 264, 300.
- Петровский Илья—79.
- Петровский—14.
- Петра Геллока—34.
- Петрова (английская) — 36,
20.
- Петрова, Н. К.—80, 70, 235.
- Петроградский В. А. кн.—243.
- Петр Паскалович III—21, 186,
183, 189, 217, 244.
- Петр Васильевич IV Гроз-
ный—13, 67, 82, 84, 85, 86,
90, 92, 100, 114, 136, 140, 151,
154, 190, 248, 250, 252, 267,
271, 273, 288, 298, 300.
- Петро (Paulo Joana Paulo
Gouvea)—18, 19, 23, 27, 77, 90,
93, 108, 110, 136, 140, 148, 149,
177, 184, 185, 186, 194, 214, 219,
240, 253, 255, 269, 273, 290, 297.
- Петров Н. В.—17.
- Камминг см. Альберт Каммин-
гтон.
- Карацки Н. М.—161, 201, 290,
291, 302, 305, 306.
- Кардиз (Cardin)—14, 40, 51,
56, 67, 68, 69, 77, 125, 167,
171, 183, 195, 196, 239, 241,
247, 264, 280, 291.
- Карл I английской—69, 290.
- Карл шведский—16.
- Карнович Е.—20.
- Каллингбург—286.
- Карли—21.
- Климент см. Адам.
- Климент VII—13.
- Кобинья (Hans Cobinij)—14,
64, 241, 245.
- Коллинс (Samuel Collins) 16, 77,
153, 167, 168, 177, 183, 180,
195, 197, 224, 230, 237, 238,
280, 273.
- Контарини (Ambr. Contarini)—
12, 17, 24, 52, 72, 78, 104, 184,
177, 199, 210, 213, 219, 253,
258, 259, 261, 268, 270.
- Корб (Joan Georg Korb)—17,
21, 40, 46, 47, 55, 56, 58, 103,
109, 121, 153, 154, 167, 168,
171, 221, 228, 230, 238, 280,
296, 307.
- Коташевы 7, 66, 73, 77, 79,
95, 96, 104, 120, 121, 122, 130,
152, 157, 163, 168, 169, 170,
171, 305, 307.
- Курбский А. М. кн.—129.
- Лавуа (Lavoisier)—11, 17, 25,
26, 177, 202, 239, 240, 253,
292, 302.
- Ласкис Новак (Joh. Laszko)—
23, 60, 260.
- Лавенек—12.
- Лан (Henric Lane) 17, 20, 186,
276, 294.
- Ланк (Adolph Lysack)—16,
40, 51, 56, 59, 70, 73, 191, 222,
225, 229, 239, 243, 264.
- Максимилиан (Maximilian)—14.
- Маржерет (Jacques Margeret)—
15, 20, 21, 50, 64, 65, 97, 120,

- 121, 130, 140, 154, 156, 159, 161, 162, 163, 166, 182, 183, 203, 204, 220, 235, 236, 239, 249, 306, 307, 308, 319.
- Мария (английская)—273.
- Маргелис—189, 191.
- Маскевич (Samuel Maskiewicz) 15, 19, 20, 132, 140, 142, 153, 154, 227, 228, 229, 235, 245.
- Матвеев А. С.—229.
- Матвей из Мехова (Mathias de Meehovia)—11, 12, 23, 199, 200, 215, 315.
- Мейерберг (Mayerberg)—10, 16, 20, 21, 34, 38, 40, 41, 44, 53, 56, 61, 63, 65, 73, 77, 86, 94, 95, 96, 97, 121, 122, 123, 130, 152, 166, 170, 171, 196, 201, 220, 239, 245, 246, 249, 273, 291, 296, 320, 321.
- Мейнерс (Meiners)—5, 12, 35.
- Милославский, Н. Д.—170, 224.
- Мильтон (John Milton) 20, 250, 282.
- Михаил Литвий (Michalon)—11, 17, 98, 105, 108, 134, 146, 148, 149, 165, 166, 260, 261, 272, 273.
- Михаил Феодорович—160, 166, 191, 229, 289, 290.
- Морозов—224.
- Мьж—224, 239.
- Меховский см. Матвей.
- Наталья Кирилловна—51.
- Невиль (Neuville)—17, 95, 97, 117, 118, 171, 220, 222, 225, 233, 235, 237, 239, 245, 262, 264, 266, 273, 290, 291, 298, 323.
- Одерборн (Paul Oderborn)—84, 240, 241.
- Одоевский кн.—224.
- Олеарий (Adam Olearius)—15, 21, 22, 23, 32, 33, 34, 37, 40, 41, 48, 51, 52, 54, 56, 57, 61, 70, 72, 73, 78, 79, 81, 86, 101, 117, 121, 122, 130, 140, 141, 142, 143, 144, 152, 154, 155, 157, 158, 159, 166, 167, 171, 177, 181, 183, 188, 189, 190, 191, 192, 195, 204, 206, 208, 209, 210, 212, 213, 221, 222, 223, 225, 226, 231, 232, 234, 237, 238, 239, 241, 245, 247, 248, 249, 254, 263, 264, 265, 266, 272, 273, 292, 293, 296, 297, 301, 306, 307, 308, 320.
- Павел (генуэзский капитан)—269.
- Паерле (Georg Peyerle) 16, 20, 67, 73.
- Петрей (Peter Petreius-Peter Peterson)—15, 20, 23, 98, 101, 116, 117, 122, 142, 144, 221, 263, 264, 306, 308, 320.
- Петръ Великий—5, 51, 58.
- Плвий—27.
- Полов—14.
- Поссевин (Ant. Possevino)—14, 18, 42, 43, 52, 54, 59, 60, 63, 73, 76, 77, 81, 83, 91, 105, 108, 128, 134, 164, 165, 166, 173, 194, 199, 215, 217, 218, 219, 241, 243, 244, 245, 246, 259, 271, 277, 299, 318.
- Принц (Daniel Printz Buchau)—14, 66, 77, 143, 183, 251, 264, 305.
- Птоломей—27.
- Рандольф (Thomas Randolfe)—14, 56, 195, 217, 265.
- Рейтенфельс (Jacob Reutenfels)—16, 22, 60, 61, 66, 94, 96, 97, 122, 123, 152, 189, 190, 220, 221, 222, 224, 232, 233, 239, 262, 264, 292, 269, 322.
- Рубруквис (Wilh. de Rubruquis)—302.
- Рудольф—14.
- Саутам (Thomas Southam)—17.
- Семенов, В.—12.
- Сигизмунд Август—268.
- Соловьев, С. М.—106, 114, 149, 163, 195, 232, 278, 271, 284, 288, 289, 290, 303.
- Софья Алексеевна—171.

- Седла (Saddles)—82.
Селва (Alan Sparks)—17.
Селфара—202, 200.
Селфас Патерай—88, 105, 242.
Селфас Паркский ка.—199, 228.
Селфасовы—195.
Тамерлак—28, 54, 288, 290.
Тампер (Bernhard Leopold Franz
Tampfer)—10, 40, 58, 54, 60, 73,
77, 142, 171, 182, 190, 210, 221,
225, 226, 227, 229, 230, 231,
233, 244, 239, 244, 245, 257,
264, 272, 228.
Тателло—155.
Трубинский ка.—224.
Трубинский, А. Н. ка.—63.
Ульфельд (Jakob von Ulfeld)—14,
30, 67, 94, 97, 181, 241, 242,
317.
Уссуз-Гаспан—12.
Устратов Н. Г.—226.
Фабри (Jakob Fabri)—13, 15,
73, 75, 91, 108.
Фалши (испанский)—226.
Фашари (Fischer)—15, 244.
Флетчер (Göze Fletcher)—15, 20,
21, 30, 30, 78, 81, 91, 93, 94,
100, 101, 104, 107, 108, 110,
113, 114, 115, 116, 117, 119,
120, 127, 128, 130, 131, 132,
133, 134, 135, 136, 138, 142,
146, 147, 150, 160, 161, 163,
164, 166, 169, 172, 173, 174, 182,
184, 186, 187, 189, 191, 199,
215, 216, 218, 219, 246, 278,
297, 298, 318, 319.
Фридрих III датский—15.
Честер (Chester)—11, 80, 80,
82, 90, 145, 146, 240, 276, 291.
Черкаские ка.—224.
Чичерин, В. Н.—141, 152, 154.
Шестаков, С.—17.
Штраус (Isidor Straus)—17, 34,
167, 171, 187, 192, 208, 221,
222, 230, 244, 245, 248, 249,
260, 323.
Щелкалов Андрей—276.
Юрьев, Н. Р. 276.
Федор Иванович—127, 250, 251

RECEIVED APR 23 1970

DK
21
K55
1918

Kliuchevskii, Vasilii Osipovi
Skazaniia inostrantsev

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
